

ЭЛЛЕЙН Л. УЭБСТЕР

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
Эк Джей

Перевод с английского Марины Пуксанти

УДК 821(94)-053.6
ББК 84(8Авс)-44
У97

Автор обложки Тимофей Яржомбек

Уэбстер, Эллейн Л.

У97   Толковый словарь Эс Джей : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Эллейн Л. Уэбстер ; пер. с англ. Марины Пуксанта ; [авт. обл. Т. Яржомбек]. — М. : КомпасГид, 2022. — 304 с.
ISBN 978-5-907178-58-8

Тринадцатилетняя Саманта решает начать все с нуля. Первым делом — сменить имя: теперь она Эс Джей. Затем — найти друзей: новый город, кажется, идеально подходит для этого. И наконец — сохранить свою тайну. Для этого надо ни в коем случае не допускать прежних ошибок и быть внимательнее.

Друзья появляются быстро: отзывчивая Оливия, готовая познакомить Саманту с городом; приветливый Сэм (почти тезка!), которому явно приглянулась новенькая; Хайди и Мали, красавицы и настоящие звезды школы. Все идет как надо — до первой вечеринки. Тут история поворачивает на сценарий, до боли знакомый Саманте: косые взгляды, смешки, подначивания. Но в чем она виновата?! Она же не выбирала себе большую кожу!

На новом месте, в новой школе, в новой компании девушке предстоит посмотреть на саму себя так, как она не смотрела прежде. Проблемы, буквально вгоняющие героиню в краску, кажутся непреодолимыми, но главное слово тут — «кажутся». Оливия, Сэм и даже Хайди с Мали могут ей помочь — каждый по-своему.

Австралийская писательница Эллейн Л. Уэбстер, дважды лауреат старшей в стране премии в области детской литературы CBCA Awards, — мастер создавать живые и вызывающие доверие подростковые характеры. Ее персонажи говорят на том же языке, что и читатели, и переживают те же трудности. К счастью — всегда находят способ с ними совладать, так что книга становится надежным путеводителем по сложному миру подростков. На русском языке Эллейн Л. Уэбстер публикуется впервые.

УДК 821(94)-053.6
ББК 84(8Авс)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения ООО «ИД «Тинбук».

Originally published under the title SENSITIVE by Allayne L. Webster
Copyright © Allayne L. Webster 2019
First published in Australia in 2019 by University of Queensland Press
© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

ISBN 978-5-907178-58-8

Несмотря на то что произведение написано на основе жизненного опыта автора, это вымысел. Имена, герои, предприятия, места, события, происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленных ситуациях. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или покойными, или с реальными событиями абсолютно случайно.

*Дэрилу,
который любит меня такой, какая я есть,
и сидел на жестком стуле у моей больнич-
ной кровати неделю за неделей, и никогда,
ни разу, не жаловался*

ГЛАВА

Я решила перестать быть собой. Всё. Конец игры. Доступ запрещен.

Нет, я не превращаюсь в жертву по сценарию «Вторжения похитителей тел»* — пока. И мне не предстоит пластическая операция или переезд в Антарктиду или куда там едут люди, скрываясь от своего прошлого, — хотя такое расстояние между мной и матерью могло бы спасти жизни. На самом деле я сделала то, что уже протестировали, испробовали и полюбили телесценаристы по всему миру, — уехала в другой город.

---

* «Вторжение похитителей тел» — триллер/фэнтези; фильм режиссера Филипа Кауфмана, снятый в 1978 году по мотивам романа Джека Финни «Похитители тел». Включен Стивеном Кингом в список наиболее значимых произведений жанра с 1950 по 1980 годы. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. пер.)

Новый город. Новая Я.

Формально я не принимала решение о переезде — переехали мои родители, а меня просто потащили за собой. В тринадцать у тебя не так много возможностей для выбора. Сначала я расстроилась из-за этого, но потом меня осенило. Это случилось, когда мама активно расхваливала мне и братьям наше будущее: «Только подумайте, как здорово будет жить в Кингстоне!»* Это живописный городок с пляжем, рыбацким причалом, парками, стадионами, новыми друзьями, новыми занятиями. Это шанс создать себя заново!»

Обычно я не соглашаюсь *ни с чем*, что говорит или делает мама, но эти ее последние слова — те, что про шанс создать себя заново, — ладно, она права. В кои-то веки.

Я бы рассказала вам, *почему* я хочу создать себя заново, но Новая Я не любитель излишней откровенности. Новая Я неуловима. Таинственна. Несговорчива. Уперта, как вши у первоклашек.

— Прекрати, Саманта! — шикает мама.

— Я больше не Саманта. — Она меня реально не слышит. — Я Эс Джей.

---

* Кингстон — небольшой город в Австралии, в штате Южная Австралия. Расположен в 240 километрах от столицы штата Аделаиды.

- Прекрати, Эс Джей.
- Прекрати что?
- Мамина бровь взмывает вверх.
- Сама знаешь что.

Мы приехали за покупками в новый супермаркет. Мама говорит, пора начать готовить нормальную еду. Покупая два месяца готовую, родители, похоже, набрали на двоих семь килограммов — бóльшая часть которых (по словам мамы) досталась папе. Я вроде как согласна, но ей об этом не говорю.

Мама любит ходить за покупками со мной вдвоем. Она говорит, что проще думается, когда мои братья не дергают ее за руки. Дилан и Роун *очень* надоедливые. Они как вирус Эбола и Ким Чен Ын в одном флаконе. В магазине они растекаются, как нефть у Большого Барьерного рифа, — что неизбежно приводит к международным скандалам. Сейчас они дома с папой, собирают двухъярусную кровать. Папа говорит, они как его начальники на работе: говорят много, но на этом всё и заканчивается.

Мама подкатывает тележку к следующему стеллажу.

- Где мука?
- Я передаю ей килограммовую упаковку.
- Она изучает ее и передает обратно.

— Другая.

Я протягиваю другую.

— Саманта! — вскрикивает она. — Ты опять!

Я задрала рукав, чтобы почесать локоть. Вокруг никого. Я бы не стала этого делать, если бы кто-то был рядом.

— Я же говорила, Саманта. Сила воли. Си-и-и-ила во-о-о-о-о-о-оли.

— А я говорила тебе называть меня Эс Джей. Эс Дже-е-е-е-е-е-ей.

Мы перебираемся в другой ряд. Я расправляю рукав и чешу запястье о бок. Мама качает головой с выражением «да какое мне дело?» и укладывает в тележку веджимайт*, джем и мягкий сыр.

— Хочешь попробовать? — Она держит в руках банку с медовой пастой со странным названием. Это похоже на еду хиппи — не то чтобы я знала каких-нибудь хиппи, но они сто процентов едят нечто подобное. На бежевой этикетке корявые буквы и изображение пчелы в шляпе фермера, будто это всё рисовал восьмилетка. — Написано, что она обладает органическими лечебными свойствами.

---

* Веджимайт — густая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта и овощных добавок, национальное блюдо Австралии. Используется главным образом в качестве спреда, который намазывают на хлеб, сэндвичи и крекеры.

— Без разницы.

— Да ладно тебе, Сэм. В смысле, Эс Джей. Мы не должны сдаваться, верно?

Мама злится, когда я не хочу пробовать что-то новое. Она постоянно тычет мне в лицо каким-нибудь новым продуктом. *Попробуй это. Попробуй то.* Спорить бесполезно.

Я закатываю глаза.

— Ладно. Отрывайся.

Медовая паста отправляется в тележку. Следом за ней соус с такой же этикеткой.

— Вот это настоящая бодрость духа, — говорит мама. — Кто знает, что в итоге сможет помочь!

Мы подходим к стеллажу с гигиеническими принадлежностями.

— Папа хотел дезодорант и крем для бритья, — напоминаю я.

— Да, да, хорошо. — Она показывает на коробку с тампонами. — Уже ведь недолго осталось, а? Может быть, совсем скоро?

Парень, который выбирал туалетную бумагу, обернулся в нашу сторону. Я хочу умереть. Почему бы ей не взять громкоговоритель и не сообщить об этом всему миру?

— Не смотри на меня так, Саман...

— Эс Джей!

— Не смотри на меня так, Эс Джей. Я просто спросила. Тебе уже тринадцать. Это должно скоро случиться. — Она подталкивает меня локтем и подмигивает.

Моя мама заслуживает дополнительные баллы за энтузиазм. Она считает, что тринадцать — это магическое число. Тринадцать лет — и я официально тинейджер. В тринадцать у меня должны начаться месячные (у мамы начались в тринадцать). В тринадцать у меня может прекратиться моя кожная болезнь из-за гормональной перестройки и всего этого (надеюсь, здесь она окажется права).

Мама бросает в тележку лак для волос, воск для укладки, салфетки для снятия макияжа и три бруска мыла. Берет лосьон с дозатором, изучает этикетку и кидает его следом.

— Наверное, надо купить тебе еще сорболиновый крем*. — Она говорит это таким голосом, типа «ну если нужно». Абсолютно нормально, что папе потребовался крем для бритья или дезодорант; нет проблем, если мама купит себе салфетки для снятия макияжа; но, если мне нужен сорболиновый крем, это всем причиняет колоссальные неудобства.

---

* Сорболиновый крем — специальный увлажняющий крем для ухода за раздражительной кожей, склонной к экземе и псориазу.

— Не волнуйся. Думаю, у меня еще есть.

— Хорошо. — Мама ставит флакон обратно. —
Куплю его в следующий раз, когда поеду в город.
Здесь он дороговат.

Девочка из моей прошлой школы в Брокен-Хилл*,
Изабелла Форсайт, пользовалась сорболиновым кре-
мом. Я видела, как она снимала с его помощью ма-
кияж. Она накладывала крем густым слоем, раз-
мазывала и снимала детскими влажными салфет-
ками. Изабелле не нужен сорболиновый крем. Ей
вообще *ничего* не нужно. Изабелла ужасно прекрас-
на. Вокруг нее всегда камеры. Когда она рядом, вя-
нут цветы на клумбах. Сорболиновый крем — пос-
леднее, что ей может понадобиться.

— Шампунь тоже придется купить в городе, —
говорит мама, изучая следующую этикетку. — Эти
все содержат лауретсульфат натрия.

— Лаурет что?

— Ну, знаешь, такое вещество, из-за которого
у тебя на голове начинается зуд. Мы же не хотим,
чтобы у тебя всё опять стало шелушиться.

Ах, это.

---

* Брокен-Хилл — небольшой город в Австралии, в штате Новый Южный Уэльс.

Мама сильно переживает о том, как я выгляжу. Она постоянно мне твердит, как надо себя вести и что первое впечатление много значит. Папа говорит ровно обратное. По его словам, главное — мозги, а не то, как ты выглядишь. Но он школьный учитель. А школьному учителю сказать такое — как нечего делать.

У меня была возможность понять, что папа от мамы реально недалеко ушел. Как-то он рассказывал мне историю своего знакомства с мамой. Начал с того, что увидел ее в баре, с копной мягких светлых волос, со сверкающими голубыми глазами, и тут же понял, что ему *необходимо* с ней поговорить. Она еще и рта не раскрыла, а ему уже было *необходимо* поговорить с ней. Я спросила: «А если бы мама оказалась страшилищем в бородавках, с большим крючковатым носом и кривыми зубами, ты бы всё равно хотел с ней поговорить?» Он засуетился и сменил тему.

Мама сворачивает с тележкой к ряду с туалетной бумагой и изучает стеллаж с какашечными билетиками (это мой брат Роун так их называет). Раздумывает, какие купить по выгодной цене. Я наклоняюсь и чешу лодыжку. Мама толкает меня локтем. Раньше она била меня по рукам, но теперь перестала. Когда я была маленькой, мама коротко обстригала мне ногти и упаковывала мои руки

в варежки. Я теперь старше — пожалуй, она не сможет уже так просто меня связать.

Мы направляемся к рядам с молочной продукцией. Мама хватает упаковку йогуртов и несколько кусков сыра. У молочной витрины стоит высокая девчонка с темными кудрявыми волосами и длинными загорелыми ногами и изучает упаковку взбитых сливок. Она смотрит на меня.

Я знаю, что слишком таращусь. Но... *Как бы я хотела такие ноги!*

Девчонка ставит упаковку со сливками обратно на полку.

— Клевые кроссовки. — Она подходит ближе, чтобы рассмотреть мои «адидасы».

На одной ноге у меня розовые шнурки, на другой — зеленые. В Брокен-Хилл у всех были такие.

— Они просто бомба.

Я улыбаюсь.

— Спасибо. Они новые.

Мама тут же влезает:

— Я миссис Бэклер. Приятно познакомиться.

Девчонка смотрит на маму так, будто та заговорила с ней на суахили, и засовывает руки в карманы.

Мама нервно хихикает.

— Это моя дочь Саман... То есть *Эс Джей*. Мы недавно переехали из Брокен-Хилла.

— Я знаю вас, — спокойно сообщает девушка. Мама моргает. — Мой дядя Барри — риелтор. Вы въехали в учительский дом на берегу. Вид на океан, кухня-студия, воздушное канальное отопление, три спальни плюс кабинет, гараж на две машины.

У мамы отпала челюсть.

— Э-э-э, да, всё верно, — заикается она.

Девчонка поворачивается ко мне.

— Оливия Хамфрис. Все называют меня Лив или Ливви, выбирай. — Она выжидательно улыбается. — У тебя есть братья, верно?

В этот момент я понимаю, что мой план стать женщиной-загадкой под угрозой срыва. Мистер Барри, дядя этой Лив-или-Ливви, похоже, работает на АСБР — Австралийскую службу безопасности и разведки (то есть службу австралийских секретных агентов). Бабушка рассказывала мне про АСБР. Они знают всё, кроме, пожалуй, цвета вашего нижнего белья. Бабушка говорит, что именно поэтому она любит путешествовать — это держит их в тонусе. Прямо сейчас она в Новой Зеландии карабкается по древним вулканам.

— Учителя говорили, что скоро к нам присоединится еще одна семья, — рассказывает Лив-или-Ливви. — У тебя есть велосипед? Я могу показать тебе окрестности.

Мама оживляется. Но потом свет в ее глазах гаснет, и я слышу, как начинают тикать ее тревожные часы. *Тик-так, тик-так, тик-так.* Она думает, что, если я пойду куда-то одна, меня утащит большой страшный волк, порубит на куски и сварит из меня суп. В последний раз, когда она это заявила, я ответила, что не стоит волноваться — я буду носить красную шапочку только по выходным. Мама тогда сказала: «Ты не будешь так громко смеяться, когда станешь героиней одного из главных сюжетов в шестичасовых новостях». Глупое утверждение: похититель вряд ли посадит меня перед телевизором, чтобы я полюбовалась собой на экране. Но в этом вся моя мама. У нее живое воображение. И оно становится еще живее после вина.

— Где твоя мама, дорогая? — спрашивает мама.

Боже. Ей обязательно было говорить «дорогая»? Она что, не знает: так выражаются только старики?! Я начинаю краснеть. Очевидно, мама собирается устроить настоящую проверку, чтобы на сто процентов удостовериться: семья Лив-или-Ливви не убийцы с топорами. Или, хуже того, не голосуют за либеральную партию.

— Мама дома, — отвечает Лив-или-Ливви. — Я весь день гоняю на велике по городу.

Мама трет подбородок, обдумывая эту информацию.

— Я могла бы подбросить Эс Джей к вам домой. Познакомишь меня со своей мамой?

Лив-или-Ливви бросает на меня взгляд.

— Я к вам подъеду. Вы же скоро будете дома?

— Ну... пожалуй, — отвечает мама с усталостью в голосе. — Минут через двадцать.

— Тогда увидимся! — Лив-или-Ливви хватается банку со сливками и отправляется на кассу.

Мама смотрит ей вслед.

— Похоже, я попала в ловушку.

— Тебе обязательно было называть ее «дорогая»?

Мама фыркает и закатывает глаза.

Мы хватаем огромную упаковку какашечных би-летиков и идем к кассе.

Очереди нет, и мы сразу подходим к кассиру. Нас обслуживает девушка ненамного старше меня. У нее рыжие волосы и светлая фарфоровая кожа. Я всегда смотрю на кожу других людей.

Она пробивает наши покупки.

— Как прошел ваш день? — Что-то в голосе кассириши подсказывает мне, что она не может не задать вопрос.

— В хлопотах, — отвечает мама. — Прекрасная погода, не правда ли?

Девушка кивает с улыбкой. Затем она смотрит на меня, потом еще раз. Я беру какие-то конфеты из кучи мелочевки у кассы и притворяюсь, что читаю этикетку. Девушка пробивает еще несколько товаров. Наконец любопытство берет верх.

— Это вы так обгорели или у вас настолько чувствительная кожа?

Вот так. Прямо здесь. Сложно было удержаться.

Новая Я хочет спросить: «Это у вас *словесный понос или такая невероятная грубость?*» Но Старая Я еще сильна. Привычки, которым следовал всю жизнь, сложно изменить. Я прячусь за волосами.

Мама хватается продукты, запихивая их в сумки с рвением паникера, закупающегося перед концом света.

— Моя дочь страдает от сильной экземы.

О боже. Приехали. Заберите меня отсюда. Сейчас же.

— С этим не так просто жить, знаете ли.

— Мам! Это обязательно?!

— К вашему сведению, это называется хронический атопический дерматит, — продолжает мама, не обращая на меня внимания. — Это кожное заболевание. Расстройство аутоиммунного характера. Ужасная, жестокая болезнь. Слышали что-нибудь об этом?

Девушка мотает головой. На ее лице выражение: «Боже мой, леди. Простите, что спросила».

— Ее вины в этом нет, — продолжает разглагольствовать мама. — Это не психосоматика. Это по-настоящему. И она очень расстраивается, когда кто-то указывает на это.

— *Мам...*

— Я еще не закончила! — Она поворачивается обратно к девушке. — Я водила ее к бесчисленному количеству докторов. Ее осматривали больше врачей, чем платьев у вас в шкафу, юная леди.

Когда моя мама в ударе, ее не остановить. Она как заезженная пластинка, которую никто не выключит. Мама собирается рассказать кассиру историю моей жизни и не видит для этого никаких препятствий. Скоро по всему городу разлетится новость: «*Познакомьтесь с новым местным фриком — Эс Джей*». Круто для создания новой себя.

Мама продолжает:

— Я испробовала всё, что только возможно: лосьоны, рецепты врачей, домашние средства. Ничего не помогает. *Ничего*. Мы сошли с ума, стараясь понять, в чём причина. Домашние животные, трава, пыльца, еда — это может быть что угодно! Как, черт возьми, нам знать то, что даже врачам неизвестно?

Девушка поднимает руку, подзывая старшую по смене.

— Мне нужно в уборную. — Она даже не стала ждать, пока ее кто-то сменит. Просто оставила нас у кассы.

Как только девушка оказалась вне зоны слышимости, я взрываюсь:

— Мам! Ты серьезно?!

Мама закрывает лицо руками.

— Я знаю. Я опять это сделала.

— Ты могла просто сказать, что я обгорела на солнце. Мы обычно так всем и говорим. Это намного проще, чем объяснять всё это!

— Я просто... Я устала от вопросов, Саманта. Они как будто думают, что я плохая мать. Будто я не обращаю на это внимания... Не знаю, почему мне пришлось в голову, что переезд в другой город станет...

Я останавливаю ее:

— Мам, я привыкла к этому. Всё в порядке.

Но на самом деле я никогда не привыкну. Я это ненавижу. Ненавижу свою кожу. И больше всего ненавижу себя за то, что никак не могу на это повлиять.

— Нет, не *в порядке*, Саманта. Нечестно, когда люди заставляют тебя чувствовать себя не такой, как все.

Я не утруждаюсь объяснениями, что это *она* заставляет меня чувствовать себя не такой, как все.

Хватаю сумку с продуктами.

— Давай отнесем это домой. Девочка, с которой мы разговаривали, может быть, уже ждет. Я бы хотела поехать с ней покататься.

Женщина средних лет с жесткими седыми волосами и табличкой с именем «Рита» занимает место за кассой. У Риты в карман фартука засунуто два с лишним десятка ручек. Я хочу спросить ее зачем, но она заводит тот же сценарий, что и девушка до нее:

— Здравствуйте! Как прошел ваш день?

Мама сжимает губы и продолжает паковать продукты.

— День был совершенно потрясающий, — говорю я. — Спасибо, что спросили, Рита!

Она смотрит на меня и громко и протяжно свистит.

— Бог ты мой! Кто-то провел слишком много времени на солнце? И забыл нанести защитный крем?

Мама выглядит так, будто вот-вот взорвется. Я смеюсь.

— Да, я сейчас как свекла.

— Вам стоит обратить внимание на крем с защитой 50+, милая. — Она бросает взгляд на маму, будто говоря: «Купи крем, скряга!» — В седьмом ряду. Он сейчас по специальной цене: шестнадцать девятью пять.

— Спасибо, Рита. У меня дома есть. Я просто забыла его нанести.

Мама сует комок наличных в руку Риты, хватает продукты и вылетает за дверь.

На парковке с мамой случается взрыв номер два. Она ругается и продолжает говорить о том, какие люди грубые, невнимательные, нечувствительные и глупые. На нас смотрят все вокруг: грубые, невнимательные, нечувствительные и глупые люди. Одна старушка качает головой.

— Мам, мы можем уже ехать?

— Да, да. Хорошо.

Я забираюсь на переднее сиденье — к счастью, стекла у нас затемненные. Если так прошел наш поход в магазин, что будет в моей новой школе?

Не уверена, что хочу знать ответ.

ГЛАВА

Мы были дома уже десять минут, когда прозвенел звонок. Это Лив-или-Ливви (именно в тот момент я решила называть ее Ливви). Она стоит у крыльца в таких же кроссовках, как у меня. Должно быть, съездила домой и переобулась.

— Готова? — спрашивает Ливви, собирая темные кудряшки в хвост и надевая повязку на голову. Ее длинные загорелые ноги блестят на солнце.

— Идем! — выкрикиваю я через плечо.

Я хватаю велосипед из гаража и с трудом еду вниз по дороге. Наш новый дом стоит на холме, и подобраться к парадной двери — всё равно что вскарабкаться на египетскую пирамиду. Папа говорит, что земляные работы потребуют целого состояния. Мама напомнила ему, что это собственность департамента образования и они, скорее всего, смогут себе это

позволить — с учетом всех продолжающихся сокращений. Подозреваю, это был сарказм.

— Всегда хотела скатиться с этой горки, — говорит Ливви. — Ты не пробовала?

Это действительно приходило мне в голову. Как и то, что мне уже тринадцать вообще-то. Кататься с горок — это совсем по-детски.

— Наверное, если бы попробовала, груди было бы больно. — Ливви обхватывает свою грудь. Только сейчас я увидела, что ее грудь уже вполне обрела свой постоянный адрес. Моя пока еще в пути. — Они мешаются, правда?

— Ну да.

— Мне подарят новый велосипед на тринадцать лет, — говорит Ливви, маневрируя и забираясь на велик. Ее велосипед ярко-розовый, помятый, с корзиной с желтым цветком. — А когда тебе будет тринадцать?

Я запрыгиваю на велик и следую за ней.

— Было в прошлом месяце.

— А, черт. Ты могла попросить новый. Хайди и Мали тоже получают новые велики.

— Кто такие Хайди и Мали?

— Девочки из школы.

— Они твои подруги?

— Вроде того.

Не понимаю, как можно быть с кем-то *вроде друзей*.

— Поедем к Большому лобстеру*, ладно? — предлагает Ливви.

Я уже была у Большого лобстера — или *Лобстера Ларри*, как называют его местные, — в первый день, когда мы приехали в Кингстон. Я видела скульптуру на открытках и в рекламных проспектах, но увидеть Большого лобстера вживую — это совсем другое. Он огромный. Когда мы его изучали, милый европейский турист предложил нам сделать фото. А потом попросил маму об обратной услуге. Мама потратила вечность, суется вокруг него и выбирая самый удачный ракурс, и вся компания парня была такая: *«Да просто сделай уже это наконец!»* Когда мама в итоге закончила, он показал нам фото других больших штук, которые он видел. А видел он все: Большой банан, Большой ананас, Большую лошадку-качалку. Большие штуки — большое дело.

---

* Большой лобстер — достопримечательность Кингстона. Представляет собой скульптуру лобстера высотой семнадцать метров. Был открыт в 1979 году для привлечения внимания к расположенному поблизости ресторану. Сегодня считается одним из самых ярких примеров «больших скульптур» Австралии, число которых в стране превышает сто пятьдесят.

Мы едем вдоль береговой линии в тени огромных сосен. За ними настолько далеко, насколько можно увидеть, простирается ярко-синий океан. Ливви рассказывает мне о причале и о магазинчике поблизости, где можно купить рыбу с картошкой фри. Она говорит, что неподалеку от Кингстона есть такой мыс Яффа, где рыбаки продают свой улов.

Мы поворачиваем на улицу, которая идет мимо отеля «Роял Мэйл», супермаркета и почты.

Ливви показывает на еще один магазинчик, где продают еду на вынос.

— Они выиграли медаль. За такие крабовые палочки можно умереть. А там две пекарни. В одной пироги вкуснее, чем в другой.

Я думаю, что стоило взять блокнот для записей.

Солнце припекает мне спину. Струйки пота текут по шее под майку, собираются на груди. Я сижу прямо, позволяя велосипеду свободно ехать, и тру рубашку, чтобы облегчить зуд. Ливви не замечает. Мы делаем круг и направляемся к главной улице. Большинство магазинов закрыты. У обочины припарковано всего две машины.

— Тут всегда так пустынно? — спрашиваю я, начиная задыхаться.

Ливви спокойно едет дальше.

— Не всегда. Сегодня воскресенье. Все дома, или на тренировке, или на вечеринке, или еще где.

Мы доезжаем до парка Апекс и направляемся к небольшому островку недалеко от Марайа-Крик*, где стоят солнечные часы. Это *человеческие* солнечные часы — время можно определить по своей тени. Ливви показывает мне на две заправки по разным сторонам дороги и рассказывает, что на одной курицу готовят лучше, чем на другой. По ее мнению, это крайне важная информация для тех, кто здесь живет.

Мы подъезжаем к Большому лобстеру и видим прямо перед ним припарковавшийся туристический автобус. Туристы слоняются вокруг с таким видом, что они уже были там-то и видели то-то, а теперь готовы садиться в автобус — скорее всего, чтобы доехать до киоска и купить сувениров. Мама приобрела там целую кучу магнитов на холодильник. *«Мы же в Кингстоне»*, — сказала она.

Ливви бросает свой велосипед у ног Ларри и идет внутрь. Она забирается в его хвост, огромную розовую чашу, вкопанную в землю. Я лезу следом. Мы под его красным пузом, и должна сказать, это довольно жутко. Ларри весь в чешуйках и пластинах, как настоящий рак.

Ливви сидит, скрестив ноги, и смотрит вверх.

— Что думаешь?

— Довольно забавно.

---

* Марайа-Крик — небольшой город, граничащий с Кингстоном.

Вся конструкция из стеклопластика, из нее торчит ржавая арматура. Надеюсь, она прочная. Не хотелось бы, чтобы на моей могильной плите появилась надпись: «Здесь лежит Эс Джей Бэклер, раздавленная насмерть гигантским ракообразным».

— Местная легенда гласит, что строители не поняли задумку архитектора и напутали с измерениями. Он не должен был быть таким громадным.

Она отковыривает несколько камней из-под хвоста.

— Не знаю, правда это или нет. Если да, то они облажались по полной.

— Не то слово.

— Ты уже пробовала лангустов?

— Нет еще.

— Мы кормим ими собаку, — говорит Ливви, пожимая плечами.

Но лангусты стоят целое состояние! Их любят всякие пафосные ребята. Должно быть, родители Ливви при серьезных деньгах.

— Мой папа — ловец лангустов. Точнее, матрос. Это всё, что мы едим. — Она строит гримасу. — Меня это так достало.

Интересно, что бы сказала мама, если бы узнала, что родители Ливви каждый день на ужин едят лангустов.

— А чем именно занимается матрос — ловец лангустов?

Ливви смеется.

— Я тебя обожаю! Ты как будто с другой планеты. — Она ерошит мне волосы. — Промысловым судном управляет владелец, а матрос — это типа его помощника.

Похоже, родители Ливви не так уж богаты.

— Купить лицензию стоит больше миллиона долларов. Многие здесь либо купили лицензию много лет назад, когда она стоила дешево, либо получили бизнес в наследство от родственников. Папа приносит на ужин хвосты лангустов, потому что иногда лангустов разрывают спруты и их уже нельзя продать.

— Спруты?

— Осьминоги. Они едят лангустов. Разрывают их и высасывают кишки. Иногда папа ловит спрута, отрезает ему голову, режет на мелкие кусочки и кидает обратно в котелок с наживкой. Получается, спруты едят лангустов, а лангусты едят спрутов.

— Это каннибализм.

Она задумывается.

— Нет. Если бы лангусты ели лангустов, вот это был бы каннибализм.

Ливви откидывается на гигантский хвост.

— Ну так что, — говорит она, — ты собираешься идти в этом в понедельник в школу?

Я смотрю на свои «адидасы».

— На твоём месте я бы вытащила эти шнурки. Хайди и Мали они не понравятся.

Похоже, Ливви всерьёз заморочена тем, что думают эти девчонки. Я ещё даже не встречала Хайди и Мали и начинаю волноваться.

— Почему ты всё время это делаешь? — внезапно спрашивает она.

Я чешу живот. Мама говорит, я это делаю, даже не замечая.

— А, так, ерунда.

— Ты красная. Ты краснеешь, когда занимаешься? У моей тети Кэрол так. Она приходит из спортзала с таким лицом, будто кто-то её обжег.

— Мне просто жарко. И я хочу есть. Я чешу живот, чтобы он перестал урчать.

Ливви покупается на это.

— Похоже на правду. Поехали в магазинчик на стоянке. У них лучшие бутерброды. И у них там тонны леденцов на палочке. Что-то из этого тебя точно успокоит.

Она, очевидно, знает всё о фастфуде.

Мы едем по городу обратно. Я рулю позади Ливви, поэтому могу почесаться, когда нужно. У меня родился план: если мне надо будет унять зуд в школе, я сделаю это в туалете. Там я смогу чесаться вволю, и никто не узнает.

ГЛАВА

Первый день в школе начинается как обычно:

— Роун! Ради бога, поторапливайся! Ты надел футболку задом наперед. Картинка должна быть спереди.

— Мам, ты купила клубничный джем? Не могу найти.

— Дилан! Хватит играть в Xbox! *Сейчас же* обувайся!

— Кэрри! У меня сдох мобильник. Я могу взять твою автомобильную зарядку?

— Эс Джей! Выходи из ванной! Твои волосы отлично лежали еще три укладки назад!

— Дилан! Выключи чертову приставку!

— Боже, Дилан! Как в твоей обуви помещается целая песочница? Посмотри на ковер. Это Симпсон*.

---

* Симпсон — песчаная пустыня в центре Австралии.

— Мам, пожа-а-а-алуйста, купишь клубничный джем?

— Эс Джей, тебе намазать кремом спину?

— Дэйв, не забудь в этот раз принести ланч-бокс домой, у меня осталась уже только половина контейнеров, а они стоят три сотни долларов.

— Всем! Мы опаздываем! Живо в машину, сейчас же!

Я забираюсь на переднее сиденье. Мальчики сидят сзади. По дороге в школу я оцениваю свое отражение в зеркале заднего вида четыре или пять раз. Сегодня мне везет. Кожа на лице успокоилась, и краснота практически вся ушла. Я выгляжу почти нормальной.

Папа поправляет зеркало.

— Не переживай, Эс Джей. Ты хорошо выглядишь.

— Так уж хорошо?

Он улыбается.

— Ты выглядишь прекрасно.

Я закатываю глаза.

— Ты мой папа. Ты должен так говорить.

— Это часть договора.

— Какого договора?

— Договора, с которым ты к нам пришла.

— Ты странный.

— Быть странным лучше, чем быть нормальным.

Может быть, *нормальный* — это для папы и скучный. Но всё, чего я хочу, — быть нормальной.

Школа Кингстона оказалась довольно большой. В одном здании находятся начальная и средняя школы. Сначала я напряглась, потому что не хочу терпеть приставания Дилана и Роуна во время обеда, но папа сказал, что мы, скорее всего, не будем встречаться, так как старшие дети тусят в других местах. Я порадовалась, когда это услышала. Не хватало еще и за младших братьев краснеть. С этим я и без них прекрасно справляюсь.

До переезда я прочитала брошюру Управления образования. Там говорилось, что местные жители — а не только школьники — пользуются инфраструктурой школы, в том числе бассейном, спортзалом и библиотекой. Кроме того, школьный стадион служит в качестве городского футбольного поля. А еще тут есть секции и поле для нетбола*. Девиз школы — «*facta, non verba*», что в переводе с латинского значит «дела, а не слова». Мне это нравится — что-то делать, а не просто болтать. Новая Я как раз такая.

---

* Нетбол — традиционно женский вид спорта; игра, созданная в 1893 году на основе баскетбола. Жесткие правила баскетбола адаптированы для женщин. В настоящее время это самый массовый женский вид спорта в Австралии. Международная федерация нетбола не признает мужских и смешанных команд, но на любительском уровне существуют и те и другие.

Моя классная руководительница, мисс Томас, более или менее нормальная. Она не рассказывает, что работает с моим отцом, — это поднимает ее рейтинг одобрения почти до небес — и просит кого-нибудь из класса показать мне школу. Ливви поднимает руку и с гордостью сообщает, что уже познакомилась со мной на выходных. Пара девочек презрительно фыркают. Похоже, Ливви не сильно популярна.

Мисс Томас зачитывает объявление школьной администрации о школьных шкафчиках и о происшествии с аэрозольным баллончиком и спортивными шортами, и тут у меня начинают сильно чесаться ноги. Я не могу сосредоточиться. Я тру ноги вместо того, чтобы чесать, и подтягиваю белые гольфы, расправляя складки. Слава богу, гольфы длинные и прячут рубцы на ногах. Школьная юбка в бело-синюю полоску почти закрывает колени, поэтому слегка видны только коленные чашечки и кожа за коленями. Руки открыты, но дерматит только в локтевых сгибах. Если кто-то спросит, мое объяснение — «солнечный ожог».

На перемене Ливви знакомит меня с Хайди Пич и Мали Мак-Намара.

Спокойно. Дыши.

Знаете, как взрывная карамель трещит и лопаётся во рту? Именно это случилось с моими глазами,

когда я увидела этих девочек. Они *самые красивые* девочки, которых я когда-либо видела. Кожа, волосы, глаза — всё идеально. Даже школьная форма — хотя она такая же, как у меня! У стройной блондинки Хайди пронизывающий взгляд голубых глаз и полные розовые губы. У Мали темная кожа и длинные роскошные ресницы, обрамляющие огромные карие глаза. Они обе могли бы быть моделями. Вышагивать по подиуму в Милане. Венера Милосская, если бы их увидела, затряслась бы в своей дурацкой раковине.*

Хайди оценивает мои «аидасы».

— Клевые.

Я замечаю, что у нее точно такие же.

— Да, классные, — соглашается Мали, накручивая блестящую прядь на палец. — Ну так что, почему вы решили сюда переехать? Твой папа матрос?

Хайди и Мали обмениваются полуулыбками.

Ливви роется в карманах и смотрит в другую сторону.

---

* Главная героиня немного перепутала различные изображения античных Венер. Венера Милосская (Афродита с острова Милос) — древнегреческая скульптура, созданная во II веке до нашей эры, представляет собой богиню, которая готовится купаться. Это копия знаменитой работы греческого скульптора Праксителя — Афродиты Книдской. С раковиной (в раковине) богиня Афродита изображалась в другом сюжете, связанном с ее рождением из пены морской.

— Мои родители хотели перебраться к океану, — говорю я, стараясь выглядеть непринужденно. *Непринужденно* — это слово я выучила на уроках английского. Это значит, что ты стараешься вести себя так, будто тебе всё равно. — Они давно хотели *жить у океана*, это прямо их мечта.

— Мило, — говорит Мали.

— Да, мило, — повторяет Хайди. — Ты уже бывала на корабле? — Она искоса смотрит на Ливви. — Тебе надо прийти на корабль моего отца. Корабль новый, а на нижней палубе там стоит плоский экран.

Тут я вспоминаю, что Ливви рассказывала про стоимость промысловой лицензии. Если отцы Мали и Хайди владеют судами, они должны быть миллионерами. У этих девочек «двойное проклятие»: *красота и деньги*.

— У моего папы на судне объемный звук и минибар, — говорит Мали, хлопая своими невероятными ресницами. — Приходи покататься. — Она бросает взгляд на Ливви и добавляет: — В любом случае всю работу сделают матросы.

Я начинаю мечтать, чтобы у папы был свой корабль.

Ливви не очень умело меняет тему разговора:

— Что вы наденете на дискотеку?

— Еще не решила, — небрежно говорит Хайди. — А ты?

— Мы могли бы выучить танец под «Can't Touch It» Рики-Ли*, — говорит Ливви.

Лицо Мали становится белее только что вымытой классной доски.

— Вообще-то эта песня уже довольно *старая*, разве нет?

— Лучше возьмем морскую тему, — говорит Хайди. — И наденем бикини.

Мали дает пять Хайди.

— Да! Точно!

Бикини. В моем списке ужасных слов «*бикини*» находится в самом верху. Примерно там же, где «*кроп-топы*»** и «*шорты*».

В «Толковом словаре Эс Джей Бэклер» «*бикини*» является синонимом таких слов, как «*злодей*», «*чудовище*», «*сатана*».

— Бикини! — говорю я так, будто это лучшая из возможных идей. — Прекрасно!

Мне придется заболеть в день дискотеки. Со мной должно случиться тяжелое отравление. (Если вспомнить стряпню моей мамы, это не так сложно

---

* Рики-Ли Колтер (р. 1985) — австралийская поп-певица, автор песен, теле- и радиоведущая. Ведущая телевизионного конкурса талантов «Australia's Got Talent».

** Кроп-топ — укороченный топ, обнажающий талию, пупок или даже весь живот.

устроить.) Пока я жива, я *никогда* не надену бикини — никогда.

Мали выглядит довольной.

— Ты играешь в нетбол? Еще не начался сезон, нам нужен игрок. Кирсти Норбетт сломала лодыжку и не сможет выходить на поле целый год.

— О! Это было бы здорово! Я в центре — главный связующий, — говорит Ливви. — И иногда играю за флангового защитника.

«Юбка для нетбола». Тоже в моем списке ужасных слов. Крошечные юбочки, которые задираются и обнажают спортивное белье. Голые ноги, ягодицы — полный комплект. Уверена, что спортсменки-нетболистки в Кингстоне футболок тоже не носят. Наверняка на них надеты узкие сверкающие майки или, хуже того, спортивные бра, которые открывают живот целиком. В Брокен-Хилл я носила треники и хлопковую футболку, и никому не было до этого дела. Я обожаю нетбол, но так сильно потею, что каждый раз после матча чешусь под мышками и под грудью как сумасшедшая. Мама не хочет, чтобы я играла. Она говорит, от этого моей коже становится хуже. То же самое происходит, когда я играю в баскетбол. И опять раздражение, и опять я вне игры. Если захочу сыграть, то должна заплатить высокую цену.

— Я играла защитником в Брокен-Хилл, — говорю я им. — У нас была красная форма.

— Наша голубая, — невозмутимо отвечает Хайди. — Светло-голубая.

— В Брокен-Хилл мы закатывали рукава футболок, брызгали волосы красным лаком и вплетали ленточки в цвет.

Хайди смотрит на Мали так, будто это неплохая идея.

— Цветным лаком мы не пользуемся, но всегда носим форму: футболку и юбку.

— Я слышала, здесь зимой довольно холодно. Вы не носите треники?

Хайди пожимает плечами.

— Если ты станешь их носить, никто против не будет.

— Так что, ты в игре? — спрашивает Мали.

— Конечно. Буду рада.

Ливви визжит, подпрыгивая на месте.

— Здорово!

Я тихо поздравляю себя. Новая Я умна. Новая Я знает, как добыть нужную информацию. Бабушка записала бы меня в АСБР. Миссия выполнена. Конец связи.

Звенит звонок, входим в школу. У Хайди и Мали математика с мистером Энтони в соседнем кабинете. Я не думала, что городок достаточно велик, чтобы в школе было два восьмых класса, но многие ученики

съезжаются сюда с близлежащих ферм и рыболовецких районов. Целый автобус прибывает с побережья, из городка Роб, до которого тридцать минут езды. Я втайне радуюсь, что Мали и Хайди со мной не на каждом уроке. Они приятные, но у меня чувство, будто я должна произвести на них впечатление. А потому с ними не могу расслабиться.

Мисс Хопкинс, пожилая учительница с вьющимися седыми волосами и крупными бедрами, начинает четвертый урок с того, что спрашивает, не хочу ли я сказать пару слов о себе. Меня так и подмывает ответить: *«Какой новичок вообще хочет о себе рассказывать?»* Но я встаю перед классом и жду, когда она предоставит мне слово.

Двадцать шесть пар глаз уставились на меня. Конечно, мои щеки горят. Я чувствую, что начинают краснеть и уши. Парень в первом ряду толкает своего соседа, показывая на мои ноги. У меня останавливается сердце. Должно быть, он увидел мою кожу. Я наклоняюсь и подтягиваю гольфы. Он глупо ухмыляется.

— Начинай! — говорит мисс Хопкинс.

— Привет, я Эс Джей.

— Говори громче, Эс Джей, — требует мисс Хопкинс.

— Всем привет, я Эс Джей! (О нет, я сказала это слишком громко.) Говорить особенно нечего. Мы

только что переехали. (Они это знают. *Тупица!*) Мои родители хотели жить у океана. (Успешно избегаю рассказа о том, что *мой папа учитель.*) У меня два брата, Дилан и Роун. (Скука.) Раньше мы жили в Брокен-Хилл. Я там играла в нетбол. Думаю, здесь тоже буду играть. (Заинтересованные взгляды от девочек.) Надеюсь скоро получить новый велосипед. (Незаинтересованные взгляды.) В прошлом месяце, двадцать третьего числа, мне исполнилось тринадцать. (Начинаю потеть.) На выходных я познакомилась с Оливией Хамфрис. (Они это знают — она рассказывала.) Мне нравится ваш Большой лобстер. Очень крутой. (Ни одной эмоции на лицах. Самоубийственная фраза.) Я сидела у него под хвостом. (Мое лицо сейчас, уверена, цвета лобстера.) Он такой огромный. (Уведите меня со сцены — *срочно!*) Я сфотографировалась рядом с ним и...

— Спасибо, Эс Джей, — говорит мисс Хопкинс, останавливая мой неконтролируемый словесный поток. — Очень... *познавательно*. Ты знаешь, что у нас в классе есть еще Сэм?

Парень, который посмеивался над моими ногами, встает и приветствует меня. Темные волосы, карие глаза и глупая улыбка. Его нельзя назвать симпатичным, но что-то в нем есть, что-то такое, что не дает мне отвести от него взгляд.

— Привет, Эс Джей, — говорит он, растягивая слова. — Я Сэм-человек. Сэм-стратег. Сэм — победитель навек. Сэм...

— Эс Джей, — прерывает мисс Хопкинс, — познакомься с местным Доктором Сьюзом*, также известным как Сэм Гренфелл.

Девочки захихикали, а мальчики одобрительно захлопали Сэма по плечу. Судя по этому теплому приему, Сэм — завидная пассия. Он подмигивает мне, и мое сердце делает сальто. Возможно, меня привлекает его явная уверенность — мы всегда хотим того, чего нам не хватает.

«Катастрофа, — шепчет Старая Я. — Он никогда бы не подмигнул тебе, если бы знал, что у тебя под одеждой».

Но Новая Я дает пощечину Мне Старой. Я улыбаюсь Сэму в абсолютной эйфории.

---

* Доктор Сьюз, Теодор Сьюз Гайсел (1904–1991) — популярный американский детский писатель и иллюстратор. Книги доктора Сьюза полны фантазмагии, сюрреалистических приключений и игровых рифм.

ГЛАВА

— Мы знаем, что твой папа — учитель.

Мали разглаживает школьную юбку до тех пор, пока на ней не остается ни одной складки, хотя она и с самого начала выглядела идеально.

— Ты должна была нам сказать.

Обед. Ученики рассыпаны по кампусу. Кто-то на стадионе крутит сальто и колесо. Кто-то сидит на бетонных дорожках, скрестив ноги, зависая в телефоне, разбрасывая объедки и выкрикивая бессмыслицу. Некоторые бегут в библиотеку — место, которое папа называет убежищем обиженных и угнетенных. Но большинство играют в какие-нибудь спортивные игры: гандбол, баскетбол, футбол, нетбол. Хайди, Мали, Ливви и я бродим, болтаем и строим что-то в телефонах.

— Почему ты не рассказала нам об отце? — спрашивает Мали.

Потому что, если папу станут ненавидеть так же, как Волан-де-Морта, меня вздернут первой.

Я пожимаю плечами.

— Разве это так важно?

— У какого класса он преподает? — спрашивает Хайди.

— Думаю, у двенадцатого. Мы особо не говорим о его работе. Это же скучно.

Мали удовлетворена ответом.

— Ну да, я бы тоже не стала. А чем занимается твоя мама? Она тоже учитель?

Хайди и Мали отлично ведут допрос. Они могли бы зарабатывать этим на жизнь в телешоу «Безопасная граница», допрашивая подозреваемых в контрабанде наркотиков и тому подобном.

— Мама — библиотекарь. Во всяком случае, раньше работала библиотекарем. Сейчас она сделала перерыв.

Я не рассказываю им о том, что мама оставила работу из-за меня и всех этих бесчисленных походов по врачам.

— Она хочет когда-нибудь снова пойти работать.

Мали выглядит удивленной.

— Моя мама тоже не ходит на работу. Она украшает наш дом, покупает новую мебель и всё такое. Мама обставляет не *наш* дом, а загородный дом

в Робе* или в Гленелге** в Аделаиде. Она постоянно занята.

Ого! Быть богатым — это как работа на полный день.

Хайди сует нос в мой ланч-бокс и взвизгивает:

— *Что это?!*

Я достаю батончик мюсли.

— Это просто здоровая еда, которую мне купила мама.

Я закатываю глаза.

— Она сейчас о-о-о-о-о-о-очень увлечена здоровым питанием.

Мама положила мне еще листья салата с медовой органической пастой. Выглядит отвратительно, как детские какашки, а на вкус как остывшая каша. Мама упаковала в пакет ягоды годжи***, яблоко и батончик мюсли без орехов. У меня нет аллергии на орехи, но *зачем искушать судьбу?*

Ливви изучает батончик мюсли.

---

* Роб — город-курорт на побережье в Южной Австралии.

** Гленелг — прибрежный пригород Аделаиды. Благодаря пляжу, множеству достопримечательностей и развитой инфраструктуре очень популярен среди туристов.

*** Ягоды годжи — плоды дерезы обыкновенной, которым в современной массовой культуре приписываются полезные свойства. Известны также как волчьи ягоды.

— Никогда такого не пробовала.

Мали фыркает и толкает Хайди локтем. То же самое я видела у них недавно, когда они секретничали.

— Ты должна это попробовать, Лив, — говорит Мали.

Ливви смотрит на меня.

— Можно?

— Пожалуйста.

Она хрустит батончиком, облизывая губы.

— Неплохо.

— В моей прошлой школе нельзя было брать с собой орехи, — говорю я им. — Мама до сих пор не избавилась от этой привычки.

Мали ворчит:

— Все эти запреты на орехи такие тупые. Из-за того что у *парочки* каких-то учеников аллергия на орехи, вся школа должна страдать? Так глупо! Мама состоит в Консультативном совете родителей и учителей и говорит, что всегда голосует против запретов на орехи. Она считает, что, если есть особенные дети, пусть они катятся в специальную школу.

Ее слова жалят меня, как маленькие стрелы. Не могу поверить, что ее мама на самом деле говорила такое.

Хайди была с этим мнением полностью согласна.

— Помнишь того ученика, Деррика Уолтерса? Он перешел в другую школу. Его ужалила в шею пчела

на физре. Ты бы его видела! У него раздулся лоб и заплыли глаза так, что их вообще не было видно. На следующий день в школе делали общую фотографию, и он всё испортил. Был какой-то весь красный и выглядел как придурок.

«Был красный и выглядел как придурок».

Ливви смеется:

— Тебе пришлось сидеть с ним рядом, помнишь?

Хайди фыркает.

— Даже не напоминай! Это было самое ужасное. Он чесался и чихал, а когда его опухшее лицо стало обычного размера, у него начала облезать кожа, и белые чешуйки валялись по всей парте. Сэм Гренфелл такой: «Фу, Деррик! Купи уже пылесос!» Было очень смешно.

Это сказал Сэм Гренфелл? Тот, который Сэм-человек? М-да, думаю, он точно не стал бы мне улыбаться, если бы знал правду.

— Гадость, — говорю я, подыгрывая. Новая Я умеет замечать следы.

— Ты бы это видела, — говорит Мали. — Гадость — слишком мягкое слово для такого.

Звенит звонок. Я иду в класс, чувствуя одновременно тошноту и облегчение, будто в меня случайно не попали во время расстрела.

После перемены мисс Томас просит сдвинуть все парты в один угол класса. Она вкатывает стойку

с телевизором. Все сидят на полу, скрестив ноги. Я сижу, сложив колени в одну сторону и опираясь на руку. Если я сяду как все, юбка задерется и будут видны мои ляжки. Мне придется сделать кулаком из юбки воронку, чтобы мальчики не видели мое нижнее белье, а иначе будет еще хуже.

— Сэм! — говорит мисс Томас.

Я не реагирую. Предполагаю, что она обращается к Сэму-человеку.

— Саманта Бэклер!

— Она Эс Джей, мисс Томас, — поправляет ее Ливви.

Мисс Томас бросает взгляд на Ливви.

— Спасибо, Оливия, но я обращалась не к тебе, верно?

— Верно, мисс Томас. Простите, мисс Томас.

— Эс Джей! Ты не могла бы взять один из тех стульев и сесть сзади?

Весь класс поворачивается и смотрит на меня. Мои щеки загораются огнем. *Что она хочет, чтобы я сделала?!* Она видела, как я болтала с Ливви в неположенное время? У меня проблемы? Но все разговаривали, разве не так?

— Ты не могла бы взять стул? — повторяет мисс Томас, показывая на стул. Будто я не знаю, что это такое. — Поставь его за ребятами.

Мое сердце рвется из грудной клетки. Щеки пылают. Я не спорю. Иду и выполняю. Тащу стул в конец класса и сажусь. Все шепчутся.

— Спасибо, — говорит мисс Томас с вежливой улыбкой.

Она выключает свет и включает DVD. Это документальный фильм о глобальном потеплении и о том, как люди должны изменить свои привычки, или все они обречены. *Прямо сейчас обречена я.* Я отзываю свои предыдущие оценки мисс Томас. Я ее ненавижу! Я хочу вырвать ее глаза и размазать очки по лицу. Я не понимаю. Какого черта я должна сидеть на стуле?!

Смотреть фильм, целый час сидя на жестком пластиковом стуле, неудобно. Во-первых, не на что опереться. Можно съехать назад, но только до тех пор, пока зад не съедет со стула. Кожа потеет от пластика и ноги сзади начинают чесаться. Я знаю по опыту свои пределы. Если переборщить, пойдет кровь, и в итоге вся юбка будет в кровавых пятнах.

Ловлю на себе взгляд рыжего мальчишки, который смотрит на меня через плечо.

Уверена, он видит, как я чешусь. Парень строит гримасы, будто хочет спросить: «Что это ты там делаешь?» А потом морщит нос, словно чувствуя неприятный запах.

Когда фильм заканчивается, звенит звонок, я встаю и тащу свой стул к парте. Ливви подходит и помогает собрать мои вещи. Все идут к выходу. Рыжий опять смотрит на меня, будто хочет что-то придумать.

— Эс Джей! — зовет мисс Томас. — Ты не могла бы ко мне подойти? Ливви, а ты подожди снаружи.

Ливви неохотно тащится к выходу.

Когда все ушли, мисс Томас смотрит на меня с сочувственной улыбкой.

— Я знаю о твоей проблеме. — Она делает паузу, очевидно, ожидая, что я что-то скажу. Я молчу. — Звонила твоя мама. Она сказала, что у тебя аллергия на пылевых клещей и тебе нельзя сидеть на ковре.

Я убью маму. Серьезно, я убью ее.

— У нее был очень обеспокоенный голос. Я поняла, что срочно должна принять меры. Она сказала, что из города пришли результаты от аллерголога и чтобы я сообщила тебе это в общих чертах, а детали вы обсудите вечером дома.

Речь идет про анализ крови на иммуноглобулин, который я сдавала у доктора Гупта несколько недель назад. Значит, у меня всё же *есть* аллергия. Пылевые клещи. Погодите-ка, это что, значит, я должна сидеть на пластиковых стульях до конца жизни? И я буду торчать в конце класса *каждый* раз, когда нам включают кино? Боже!

— Когда я была маленькой, у меня был дерматит, — признается мисс Томас. — Мама мазала меня маслом какао, и всё прошло. Ты пробовала масло какао?

Ее предложение меня раздражает. Люди *постоянно* хотят рассказать мне о том, что страдали чем-то подобным и что понимают, каково мне. И поскольку они чудесным образом справились со своим кожным недугом, эти самые люди предполагают, будто я лечусь неправильно или, хуже того, что я вообще никак не лечусь или не слежу за собой. И никто из этих благонамеренных людей и не думает, что мой случай отличается. Они просто этого не понимают.

— Сильно чешется? Ты принимаешь антигистаминные?

Ей надо заглянуть в наш шкафчик с лекарствами. Там коробки на коробках. Тюбики и тюбики крема с кортизоном. Дверца с трудом закрывается.

— Мне, как учителю, важно знать о таких вещах. Если состояние здоровья влияет на твою работу в классе, я могу помочь тебе справиться.

Что? Она думает, что моя голова — такое же слоистое месиво, как и моя кожа?

— Спасибо, я хорошо вижу и слышу, — говорю я сквозь сжатые зубы.

Она выпрямляется, поджав губы.

— Я *пыталась* сказать, что школе не всё равно.

Мне нравится слышать, что *школе не всё равно*, но не нравится то, что школа делает. Я молчу. После неловкой паузы мисс Томас добавляет:

— Тебе лучше пойти домой.

Я ухожу из класса. Ливви ждет снаружи.

— Что это было? — спрашивает она.

У меня не было времени подумать, как объяснить эту историю со стулом. Я была слишком занята гневом.

— Можешь не рассказывать, если не хочешь. — Но на ее лице застыла надежда. — Ты сделала что-то плохое? Знаешь, мисс Томас слишком подозрительная. Ей кажется, что кто-то ее обсуждает, хотя на самом деле никто этим не занимается.

— Да, — с благодарностью принимаю я этот вариант. — Она решила, что я на нее пялюсь. Похоже, у нее комплексы?

— Точно.

Мимо проходит Сэм с друзьями.

— Привет, Эс Джей!

У него такой приятный голос, что я хочу спрятать его в бутылку, отнести домой и хранить под подушкой.

— Я думал, я здесь единственный плохой парень. Кажется, ты претендуешь на мои лавры?

У меня такое чувство, будто с каждой стороны языка у меня по обогревателю. Я наклоняю голову, чтобы скрыться за волосами. Он идет дальше, выставив ладонь за спину, чтобы приятель ударил по ней.

— Слышу свадебные колокольчики, — дразнит Ливви.

— Да конечно!

Я смеюсь. Но мое сердце колотится. Я ему нравлюсь? То есть прямо *правда* нравлюсь? А что, если он хочет меня поцеловать?

Какое-то время я поглощена этой мыслью. Но потом на меня обрушивается реальность. *Приди в чувство, Эс Джей. А что, если он увидит твою кожу? Что тогда?*

Старая Я знает, что произойдет. Его вырвет. Он будет смеяться до упаду. Мой первый поцелуй с Сэмом станет последним.

Новая Я справляется не так хорошо, как я рассчитывала.

ГЛАВА

Мама настаивает на том, чтобы во время ужина мы собирались за столом *всей семьей*. Она правда старается. Телевизор выключен, на столе скатерть и салфетки под приборы. Салфетки в стаканах, как в ресторанах. Она достает крутящийся поднос и выставляет на него батарею соусов. С этим устройством дозволено иметь дело только маме. Всё потому, что однажды Роун раскрутил его и все бутылки выстрелили. На папу попал мятный соус. На маму — сладкий чили. На меня — вустерский. Стена за столом выглядела так, будто у нас остановился погостить Пикассо. Оказывается, крутящийся поднос может крутиться довольно быстро.

— Как прошел первый день в школе? — спрашивает мама, накладывая тако.

— Рада, что спросила.

— А что случилось?

— Мне пришлось сидеть на пластиковом стуле.

— Мне тоже пришлось сидеть на пластиковом стуле, — встревает Дилан, заталкивая в рот кукурузные хлопья. — И что?

Мама кладет на тако слишком много листьев салата. Это напоминает мне горы водорослей на пляже в Кингстоне.

— А, да, звонили от доктора Гупта, — говорит она. — Они сказали, что у тебя зашкаливает уровень иммуноглобулина. Результаты первой партии кожных тестов показали, что у тебя аллергия на пылевых клещей и различные виды трав. Я подумала, что стоит сразу же позвонить в школу, чтобы они знали.

Перед тем как откусить тако, она выдавливает соус. Содержимое выстреливает в другую сторону.

— От них всегда столько грязи! Не понимаю, почему я это готовлю!

— Потому что я их обожаю! — говорит Роун, размахивая руками.

Братец никогда не сидит спокойно. Он как большой извивающийся червяк.

— Роун, — предупреждает отец. — Хватит танцевать на стуле.

Дилан хихикает.

— А ты танцевала на *своем* стуле, Эс Джей?

— Видите? — говорю я, в упор глядя на маму. — Если вы хотели наполнить мою жизнь унижениями, у вас получилось. Миссия выполнена. Отличная работа.

— Пылевые клещи везде, — говорит мама, не обращая внимания на колкость. — Они обожают жить в коврах, и поэтому ты больше не можешь на них сидеть. Если подумать, мы можем убрать ковровлин и положить паркет. Хорошо бы узнать, является ли он собственностью Управления образования. Надо записать это в список дел. О, а здесь у меня даже картинки есть!

Она тянется к кухонному островку и хватает брошюру.

— Я почти весь день пылесосила и вытирала пыль. Ты понятия не имеешь, сколько это работы. И еще я постирала твоё одеяло. Пылевые клещи *обожают* стеганные одеяла.

Я открываю брошюру. Вижу черно-белое изображение мерзкого жука инопланетного вида, ползущего по какому-то лунному ландшафту. *Это на него у меня аллергия?!*

— Дай посмотреть! — просит Дилан, вырывая брошюру. — Фу! Гадость! Они ползают у тебя по коже? — Он хватается мою руку и изучает ее. — Мам! Я ничего не вижу!

Я отпихиваю его и тоже смотрю на свою руку. Я знаю, что ничего там не увижу, но изображение меня тоже пугает.

— Они не *ползают* ни по чьей коже. — Папа берет брошюру у Дилана и передает ее Роуну, и у того округляются глаза при виде странного существа. — Пылевые клещи микроскопические. Только в этом доме их миллионы.

— Миллионы? — У Дилана открывается от удивления рот. — А они есть в моей кровати? А у мистера Снудлса?

— Нет, потому что я сегодня всё убрала. — Мама выразительно смотрит на папу. — В доме их больше не осталось.

— Мама права, Дилан, — соглашается папа, осознав свою ошибку. — Все пылевые клещи уже смыты в канализацию.

Дилан смотрит на маму прищурившись.

— А ты точно почистила мистера Снудлса?

— Да, и мистера Снудлса тоже, — отвечает мама. — А теперь ешь тако, а то остынет.

Он берет тако в руку, но не доносит его до рта.

— А что, если они вернутся?

— Думаю, я буду и дальше пылесосить. — Говоря это, мама смотрит прямо на меня.

Я знаю, что она не в восторге от этого. Постоянно пылесосить? Мама *ненавидит* пылесосить. Она всё время ноет по этому поводу.

Мама считает, что ей никто не помогает, но это неправда. Я видела, как папа вытирает посуду и выносит мусор. Всё, что от нее требуется, — пылесосить время от времени. Насколько это тяжело?

— А что с травой? — спрашиваю я. — Ты сказала, будто доктор Гупта считает, что у меня аллергия на траву.

— Как у тебя может быть аллергия на траву? — смеется Роун. — Это глупо!

— Это не глупо, — твердо говорит мама. — Если трава соприкоснется с кожей Эс Джей или она вдохнет пыльцу, возможно, это вызовет дерматит.

— Какую пыльцу? — спрашивает Роун с полным ртом тако.

— Пыльца берется от цветущих растений и деревьев. В воздухе содержатся споры. Таким образом растения размножаются, — говорит мама.

— И как мне избегать травы? — спрашиваю я. — Она везде!

Мама пожимает плечами.

— Думаю, не стоит на ней сидеть.

О-хре-нетъ. Теперь мне нельзя сидеть на ковре и на траве. Она вообще понимает, что половину

времени в школе ты проводишь сидя на том или на другом? Что мне делать на физкультуре? Нам всегда говорят садиться на траву, пока учитель пока-зывает новое упражнение. А если мне будут прино-сить пластиковые коврики, чтобы я на них сидела?

Пристрелите меня. Сейчас.

Моя жизнь кончена. Мне только что исполнилось тринадцать, и моя жизнь кончена. Я смотрю на папу.

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это. Ну ты же знаешь, что такое школа. Дети просто зве-реют от такого.

— Мы не можем ставить под угрозу твоё здоро-вье, Эс Джей, — говорит папа. — Было бы безответ-ственно игнорировать советы доктора.

Я поворачиваюсь к маме.

— Ты не сделаешь этого!

Она мотает головой. Берет тако и запихивает его в рот, чтобы не пришлось спорить.

Да что с ними не так? Они что, не понимают?

Я встаю и отталкиваю стул. Он захватывает ска-терть, тянет за собой, и все бутылки с крутящегося подноса разлетаются. Соус барбекю падает на пол.

— Ненавижу вас обоих!

Я хлопаю дверь и запираюсь в комнате. Слышу, как приглушенный мамин голос говорит что-то вро-де «хорошо, всё прошло хорошо!».

Я включаю Spotify* и швыряю подушки с кровати. Неужели я это заслужила? Они видят только мою кожу! Только о ней и говорят! Всё это «не сиди на ковре и на траве» — очередной безумный план, который окажется бесполезным, как и все безумные планы до этого.

Я смотрю на мягкий ворсистый кремовый ковер. С тех пор как мы переехали, я всё время на нем сижу или даже лежу. Я там читаю, распластавшись с подушкой под головой. В Брокен-Хилл я устраивала на ковре вечеринки с пиццей и ночевками. И никогда после этого я не впадала в чесоточное безумие. Очевидно же, что это не делает моей коже хуже?!

Я решила, что они не смогут меня остановить. Я содрала с себя школьную юбку и села на ковер прямо в трусах, вытянув голые ноги и облокотившись на кровать. *Видишь это, доктор Гупта? Скорее звони в Клуб анонимных сидельцев на ковре!*

Смотрю на свои разодранные ноги. Экзема видна по большей части в складках за коленками и в верхней части бедер. Кожа там красная, покрытая коростой, с рельефными и пятнистыми буграми. При одном взгляде на нее мне хочется чесаться. *И плакать.*

---

* Spotify — интернет-сервис потокового аудио. (Примеч. ред.)

Я запускаю пальцы в ковер, захватывая ворс. Отодвигаю часть ворса в сторону, разделяя волокна так, чтобы видеть под ним строчки. Там крошечные комочки грязи и немного песка. Это здесь прячутся пылевые клещи?

Беру в руки книгу и пытаюсь читать. Чтение — моя палочка-выручалочка. Так я могу сбежать, стать кем-то другим, жить в другом месте, *заниматься* чем-то иным. Могу забыться и ни о чём не думать. Мои полки ломаются от книг, разноцветные корешки разной ширины и толщины торчат, расставленные по цвету и алфавиту. *По порядку*. Взгляд на них дает мне ощущение покоя. На стенах везде картинки — постеры или фотографии из журналов, плюс что-то я нарисовала сама. К пробковой доске прицеплены образцы тканей и принтов, которые мне нравятся, а еще части порванных украшений. На полу стоит самодельная керамика. Моя комната — это пещера Аладдина, полная сверкающих сокровищ, собранных, чтобы меня отвлечь. Но на этот раз не сработало. Я не могу перестать думать о пылевых клещах. Я жду, что сейчас что-то начнет происходить с моей кожей. Я чешу под коленками, хотя там даже не чешется. Снова пытаюсь читать. Читаю абзац и не понимаю, что там написано. Мой мозг лихорадочно работает. А что, если я не права? Что, если пылевые

клещи *правда* перебираются с ковра на мою кожу?
Если я болею из-за них?

Я залезаю на кровать. Смотрю на ноутбук и думаю, не загулгить ли пылевых клещей, но не могу себя заставить это сделать. Знаю, звучит странно, но я слишком боюсь искать что-то о своей кожной болезни. Одна девочка в Брокен-Хилл, Эмили Хокинг, однажды пыталась мне помочь, прислав ссылку на рассказ о женщине, у которой в одном месте чесалась нога. Оказалось, что это рак, и женщине пришлось ампутировать ногу до колена. После этого у меня были кошмары. Я не могла отойти от стресса. Я решила, что *никогда* не буду больше гуглить. Я знаю, что существуют другие кожные болезни, но я ничего о них не знаю. Можно подумать, мне понравилось бы выискивать все возможные ссылки, чтобы найти то, что сможет помочь, но со мной всё наоборот. Я как Роун, когда он не хочет слушать и затыкает уши, напевая: «Ла-ла-ла-а». Знаю, это очень по-детски, но не могу иначе. Страх всему причиной.

Я действительно хотела, чтобы на новом месте всё стало по-другому. Но сейчас кажется, что моя старая жизнь возвращается. «*Переезжай в новый город. Придумай себя заново*», — сказала мама. Наверное, мне стоило попросить инструкцию, как это сделать.

ГЛАВА

К утру я уже умираю от голода. Я пробыла в своей комнате всю ночь. Я хотела, чтобы мама и папа поняли, что на этот раз всё серьезно — они не могут вываливать на меня всякую ерунду и ждать, что я подчинюсь.

Приняв в шесть утра душ и нанеся крем (а это занимает вечность), я направляюсь к холодильнику. Нахожу какие-то хлебцы, запихиваю их в тостер и жду, когда загорятся красные лампочки. Исхожу слюною. Не могу ждать. Нахожу коробку с печеньем, намазываю его медом. Я уже почти откусываю, когда чья-то рука выхватывает печенье прямо у меня из-под носа.

— Не так быстро, Эс Джей.

Мама, во всём великолепии ночной сорочки с фиолетовыми цветами, держит мое печенье. У нас за спиной из тостера выскакивают хлебцы.

— Что? Мне уже и позавтракать нельзя? Я умираю с голоду!

Я беру свои тосты и швыряю их на тарелку. Иду к холодильнику, чтобы взять масло, но, когда возвращаюсь, обнаруживаю, что мама забрала тарелку, положила туда печенье и убрала на стоящий позади стол.

— Это всё сделано из пшеницы, — говорит она. — Пшеница — это трава. Думаю, тебе стоит перестать есть пшеницу и посмотреть, будут ли улучшения.

На какой-то момент мне кажется, что мама пытается меня наказать за вчерашний вечер, но потом я понимаю, что она предельно серьезна.

— Съешь йогурт. — Мама вытаскивает упаковку из холодильника. — Я купила ванильный. Думала взять клубничный, но клубника может быть аллергеном. Ты знала об этом? Я поискала в интернете. И захватила несколько книг в библиотеке.

В этом вся моя мама: можно избавиться от библиотекаря в библиотеке, но ты никогда не избавишься от библиотеки в библиотекаре.

— Я прочитала, что молочные продукты тоже могут навредить. И соевые. Орехи так просто ужас. Даже *не пробуй*. Еще морепродукты. И, конечно, бывает аллергия на отдельные продукты, например на апельсины или киви, но, честно говоря, если убрать их все из рациона, я не знаю, чем тебя кормить.

Наконец она перевела дыхание.

У меня урчит в животе. Я сильно хочу есть. Беру йогурт и ложку. Не трачу время на то, чтобы наложить его в миску, ем прямо из пачки.

— Думаю, мне стоит сводить тебя к другому доктору, — говорит мама, чавкая моим печеньем. — На днях, когда я ходила в аптеку тебе за глазными каплями, я разговорила с хозяйкой аптеки, Бетти Уиндлбэнк. Она считает местного терапевта, доктора Чарльзуорт, очень хорошим врачом. Бетти говорит, что в прошлом году у нее чесались и слезились глаза, а доктор Чарльзуорт ей очень помогла.

Еще один доктор. Хочу поспорить, но еще я хочу есть. Голод побеждает. Я отправляю в рот полную ложку.

— Я уже записалась. Мы должны быть там в девять тридцать.

— Сегодня? А как же школа? Это только второй день!

— Школа не против. Я предупредила, что ты опоздаешь.

Да, но одноклассники заметят, что я опоздала. Будут вопросы, и мне понадобятся ответы.

— По всей видимости, доктор Чарльзуорт специализируется на аллергиях. Нам повезло, верно? Я имею в виду, мы переехали в новый городок, и оказалось, что здесь для тебя есть прекрасное

медицинское обслуживание. Возможно, нам не придется мотаться в большой город, чтобы записаться к специалисту. Очень удобно. Это должно сэкономить нам кучу денег.

Действительно удобно. Великолепно. Еще один доктор, еще одно мнение. Еще одно объяснение, еще одно лечение.

Мама направляется к комнатам мальчиков, чтобы их разбудить. Я стою на кухне и сжираю три четверти семейной упаковки йогурта. Я не остановлюсь, даже когда мне станет плохо.

Лучшее, что есть в комнатах ожидания в поликлиниках, — это журналы. Папа не любит журналы. Он сердится, когда мама их покупает. Папа говорит, что они напичканы картинками того, как, по мнению массмедиа, должны выглядеть девушки, и смотреть на все эти фотографии, которым никогда не сможешь соответствовать, вредно. Мама обычно возражает, что она не глупа и читает журналы просто для развлечения, а не из-за рекламы. Если это правда, интересно, почему мама так бьется за то, чтобы изменить мою внешность?

Я листаю какую-то светскую хронику. Мама берет журнал для садоводов и уходит в него с головой.

У меня в журнале есть статья с заголовком «Как придать ресницам вау-объем». Интересно, Мали

читала ее? Может быть, поэтому ее ресницы такие пушистые. Статья должна быть на странице тридцать три, но когда я долиствываю до нее, то вижу, что страницы вырваны. Вместо этого там девушка в откровенном бикини. Это буквально три треугольника и ниточка. Одно неверное движение, и она, похоже, его потеряет.

Вот в чём дело. Мне нравятся мальчики, и я хочу узнать их получше, но, честно говоря, я втайне хочу смотреть на девочек. Мне нравится разглядывать их гладкую, чистую кожу, внимательно рассматривать, как она блестит, как притягивает загар и пышет здоровьем. Папа говорит, что фотографии в журналах отфотошоплены — на компьютере убраны все изъяны моделей: прыщи, пигментные и родимые пятна. Он утверждает, что в реальной жизни никто не выглядит *настолько* идеально. Ему надо еще раз посмотреть на ноги Ливви. У нее лучшие ноги из всех, что я видела. К ней же никто не приходил с фотошопом, верно?

— Саманта Бэклер! — В дверях стоит седая женщина в самом уродливом кардигане во всей истории кардиганов.

Мама кладет свой журнал и шепчет: «Это мы». Можно подумать, вызывают какую-то *другую* Саманту Бэклер.

Мы идем за доктором Чарльзуорт и ее кардиганом по длинному узкому коридору. Наверное, этот кардиган вязала ее старая слепая бабушка. Оранжевые, розовые и черные полосы идут зигзагом, а между ними — маленькие бантики из лент и огромные пуговицы, похожие на макароны. Мода проехала по ней катком. Нужно срочно звонить в службу спасения.

Мы заходим в кабинет, и доктор Чарльзуорт закрывает дверь. Кабинет маленький и темный. Стоит стол, на котором ничего нет, даже телефона или листа бумаги. Высокая кушетка, покрытая белой простыней, книжная полка и два коричневых стула, приехавших прямиком из семидесятых. На стене — плакат с изображением человеческого скелета. Всё. В центре внимания ее кардиган.

— Вы только что переехали? — спрашивает доктор Чарльзуорт у мамы, садясь в кресло. — Мы не нашли вашу карту. Ее пришлют?

— А, да, я организую это. — Мама ведет себя странно. Сжатые руки на коленях, спина прямая, нервная улыбка — будто она на экзамене.

— В регистратуре мне дали кое-какую информацию. Вы пришли поговорить о Саманте?

Мама кивает слишком старательно.

— Да, доктор. Об ее экземе.

Доктор Чарльзуорт поворачивается ко мне.

— Это Саманта?

Тупица. А кого бы еще мама привела с собой?

— Да, — говорит мама. Затем выразительно добавляет: — У нее очень серьезная экзема, доктор. *Очень серьезная.*

Доктор Чарльзуорт встает и подходит к моему стулу.

— Закатайте рукава, пожалуйста.

Я закатываю рукава. Она наклоняется. На кончике носа заляпанные очки в золотой оправе. От нее пахнет чем-то похожим на средство, которым мама чистит ванну.

— Думаю, лучше ей снять одежду, чтобы я ее осмотрела. Вы не против, миссис Бэклер?

Не против ли *мама*?! А как насчет меня? Я что, фигурка из картона?

— Я забыла сказать, миссис Бэклер. У нас сейчас работает стажер, его зовут доктор Трэвис. Вы не будете возражать, если я его позову?

Она сказала *его*? Это мужчина?

— Нет, конечно. Всё в порядке, — говорит мама. — Только так они смогут стать настоящими врачами. По учебникам ведь толком не научишься, верно?

Доктор Чарльзуорт указывает на сложенную тонкую рубашку на смотровом столе.

— Пусть ваша дочь разденется и наденет эту рубашку. Я вернусь через минуту.

Как только она закрывает за собой дверь, я шиплю:

— Я не хочу, чтобы какой-то мужчина на меня смотрел!

Я складываю руки на груди. В том месте особенно не на что смотреть, но всё равно!

— О, ради бога! Он не *какой-то*. Он врач. Он всё время смотрит на обнаженных людей. Он хочет посмотреть на твою кожу, а не на задницу!

Она стягивает мою кофту.

— Поторопись!

— Я могу сама!

— Чего ты ждешь? Они вернутся с минуты на минуту.

Я рисую пальцем круг в воздухе.

— О, ради всего святого! — фыркает мама, отворачиваясь. — Будто я тебя никогда не видела. Я вытирала твою попу, когда ты была младенцем, если ты забыла.

Я снимаю одежду и бросаю ее на пол у кушетки. Заворачиваюсь в рубашку, завязываю ее и пытаюсь залезть на кушетку. Почему их делают такими высокими? Где тут лестница? Из-за такой высоты у меня сейчас кровь носом пойдет.

— Теперь уже мне можно повернуться? — спрашивает мама.

— Если нужно.

Мама видит мои вещи, брошенные на пол. Вздыхает, поднимает их и складывает аккуратной стопочкой. Охает:

— Саманта! — держа мои трусы двумя пальцами. — Это ты могла оставить!

— Но она сказала снять одежду, это тоже одежда, разве не так?

Дверь открывается, и мама кидает мои трусы себе в сумочку. За доктором Чарльзуорт заходит парень, который выглядит как кинозвезда. Без шуток. Он будто вышел из декораций какого-нибудь фильма про докторов. Он доктор Сказочный. Доктор Воститительный. Доктор Чарующий. И он собирается смотреть на меня — обнаженную!

Святые помидоры! Я хочу свои трусы назад. *Сейчас же*. Доктор Чарльзуорт представляет его:

— Это доктор Трэвис.

— Приятно познакомиться, Саманта.

У него американский акцент. Вау! Может быть, он из Голливуда?

— А вы, должно быть, мама Сэм? Рад встрече.

Мама выглядит так, будто прямо сейчас растает в своем кресле.

— Эм... Здравствуйте...

— Она раздета? — спрашивает доктор Чарльзуорт маму.

— Да, раздета, — говорю я до того, как мама успевает ответить. Почему доктор Чарльзуорт не говорит со мной? Пациент я!

— Ляг на спину и опусти рубашку до пояса.

Я делаю, как она просит, оставляя одну руку на груди. Доктор Чарльзуорт и доктор Трэвис подходят ко мне. Доктор Чарльзуорт включает яркую лампу. Свободной рукой я закрываю лицо, потому что свет раздражает глаза.

Я слышу шелест пластика и щелчок резинок. Чувствую, как кто-то трогает мой живот. Они в резиновых перчатках! Они что, думают, что могут что-то от меня подхватить?! Меня уже осматривали врачи, конечно, но не так. Это унижительно. Я хочу уйти! Я хочу пойти домой *сейчас же*! Я хочу убежать по дороге в своей тоге-рубашке-простынке-черт-знает-в-чём-еще, забраться под кровать и никогда больше оттуда не показываться.

— Видите, доктор Трэвис? Видите, как здесь отслаивается кожа?

Ее резиновые руки тычут и колют.

— Видите эту приподнятую и утолщенную кожу? Это от постоянного трения и расчесывания. А это видите? Здесь значительная атрофия.

Я чувствую на себе другие руки, но уже без перчаток — они теплые и мягкие. Кожа к коже.

Доктор Чарльзуорт цыкает.

— Нужно надеть перчатки, доктор Трэвис.

— Не вижу необходимости, — тянет он слова со своим прекрасным акцентом.

— Это должно быть привычкой, вне зависимости от необходимости, — говорит доктор Чарльзуорт. — Видите? Кожа лопнула и мокнет.

Я лежу не шевелясь, чувствуя на себе их руки, слушаю их «хм» и «угу» и докторские разговоры на докторском языке, который я не понимаю. Они просят меня перевернуться на живот, чтобы осмотреть спину. Я сама никогда не видела свою спину. У мамы в спальне есть длинное зеркало, вмонтированное в стену, и я стояла перед ним, пытаюсь заглянуть через плечо, но моя шея не как у жирафа, поэтому я смогла увидеть только кое-что. Но я могу ее потрогать — она грубая там, где я чешусь, похожа на наждачку и вся в чешуйках. В неровных, бугристых, комковатых кусках, будто кто-то вымазал меня дегтем и обсыпал гравием. Как бы моя спина ни выглядела, я уверена, она совсем не похожа на спины женщин из журналов. Интересно, доктор Трэвис не начнет изрыгать свои кишки прямо на пол от такого зрелища? Я, должно быть, самое мерзкое из живых существ.

Я лежу лицом в простыню, а они водят руками по моим ногам. Я могу представить, что они трогают: вздутые круглые рубцы, потрескавшиеся и сочащиеся. Маленькие пятна запекшейся крови. Наросты,

которые я соскребаю ногтями. Утолщения на коже, больше похожие на резину. И странные красные обожженные очаги, окруженные белоснежной кожей. Мое тело напоминает поле битвы: краснокожие берут верх над бледнолицыми.

— Вы не преувеличивали, миссис Бэклер, — говорит доктор Чарльзуорт. — Ваша дочь, должно быть, жестоко страдает от своего состояния.

— Я не понимаю, — говорит мама, поперхнувшись.

Ну вот опять. Я уже слышала это миллион раз — речь, которую она произносит всем, кто готов слушать.

— Я не пила алкоголь во время беременности. Я не ела никакого мягкого сыра или копченого мяса. Когда она родилась, все медсестры восхищались ее мягкой молочной кожей. Я кормила ее грудью до девяти месяцев. Я не вводила слишком рано твердую пищу. Я не знаю, что я сделала не так.

— В этом нет вашей вины, миссис Бэклер, — говорит доктор Чарльзуорт.

— У моего мужа, Дэйва, летом бывает сыпь на внутренней стороне бедер. Однажды он пошел пятнами после того, как съел что-то острое в отпуске в Таиланде. А потом был случай... — Мама продолжает болтать, будто у нее нет кнопки «выключить».

— Можешь одеваться, Саманта, — шепчет доктор Трэвис.

Я сползаю с кушетки и смотрю на него. Я думала, что увижу на его лице гримасу отвращения. Вместо этого его прекрасные карие глаза улыбаются, будто со мной всё в порядке.

Доктор Чарльзуорт задерживает занавеску. Мамина рука просовывается снизу, трясая моим нижним бельем. Я хватаю трусы и надеваю.

Я слышу, как они говорят, но выключаю звук. Я делаю это не специально. В моей голове будто закрывается створка. *Я больше не в состоянии это выносить.*

Каждый раз одно и то же. Никто из докторов не может дать ответ. Никто не знает, что вызывает экзему, и никто не может договориться о том, как ее лечить. У них у всех разные мнения. Они едины только в одном: попробуем то, попробуем сё и будем пробовать до тех пор, пока не натолкнемся на то, что срывается, будто я какая-то лотерея. Я такое страшище. Почему я должна от всех отличаться? Почему я должна быть собой?

— Миссис Бэклер, думаю, нам стоит начать с того, чтобы определить для вашей дочери исключающую диету, — говорит доктор Чарльзуорт.

— Что это такое? — спрашивает мама сквозь всхлипывания.

Не могу поверить. Это я должна плакать.

— Это когда мы убираем из рациона питания практически всё. Сокращаем его до нескольких

продуктов. А через некоторое время вводим остальные продукты заново. Если кожа будет реагировать, мы сможем это заметить и узнаем, вызывает ли дерматит что-то, на что у нее аллергия.

— Какие продукты? Чем она сможет питаться?

Я выхожу из-за занавески с носками в руке. Доктор Трэвис стоит в углу у двери. Он улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ.

— *Эс Джей*, — представляю я, как он говорит, — *я вылечу тебя от этого ужасного заболевания. Я не только безумно хорош собой, я еще и потрясающе умен и знаю редкое растение, которое можно найти лишь в центре Галапагосских островов, а экстракт из него ценой невероятных усилий умеют добывать только два блестящих ученых — я и такой же харизматичный, но чуть менее привлекательный Чарльз Дарвин, — и с помощью этого экстракта твоя болезнь будет виртуозно побеждена. Я не позволю такой редкой красавице носить печать вероломного проклятия! Ты больше не будешь страдать! Я сейчас же организую поисковую экспедицию!*

— *Эс Джей!*

— А?

— С тобой разговаривает доктор, — ворчит мама. — Послушай!

Доктор Чарльзуорт бросает на меня вопросительный взгляд.

— Как я говорила, мне нужно будет составить диету. Вы сможете забрать ее завтра в регистратуре?

— Да, конечно, — горячо соглашается мама.

Доктор Трэвис мне подмигивает. Я закатываю глаза. Он лучезарно улыбается своей голливудской улыбкой. *Можно он будет моим лекарством?*

— У вас достаточно кортикостероидного крема или выписать новый рецепт? — спрашивает доктор Чарльзуорт маму.

— Можно несколько?

— Этот случай такой тяжелый, я войду в ваше положение. Должно быть, это дорого. Прошу прощения, миссис Бэклер, вероятно, жить с этим — сущее наказание. Думаю, вам стоит еще купить парафиновое масло, чтобы принимать с ним ванну. И больше сорболинового крема.

Она что-то пишет, отрывает рецепт и передает его маме.

Мы оплачиваем счет у администратора, когда к нам приближается доктор Трэвис.

— Я могу отвлечь вас на секунду, миссис Бэклер?

— Да, конечно.

Мама улыбается так широко, как только может. *Ой, да ла-а-а-а-а-а-а-а-адно.*

Мы отходим от стойки регистрации и останавливаемся между зоной ожидания и коридором, ведущим в кабинет врача.

— Если позволите, миссис Бэклер...

— Можете называть меня Кэрри.

— Кэрри. — Он медлит. — Послушайте, меня беспокоит оценка вашего состояния доктором Чарльзуорт. На самом деле в тяжелых случаях, подобных случаю вашей дочери, необходима консультация дерматолога — то есть узкого специалиста.

— Мы уже бывали у специалистов, — начинает отвечать мама.

— Доктор Чарльзуорт — терапевт. Она может живо интересоваться видами аллергии и заболеваниями кожи, но это не обязательно дает ей нужную квалификацию для назначения необходимого лечения.

Мамина улыбка исчезает. Лицо становится суровым. Могу с уверенностью сказать, что ее решение уже принято.

— Спасибо за беспокойство, доктор Трэвис, — говорит она коротко. — Однако я более чем довольна подходом доктора Чарльзуорт. И буду следовать ее указаниям.

Она хватает мою руку и тащит меня в сторону.

— Пошли, Эс Джей!

Мы возвращаемся к регистратуре, чтобы закончить оплату счета.

— Доктора-студенты! — бормочет она. — Сколько спеси!

Я так злюсь на маму из-за того, как она повела себя с доктором Трэвисом, что не разговариваю с ней, пока мы едем в аптеку. Мама барабанит пальцами по рулю и подпевает радио, делая вид, что ничего не замечает.

Я опускаю солнцезащитный козырек, смотрюсь в зеркало и выпрямляю волосы. Снимаю хлопья кожи с боковой стороны носа и резко захлопываю козырек обратно. *Ненавижу* зеркала. Фотографии ненавижу еще больше — особенно селфи. Если кто-то подарит мне селфи-палку, я буду чистить ею унитаз, клянусь. Мама паркуется у отеля «Корона» на главной улице. Там полно машин и покупателей. Все эти люди что, не работают?

— Кажется, доктор Чарльзуорт — очень хороший врач, — говорит мама, хватая свою сумку и выходя из машины.

Доктор Чарльзуорт будет хорошей, если сможет меня вылечить.

— А как насчет слов доктора Трэвиса?

— О том, что нужен специалист? — Мама качает головой. — Мы же обращались к тому аллергологу в Аделаиде, помнишь? И к другим. К тому же доктор Трэвис — приятный человек, но он только стажер. Доктор Чарльзуорт намного старше. У нее богатый опыт. Думаю, нам стоит к ней прислушаться.

Надеюсь, она права. Похоже, у меня нет выбора. Выбор делает мама. И иногда она выбирает верить врачам, иногда — нет. Я никогда до конца не понимаю почему, разве что история, которую они продают в конкретный момент времени, кажется ей подходящей. Мама будто начинает верить, потом закрадываются сомнения, и она быстро сдается и ищет обновленную истину где-то еще. Несколько недель спустя всё *снова* меняется. Я с трудом это выношу. У меня кружится голова.

Мы подходим к аптеке. На бело-зеленой скамейке у входа сидит старик и облизывает мороженое.

— Ты разве не должна быть в школе? — спрашивает он.

Мама бросает на него взгляд и проходит внутрь. Я не могу не остановиться. Старик такой тощий, что похож на скелет. Мешок обвисшей дряблой кожи.

— Пропускаешь уроки? — спрашивает он хриплым голосом.

— Мне нужно было к врачу, — отвечаю я вежливо, хотя это вообще не *его* дело.

Он облизывает мороженое.

— Ты не беременна?

Люблю такое. Просто взять и вывалить всё.

Я почти поперхнулась.

— Эм, нет. Мне... эм... только что исполнилось тринадцать.

— Хорошо. Потому что девчонки сейчас как с цепи сорвались. Элементарные правила приличия испарились. — Он машет рукой в коричневых пятнах, трясаясь и всё больше распаляясь. — Откровенные платья, обтягивающие юбки, слишком много тела напоказ. Ужасно. Это просто ужасно.

— Не думаю, что у *меня* есть возможность показывать слишком много тела.

И самое грустное, это правда.

Он кивает, трясая челюстями.

— Веди себя достойно, юная леди. Так ты будешь больше нравиться мальчикам.

Ага. Возможно, если бы сейчас на дворе был 1859 год.

— Буду помнить об этом, — говорю я. *И тут же выкидываю это из головы.*

— Хорошая девочка. Хорошего тебе дня. — Старик приподнимает несуществующую шляпу. Когда он отворачивается, я показываю ему средний палец.

В аптеке мама у прилавка разговаривает с женщиной, на бейдж у нее написано *Бетти Уиндлбэнк*. Это та женщина, у которой, по словам мамы, слезятся и чешутся глаза. Бросаю на нее взгляд. Как по мне, то ее глаза выглядят здоровыми.

— Добрый день, милая девочка! Должно быть, ты Саманта? — У нее чистая кожа, разве что немного

морщинистая, и блестящие голубые глаза. Быть может, доктор Чарльзуорт действительно ее вылечила. — Как приятно с тобой познакомиться!

— Здравствуйте. Приятно познакомиться.

Взглянув на список лекарств, который ей протянула мама, она присвистывает и заводит долгий разговор о разных продуктах на рынке. Я слоняюсь по залу, глядя по сторонам. Это не только аптека, но и сувенирный магазин.

Я иду в уголок с косметикой и беру тестер розовой помады, которая называется «Тутти-фрутти». Накрасив губы, вытягиваю их перед зеркалом. Выглядит хорошо. Мама никогда это не купит, даже если очень попросить. Ей приходится тратить так много денег на другие вещи, которые мне необходимы. Другим девочкам покупают гель для губ или модные увлажняющие помады. Я получаю кортизоновый крем и сорболин.

Каждый раз, когда мы идем к врачу, нам приходится оплачивать дополнительные взносы*. Я не знаю, что это значит, но знаю, что они обходятся дорого, особенно когда мы платим их так часто. Мама

---

* Дополнительные взносы — разница между тем, что покрывает медицинская страховка, и общей стоимостью оказанных медицинских услуг.

не работает, и доход приносит только папа. Мама говорит, что с тремя детьми счета́ просто лезут у нее из ушей. Я ужасно себя чувствую из-за этого. Если бы у меня не было этого дурацкого заболевания, наша семья могла бы ездить на отдых и всё прочее. Мы могли бы каждый день есть лангустов на ужин. Мама могла бы покупать мне косметику.

Я думаю о том, чтобы выйти на улицу и сказать старику, что он ошибается. Ни один мальчик никогда на меня не посмотрит. Даже если я *надену* красивую одежду и сделаю макияж. И можно забыть, кто такой Сэм-человек.

Сэм и Сэм — это не тандем. Какое же я убогое чешуйчатое чудовище!

ГЛАВА

— Где ты была утром? — спрашивает Ливви. Обеденный перерыв в самом разгаре. Она распласталась на красной скамейке во дворе рядом со спортзалом, задрав на стену длинные загорелые ноги. Ее голова свисает со скамейки, и Ливви смотрит на меня снизу вверх. Я потираю живот.

— Пузо болело.

Она высовывает язык.

— Из-за месячных? Это хуже всего. Мне выписали обезболивающие, но от них хочется спать. Лучше ничего не принимать, если можешь терпеть.

Ливви спускает ноги и садится прямо. Я не утруждаю себя объяснениями, что у меня еще нет месячных. Учитывая то, что она думает, будто у меня уже всё началось, сказать правду как-то вдвойне неловко.

— Хочешь парацетамол? Я могу принести. У меня в сумке есть таблетки.

— Не-а. Я в норме.

Мальчик, на вид немногим старше Дилана, направляется к нам с коробкой цветной бумаги. Интересно, что он делает на территории средней школы. Когда мальчишка видит меня, то останавливается и спрашивает:

— Что случилось с твоим лицом?

Мог бы сразу мне врезать.

Ливви встречается быстрее, чем я успеваю что-либо сказать:

— Что случилось с *твоим* лицом? Его будто расплющил футбольный мяч!

Эти слова ранят мальчика. Я не могу не испытывать к нему сочувствия. Быть может, он не желал меня задеть? Вдруг он действительно хотел узнать?

— Обгорела, — говорю я, закатывая глаза. — Мама сильно злится, что я не нанесла солнцезащитный крем.

Он улыбается.

— Ага. Моя тоже злится, когда я забываю. — Потом мальчик добавляет: — Знаешь, ты можешь заработать рак кожи. Сначала у тебя везде появляются эти черные неровные штуки, потом они попадают внутрь и пожирают твои внутренности и всякое

такое, потом ты хрипишь, кашляешь и задыхаешься, а потом умираешь.

Слово «умираешь» он произнес особенно театрально.

— Это правда?

Мальчишка кивает.

— Так рассказывают учителя. И реклама солнцезащитного крема по телевизору.

— В таком случае, полагаю, нам лучше нанести крем.

— Ага. И носить головной убор. Нет кепки, нет игры.

На этом он счастливо удаляется с чувством выполненного дела.

Ливви таращится ему вслед.

— Он на темной стороне или как? — Она поворачивается ко мне. — Ты в порядке?

Я прячусь за волосами. Ливви убирает их со лба.

— Пару дней назад ты тоже выглядела красной. Оно долго заживает. Должно быть, ожог коснулся нескольких слоев чего-нибудь. Может быть, тебе пойти к доктору за специальным кремом?

— Да... может быть.

Вероятно, она поняла, что я не хочу об этом говорить, потому что сменила тему.

— Отгадай, что ты пропустила утром?

— Что?

— Сэм. Он спрашивал, где ты.

Сэм спрашивал, где я? Какие-то доли секунды я ликую. Но потом вспоминаю, что если бы он знал, где я и чем занимаюсь, то вряд ли бы спрашивал. Наверное, мне стоит найти его, сорвать перед ним и всеми его друзьями школьную форму и покончить с этим. Он увидит, что я Королева Рептилия, и никогда больше ко мне не подойдет.

— Ты ему нравишься, — говорит Ливви.

— Это смешно.

— Да нет же, правда. Я думаю, так и есть.

— Ну, если и так, мне нет до этого дела.

Ливви пожимает плечами.

— Я думаю, что он милый.

— У меня уже есть парень.

Это вырвалось без всякого предупреждения. Будто мое объяснение доставил экспресс-курьер.

Ливви наострила уши.

— Почему ты мне не сказала? У тебя есть его фотография? Как его зовут?

Я думаю быстро.

— Роджер. Его зовут Роджер.

У меня когда-то была черепашка по имени Роджер. Она умерла, когда мне было девять.

— Он живет в Брокен-Хилл.

Ливви морщит нос.

— Роджер? Мне кажется, это какое-то старомодное имя.

— Его называли в честь дедушки.

— Ого.

— Он мне всё время звонит. — Для большего эффекта я вздыхаю. — На самом деле это немного утомляет.

— Ничего себе!

Ливви присвистывает с завистью.

— У меня никогда не было парня.

— Роджер у меня третий.

Я не понимаю, что со мной. Соврав, я уже не могу остановиться.

— Третий?

Я пожимаю плечами.

— В Брокен-Хилл особо нечем было заняться.

— Да уж.

Какое-то время она молчит. Ливви будто пытается меня вычислить. Наконец она произносит:

— Можно к тебе в гости после школы?

Говоря это, она смотрит в землю. Возможно, знает, что я задаюсь вопросом, а когда же настанет моя очередь идти к *ней* в гости. Ливви меня еще не приглашала.

— Может, лучше прогуляемся по пляжу?

Мне не хочется идти домой. Не желаю слушать, как мама болтает по телефону с подружками из Брокен-Хилл, извергая новости о неожиданном развитии событий в непрекращающейся драме «Сыпь Саманты». Она как из тех навязчивых реклам по радио, кричащих: «*Покупай сейчас! Плати потом!*» Разве что не кричит: «*Попробуй это! Попробуй то! Вылечи свою кожу сейчас!*» Велика вероятность того, что, если я приглашу Ливви домой, мама усадит ее рядом и выдаст длинную справку об истории моей болезни, а потом забросает ее вопросами, страдал ли похожими симптомами кто-нибудь из ее родственников и что они сделали, чтобы победить этот тяжелый недуг.

Ливви пожимает плечами.

— Без проблем. Можем пойти на пляж.

Я слышу звук вибрации. Она хлопает себя по юбке и достает из кармана телефон. Он ярко-розовый и со стразами.

Я бы тоже хотела телефон. Папа не позволяет. Он говорит, что исследователи пока не выяснили, как излучение телефона влияет на мозг детей. Я уверена, что никак. Он просто не хочет на это тратить.

— Привет, мам. — Ливви закатывает глаза. — Хорошо. Да, конечно. Угу, угу. Да. Я сказала «хорошо». «Хорошо» — это значит «хорошо», понимаешь?

Блин! — Она кладет трубку. — Планы меняются. Мне надо зайти в магазин после школы. Хочешь со мной?

Любой вариант, за исключением «пойти домой», хорош.

— Конечно. С радостью.

— Эй, Эс Джей!

Я поворачиваюсь. Папа. Наверное, он дежурит по двору.

— Милая, подожди!

Он шагает к нам, держа в руке чашку кофе с надписью *«Прости, виноват. Забыл, что ты придурок»*.

Я указываю на чашку.

— Способ поделиться подсознательными мыслями?

Папа изображает невинность.

— Я беру эту чашку, только когда встречаюсь с чиновниками. Может быть, захватил пару раз с собой в кабинет директора. — Он подмигивает мне. — Как всё прошло у врача?

Мои щеки вспыхивают. Боже, папа! Теперь Ливви знает. Придется объяснять и это.

— Эм, нормально. — Я бросаю на него выразительный взгляд, надеясь с помощью телепатии заставить его замолчать. — Ничего важного.

Наверное, он заметил, как я на него смотрю, потому что заговорил с Ливви:

— Должно быть, вы та самая Ливви! Я много слышал о вас!

Ливви выглядит польщенной.

— Приятно познакомиться, мистер Бэклер.

Звенит звонок, и папа отпускает худшую из отцовских — или учительских? — шуточек.

— Ха! Спасительный звонок!

Мы направляемся к шкафчикам и забираем оттуда книжки для следующего урока.

— У тебя классный папа, — говорит Ливви. Она вытаскивает барахло из шкафчика, добираясь до учебника истории на самом дне. — Ты не говорила, что была у врача. Ты уверена, что всё в порядке?

— Я бы не пошла в школу, если бы болела, так ведь?

Она пожимает плечами.

— Наверное.

— Я в порядке. Правда. Не беспокойся.

После обеда, когда мама приехала забирать меня и мальчиков из школы, я сказала ей, что собираюсь к Ливви. Мама не против. Она говорит, что направляется домой, чтобы приготовить мне пир. На заднем сиденье стоят сумки с покупками и почти нет места для мальчиков.

— Багажник тоже полный, — говорит мама. — Это прощальный ужин. После него у тебя начнется исключаящая диета.

Если она старается облегчить ситуацию, у нее плохо получается.

Роун толкает меня, пробегая мимо.

— Ура! Я поеду на переднем сиденье!

Я толкаю его в ответ.

— Смотри, куда несешься!

— Сама смотри!

Дилан прибегает на секунду позже.

— Эй, я хотел на переднее сиденье!

— Ха-ха! Я первый! — дразнится Роун.

— Мальчики! — говорит мама. — Вам не обязательно начинать ссориться сразу же, как вы залезаете в машину! — Она смотрит на меня через окно. — Ты надолго?

— Может, на час или два.

— Что это? — спрашивает Дилан, втискиваясь на сиденье рядом с сумками.

— Это для твоей сестры.

— Это подарки? — Он копается в сумках. — Нечестно! Она получает всё, а я ничё.

— Ничего, — поправляю я.

Он меняется в лице.

— Заткнись, Сама-а-а-анта.

— Подумать только, — говорит мама, подмигивая, — они еще даже не ели ничего сладкого после обеда.

— Думаю, я останусь у Ливви подольше.

Мама улыбается.

— Развлекайся, дорогая. Я горжусь тобой. Ты так быстро нашла себе новых друзей. Я же говорила, что переезд — это хорошая идея, верно?

Она посылает мне воздушный поцелуй и выезжает с парковки, сигнала.

Ливви подбегает ко мне.

— Прости. Я застряла в туалете. Закончилась бумага. Пришлось выпрашивать у Кирсти Норбетт. Ты готова?

— Готова.

В супермаркете Ливви вытаскивает тележку из ряда и направляется к морозилкам. Она бросает в тележку три упаковки с мясным пирогом, две замороженные пиццы и упаковку замороженных картофельных долек. Затем она берет сметану, четыре упаковки нарезанного сыра и два килограмма бекона. Должно быть, ее семья много ест. Я никогда не видела, чтобы моя мама наполняла тележку в таком объеме.

Ливви достает две курицы гриль из горячей печи и устраивает их в тележку на сиденье для малышей.

В кондитерском отделе она просто пускается во все тяжкие — берет с десятков упаковок мармеладных конфет и выбирает столько шоколадок, что я теряю им счет.

— У вас намечается вечеринка?

Ливви смотрит на меня со странным выражением.

После того как она укладывает в тележку упаковки с чипсами и печеньем с кремовой прослойкой, мы направляемся на кассу. Девушка за прилавком учится на несколько классов старше нас. Под черным передником у нее школьная форма.

— Записываем это на ваш счет?

Она говорит таким пафосным голосом. Сразу ясно, что это не ее настоящий голос.

— Да, спасибо.

Девушка дает Ливви расписаться в какой-то книжечке.

— Хорошего дня!

Выйдя из магазина, я понимаю, что мы всё это набрали, а машины нет. До того как я успеваю что-то сказать, Ливви отправляется в путь с тележкой.

У меня начинает чесаться сзади шея. Мы же не можем просто взять тележку? Это же воровство?! Я не хочу, чтобы меня притащили в полицию и напечатали в газете мою фотографию. Лучше мне растрепать волосы. У знаменитых преступников на фотографиях *всегда* растрепанные волосы.

— Подождите! — зовет какой-то голос.

Мы оборачиваемся. Это Мали и Хайди. Они подъезжают к нам на своих новеньких велосипедах.

— Привет, Эс Джей.

У Хайди во рту леденец. Ее язык ярко-красного цвета.

— Хочешь прийти на предсезонную тренировку по нетболу завтра вечером? Мой папа согласился нас спонсировать.

Я отвечаю с непринужденным видом:

— Да, конечно. Звучит здорово.

Мали поворачивает свой велосипед так, чтобы можно было увидеть содержимое тележки Ливви.

— Твоя мама сегодня решила не ходить по магазинам?

Лицо Ливви приобретает цвет леденца Хайди. Она не смотрит на нее.

— Она... занята. Повредила лодыжку.

— Играла в женский нетбол?

Мали показывает на сумки.

— О! «Во-Во»* с глазурью! Мои любимые. Хотя слишком много их есть вредно.

---

* Iced VoVo («Во-Во с глазурью») — бисквитное печенье из пшеничной муки, украшенное сверху полоской малинового варенья, розовой помадкой по бокам и посыпанное кокосовой стружкой. Одно из самых популярных и любимых в Австралии.

— Мне нужно отвезти всё это домой, — бубнит Ливви, поворачивая и толкая тележку вперед.

Я иду за ней.

— Увидимся на тренировке завтра вечером! — кричит Хайди.

Мы заворачиваем за угол, и тротуар кончается. Ливви выкатывает тележку на дорогу. Теперь мы идем вдоль побережья в тени огромных сосен.

— Стой, — говорю я, почувствовав вкус приключений. Если мы крадем тележку из магазина, надо хотя бы делать это весело. — Пусти меня.

Я забираюсь на край тележки. Ноги на нижней перекладине, задница упирается в бортик. Я широко раскидываю руки, как Кейт Уинслет в «Титанике».

— Я лечу! Я лечу!

Ливви смеется. Она толкает тележку. Вскоре мы уже несемся вдоль дороги.

— Быстрее, Лео, — кричу я, — быстрее!

Ветер шумит у меня в ушах, и полуденное солнце греет лицо. Подо мной по асфальту гремят колеса тележки. Свежий бодрящий морской воздух наполняет легкие. Я снимаю повязку и позволяю волосам разлетаться сзади. Я закрываю глаза и пою «My heart will go on».

Ливви внезапно тормозит, проезжая пятками по земле, и мы останавливаемся. Я вижу на середине

дороги Сэма с горсткой друзей, облокотившихся на велосипеды. Я стараюсь ловко спрыгнуть, но меня приветствует асфальт, и я оказываюсь распростертой на земле у ног Сэма, со вкусом грязи на губах.

Он подает руку.

— Кейт Уинслет, полагаю?

Мое сердце переворачивается — он знает этот фильм!

Я не беру его руку. Переворачиваюсь, сажусь и отряхиваюсь. Ливви паркует тележку у чьей-то лужайки, чтобы она не укатилась, и помогает мне встать.

— Знаешь еще какие-нибудь трюки? — усмехается Сэм. — Особенно мне нравится, когда ты их выполняешь под музыку.

Я вытираю рот и пытаюсь придумать что-нибудь остроумное в ответ, но у меня в мозгу короткое замыкание. Когда приду домой, уничтожу DVD с «Титаником». Леонардо утонет второй раз — у меня в унитазе.

Мальчик, чьего имени я не могу припомнить, ездит на велосипеде кругами по середине дороги. У него ярко-рыжие волосы, веснушки и самые синие глаза в мире. Это тот самый парень, который таранился на меня в школе, — тот, что видел, как я чешусь.

— Эй, Ливви! — говорит он. — Твоя старушка на днях встречалась с пожарником?

— Отвали, Рори! — Ливви хватает тележку и бросается на него. Он издает зловещий хохот. Отворачивая велосипед от Ливви, он обращается ко мне:

— Эй, Эс Джей! Спорим, тебе так хочется убратъся отсюда, что ты аж чешешься?

У меня сжимается желудок. Он *знает*.

Ливви опять бежит на него с тележкой. Рори смеется и крутит педали вверх по дороге. Сэм прыгает на свой велосипед и отправляется за ним. Он оборачивается ко мне.

— Увидимся, Эс Джей.

Когда они исчезают, Ливви взрывается:

— Эти мальчишки такие придурки! А Рори Максфилд — король придурков!

— Что он имел в виду, когда говорил про пожарника? Твоя мама что-то скрывает от отца или что?

Я не упоминаю фразу о чесотке. Надеюсь, она не заметила.

Ливви смотрит на меня так, будто я сморозила самую невероятную глупость из всех, что она слышала. Затем она стала смеяться так сильно, что я думала, она описается. Не понимаю, что в этом такого смешного.

Мы заворачиваем в проулок и направляемся к первому дому справа. Ливви проверяет почтовый ящик. Она нажимает на маленькую кнопку на стене, и дверь гаража ползет вверх. Мы заезжаем с коляской внутрь. Я почти рассчитываю увидеть гараж, полный тележек из супермаркета, но наша — единственная. Раздвижная дверь ведет в дом, и мы вносим покупки.

Первое, что я замечаю в доме Ливви, — безупречная чистота. Паркетный пол блестит, как в рекламе паровой швабры по телику вечером. Кажется, что у каждой вещи есть свое место. Должно быть, мама Ливви никогда не отдыхает. Наверное, она носит-ся по дому целый день, в одной руке ведро, в другой — тряпка. Я решаю, что здесь для меня супер-безопасное место. Пыли тут нет, это точно. Может, моей маме обратиться к ним за секретами уборки?

Мы разгружаем сумки на скамейке в кухне. В соседней комнате раздается женский голос:

— Это ты, милая?

— Да, мам!

— Ты купила печенье с кремом?

— Да!

Ливви открывает холодильник и берет банку колы. Вторую дает мне.

— Ты можешь принести мне пачку?

— Сейчас!

Ливви копается в сумках в поисках печенья. Кладет его на скамейку.

— Эс Джей, — говорит она шепотом.

Я не понимаю, почему Ливви шепчет. Кто-то спит? Отец? Ему нужно рано вставать на рыбалку или что?

— Я не хочу показаться невежливой, но мне надо заняться кое-какими уроками. Я не успела дописать эссе по истории, которое мы должны были закончить в классе.

Она намекает, чтобы я ушла. Не понимаю. Ливви не хочет знакомить меня с мамой?

— Давай помогу? — предлагаю я. — Можем дописать эссе вместе.

— Милая! — кричит мама. — Ты с подружкой?

— Она уже уходит!

— Это та девочка, о которой ты мне рассказывала? Веди ее сюда! Я хочу с ней познакомиться!

Должно быть, мама Ливви серьезно повредила лодыжку, если даже встать не в состоянии. Интересно, как ей удастся содержать дом в такой чистоте, если она не может ходить.

Ливви перекачивает неоткрытую колу в ладонях. Смотрит на дверь, потом на меня. Наконец, опустив плечи, ставит колу на скамейку и движением руки показывает, чтобы я шла в соседнюю комнату.

— Всё в порядке? — спрашиваю я.

Она не отвечает. Я иду за ней в гостиную.

В гостиной темно, шторы задернуты, и глазам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть. Мерцает телевизор, орет музыка. Телевизор стоит на книжном шкафу, забитом дешевыми книжками в мягких обложках. Воздух наполнен механическим жужжанием вместе со странным сосущим звуком.

— Здравствуй! Ты, должно быть, Саманта. — Ко мне обращается гора из ткани в цветочек с головой на вершине. — Я давно хотела с тобой познакомиться.

Я не могу отвести взгляд. Мама Ливви... *огромная!* Самая большая из всего большого — больше лобстера Ларри. Больше планеты.

Невозможно сказать, лежит она или сидит на специально оборудованной кровати. Жужжание издает прибор, подключенный к кислородному баллону, от него к ее лицу идут две маленькие пластиковые трубочки. Голова по сравнению с телом крошечная, как вишенка на торте, а тело выглядит так, будто оно ей не принадлежит. На ней надето какое-то платье в цветочек, или это простыня, сложно понять, а ноги как два цилиндра, разве что на концах у них приделаны две маленькие пухлые ступни.

Но ее кожа! Она как моя! Ноги покрыты красными мокнувшими язвами. Кожа красная и чешуйчатая, а вокруг язв виднеется белый крем — сорболин? Он также густо нанесен на верхушки коленей. Даже большие пальцы ног у нее сухие и в хлопьях.

Это то, что потом случится со мной?

Ливви передает маме упаковку печенья. Его хватают пухлые пальцы. Руки не такие шелушащиеся, как ноги, но они тоже вымазаны в креме, будто их полностью опустили во взбитые сливки. Она кладет целое печенье на язык и наслаждается им, закрыв глаза и быстро пережевывая. Руки что-то нащупывают. Она находит пульт и убавляет звук.

— Как прошел день, милая? — Жужжит кислородная машина. — Слишком рано встала?

— Нормально, — пожимает плечами Ливви. — Кстати, Саманта любит, когда ее называют Эс Джей.

— Привет... я... миссис... эм... Хамфрис. — Я заикаюсь, ничего не могу поделать. — Приятно... эм... Познакомиться.

— Вы недавно к нам переехали?

Я киваю, не в силах отвести взгляд.

— Моя девочка редко приводит друзей домой. Ты, должно быть, особенная. Я рада познакомиться. Заглядывай сюда в любое время, когда захочешь.

Я не могу поверить, что волновалась о том, что моя мама назвала Ливви «дорогая» в первый день, когда мы увиделись в магазине. У моей новой подруги есть гораздо более серьезные причины для беспокойства!

— Ладно, мам, мы пойдем! — Ливви хватает меня за руку и выводит из комнаты. Она не выпускает меня, пока мы не оказываемся на улице, стоя в проулке и глядя на дорогу. Я понимаю, что должна что-то сказать, но ни одно из моих слов не подходит.

Ливви складывает руки на груди. Ее стройные загорелые ноги подергиваются, будто она сейчас убежит и никогда не вернется.

— Мне надо идти, — говорю я неловко. — Мама затевает большой ужин. Увидимся в школе?

Она выдавливает из себя полуулыбку, пиная бетонную плиту.

— Угу.

ГЛАВА

Мама не шутила, говоря, что собирается приготовить пир. Когда я пришла домой, кухонный остров был заполнен кастрюлями, подносами и огромными блюдами с едой. В центре обеденного стола было втиснуто еще невероятное количество еды. Будто на обед пришли все члены футбольного клуба Кингстона: начальная школа, средняя, старшая и юниоры.

— Приятного аппетита, — говорит мама с гордостью.

Каждый берет тарелку и принимается за дело.

— Эс Джей, исключаящая диета предполагает, что тебе можно есть следующие продукты. — Мама говорит об этом, держа перед собой список, будто она зачитывает королевский указ. — Кукурузу,

горошек, бобы, груши, зеленые яблоки, яйца, мед, кукурузную муку, баранину, говядину, курицу, рис, кешью.

— И?

— И это всё.

— Ты что, шутишь?

Папа раздвигает у себя на тарелке салат и вонзает вилку в лазанью. Томатный соус смешивается с белым соусом, образуя вязкую массу.

— И как долго?

— Несколько месяцев. Доктор Чарльзуорт сказала, что мы будем вводить остальные продукты по одному. Тогда мы увидим определенную реакцию, если таковая проявится.

— Но разве ты не читала о том, что яйца — распространенный аллерген? — спрашивает папа. — А кешью? Орехи разве не аллерген тоже? Я не уверен, что ей стоит есть яйца и орехи в больших количествах.

— Я понимаю, Дэйв, — говорит мама напряженным голосом. — Но если доктор говорит, что всё в порядке, должно быть всё в порядке. Они же не скажут нам делать что-то, что может ей навредить, так ведь?

— Ха-ха! Тебе нельзя есть шоколад! — дразнится Роун. — Это значит, я заберу твои пасхальные яйца!

— Нет! Отдай их мне! — Дилан кричит, стуча кулаком по столу. Он толкает Роуна так, что тот почти сваливается со стула. — Я хочу забрать ее пасхальные яйца!

— Успокойтесь! — говорит папа. — Никто не получит пасхальные яйца Эс Джей. — Он поворачивается к маме с нахмуренными бровями, показывая, что это плохая идея. — Ты уверена в этой затее?

Мама вздыхает.

— Ну что-то же должно сработать. Я не вижу, чтобы *ты* вносил какие-нибудь предложения.

Папа смотрит на меня, и в глазах его полно жалости.

— Ты это выдержишь, солнышко?

— Без сомнений, — провозглашаю я.

Если есть хоть какой-то шанс, что я могу закончить как мама Ливви, я должна сделать всё, чтобы это предотвратить. Бедная женщина! Я не могла перестать о ней думать всю дорогу до дома. Что это за жизнь — быть прикованной к креслу в темной комнате, ничем не заниматься и только весь день смотреть телевизор? Постоянно слышать жужжание этой машины и задыхаться при каждом вздохе? Это правда *мое* будущее?

— Я всё сделаю, чего бы мне это ни стоило, — говорю я.

Мама выглядит удивленной. *Приятно удивленной.*

— Отличный настрой, Эс Джей! — Она с восторгом хлопает в ладоши. — Возможно, это то, что нужно. Возможно, мы раз и навсегда вылечим твою кожу. После всех этих лет мы должны наконец к чему-то прийти.

Я обязана начислить ей очки за рвение. Она просто суперпозитив. Хочет верить, что это сработает. Ей *нужно* верить, что это сработает. А после встречи с мамой Ливви мне тоже это нужно.

— Налетай! — подбадривает мама, указывая на пиршество, которое она приготовила. — Завтра ты будешь совершенно новой, Эс Джей!

Я выбираю лазанью — блюдо, которое мама действительно умеет готовить. Пробую сочный мясной соус. Он *восхитительный*. Отказаться от такой еды будет сложно, но хоть при какой-то толике везения это должно мне помочь. *Сила воли*. Мама об этом всегда говорит. Просто немного силы воли. Это всё, что от меня требуется, чтобы стать нормальной.

И это всё, чего я хочу. Сотню миллионов триллионов миллиардов раз. Я хочу быть нормальной, как другие девочки моего возраста.

Я ведь не так много прошу, верно?

ГЛАВА

9

После вкусного завтрака из яичницы и баночного грушевого сока я направляюсь в школу с салатом с бараниной и яблоком в ланч-боксе. Эта диета не так плоха в итоге. На самом деле она даже вполне хороша. Я сейчас похожа на тех дам из дневных ток-шоу, полных энергии, поскольку они едят правильную еду. Папа предполагает, что, как только выключаются камеры, эти теледамы набрасываются на шоколад и конфеты, но я не думаю, что это правда. Как бы они смогли пойти на телевидение и рассуждать об этом, если бы ввали?

Когда я вхожу в класс, единственное свободное место оказывается рядом с Сэмом. У нас биология. Мисс Хопкинс поставила перед каждым растение в горшке.

— У тебя гвоздики, — говорит Сэм. — Я их знаю, потому что папа покупает их маме на День матери. — Он показывает на белые цветки перед собой. — А что это такое, понятия не имею.

Я тоже не знаю, что это, но если бы я раздавала растения, то поставила бы перед ним вазу с красными розами.

Ливви сидит через несколько рядов сзади. Я поворачиваюсь и машу ей. Она неуверенно машет в ответ. Я знаю, что Ливви должна себя чувствовать ужасно из-за мамы. Я планировала сказать ей, что у меня такие же проблемы с кожей и ей нечего стыдиться, но сейчас не уверена, что это правильные слова в такой ситуации. Она на самом деле переживает из-за этого. Возможно, Ливви не захочет со мной дружить, если у меня такая же болезнь. Я имею в виду, что, если я растолстею и меня придется возить в школу на пожарной машине? (Теперь я понимаю, что имел в виду Рори Максфилд.) Может, мамин график с этой исключаящей диетой мне подойдет. Я же вряд ли смогу растолстеть на яйцах и грушах, так? Интересно, почему мама Ливви не ест простую еду? Мой нос начинает подергиваться, как только наш класс заполняет острый запах магазина цветов. Я роюсь в карманах в поисках платка, но его нигде нет.

Я натягиваю рукав джемпера на большой и указательный пальцы и незаметно тру нос. Глаза начинают болеть, и появляется странное чувство, будто они полны песка.

Мисс Хопкинс раздает нам скальпели и разделочные доски. Она просит нас взять цветок и отсечь стебель. Она рассказывает про репродуктивные органы цветов, тычинка — это мужская часть.

Рори Максфилд сидит за Сэмом. Он наклоняется вперед и шепчет:

— Эй, Сэм, твоя мужская часть выглядит так же?

— У меня, по крайней мере, она есть, — отвечает Сэм.

Он быстро находит остроумные ответы, это я уже заметила. Раньше я думала, что Сэм — это только гладкие темные волосы и дерзкая улыбка, но теперь я замечаю и другие черты. Например, как он смахивает челку или как он говорит, ярко жестикулируя. И то, что он делает с большим пальцем, — как он покусывает кончик, всегда уголком рта. Может, это звучит странно, я знаю, но мне так сильно нравятся все эти мелочи.

Я отрезаю свой цветок. Большая жирная капля падает из носа и приземляется на разделочную доску. Я украдкой смотрю на Сэма. Он слишком занят

своим цветком, чтобы заметить. Я быстро чешу запястье. Оно стало ярко-красным. Начали появляться белые бугорки.

Я делаю надрез и опять останавливаюсь, чтобы почесаться. Я режу и чешусь и чихаю. Моргаю и тру глаза. Они по-настоящему болят. Я кладу скальпель. Моя кожа раскалена и горит. На какой-то момент мне становится всё равно, кто на меня смотрит. Я не могу ничего с этим сделать и остановиться. Это правда *очень* больно. Я странно ощущаю кожу на лице — она напряжена, будто кто-то меня ударил.

— Ты в порядке? — спрашивает Сэм.

Я завешиваюсь волосами и смотрю через пряди.

— Мисс Хопкинс? — зову я, подняв руку.

— Подойду через минуту.

Она продолжает разговаривать с учениками сзади нас.

Я с трудом открываю глаза. Вижу на парте свой поникший цветок с отсеченным стеблем. Я смотрю на него будто сквозь толщу воды, всё расплывчатое и нечеткое. Я *сильно* чихаю. Это похоже на взрыв. Капли слюны вылетают из моего рта.

Сэм смеется.

— Эй! У тебя аллергия на цветы, что ли?

Я не отвечаю. Я смотрю туда, где должна быть дверь из кабинета, но не вижу ее. Мне нужно отсюда

выбраться. Я знаю, что между мной и дверью несколько парт, и не уверена, что смогу пробежать, не споткнувшись и не упав на пол лицом.

— Эй... — Рука Сэма на моем плече. Его голос озабочен. — Ты в порядке? — Он убирает мои волосы. Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он отшатывается с шумным вздохом. — Мисс Хопкинс! — кричит он в панике. — Мисс Хопкинс!

— Что такое, Сэм?

— Ее лицо! У нее что-то с лицом!

Все бросили свои занятия. Рори Максфилд повторяет: «У нее что-то с лицом!» Он смеется так, будто это самая смешная штука на свете.

Я чувствую руку учительницы на плече, когда она приседает у моей парты.

— Боже! — ахает она. — Что за?.. — Все разговоры мигом прекращаются. — Идем быстро за мной.

Мисс Хопкинс поднимает меня со стула. Я неистово чихаю. При каждом чихе мои волосы отлетают назад, обнажая лицо. Я слышу, как кто-то кричит:

— Боже! Только посмотрите на нее! Это же Человек-слон!

— Рори Максфилд! — предупреждает мисс Хопкинс. — Я разберусь с тобой позже. Оставайтесь на месте — все! Я скоро вернусь.

Учительница выводит меня из класса.

В безопасности и вдали от любопытных глаз она убирает от лица мои волосы, чтобы получше меня рассмотреть.

— Нужно отвести тебя в медицинский кабинет. Нам нужна помощь.

— Я в порядке, мисс Хопкинс. Правда.

— Ты далеко не в порядке. Почему ты не сказала, что у тебя аллергия на цветы? — Ее голос звучит рассерженно и даже испуганно, будто это ее ошибка и я могу навлечь на нее проблемы. Но потом она берет себя в руки. — Бог мой, прости меня, Эс Джей. Пожалуйста, прости меня. Это просто... Я никогда не видела ничего подобного. Это немного пугающе, понимаешь?

Теперь я свободно чешу свое запястье. Оно уже кровит, но я не могу остановиться. Маленькие белые бугорки превратились в одну большую опухоль. Ужасно больно! И так неловко! Я бы хотела, чтобы пол разверзся и поглотил меня. Заберите меня отсюда. *Пожалуйста.*

Она отводит меня в приемную, где выкрикивает кому-то указания вызвать медицинского работника. Затем провожает меня в небольшую комнатку рядом.

— Я сейчас вернусь. Только позвоню твоей маме.

Она оставляет меня одну. И вот теперь я *по-настоящему* не могу сдерживаться. Я чешу шею, грудь, руки, живот, ноги. Мне не хватает рук. Знаю, что будет только хуже, но не могу остановиться. Это как укусы комара, правда, сейчас такое ощущение, что их тысячи — черный рой насекомых, жалящих мою кожу, пьющих мою кровь. Это сводит меня с ума. У меня в голове перегрузка. Я уже ничего не соображаю.

В комнату входит женщина, которую я раньше не видела. У нее в руках какой-то синий мягкий пакет.

— Здравствуй, милая! Меня зовут Амелия, я медицинский работник. Я принесла тебе лед. Можешь здесь присесть? — Она подкатывает кресло. У нее тонкий высокий голос. — Мисс Хопкинс говорит, что с дыханием проблем нет. Это так?

Я киваю.

— В таком случае, боюсь, я не так много могу для тебя сделать, пока не приехала твоя мама. Нам нельзя использовать препараты, если на то нет специальных указаний. Это случалось раньше? Я имею в виду, с этим конкретным растением.

Я беру упаковку льда и прислоняю ее к щеке. Это приятно, но чтобы действительно стало лучше, мне потребовалось бы засунуть лицо в коробку, полную льда.

— Это впервые, — отвечаю я.

— У меня тоже. — Она мило улыбается. Я не могу не заметить, что ее кожа гладкая и покрыта тональным кремом. Интересно, зачем она его наносит, если у нее нет прыщей. Амелия очень красивая.

Мисс Хопкинс просовывает голову в дверь.

— Мама уже на подъезде. Я хотела позвать папу, но он повез учеников на экскурсию. Мне придется попросить твою маму заполнить бумаги. У нас ничего не записано об аллергии на растения — только то, что она упоминала о пылевых клещах. В любом случае мне нужно возвращаться в класс. Ты в хороших руках Амелии. Поправляйся, Эс Джей. Надеюсь, скоро ты почувствуешь себя лучше.

После того как мисс Хопкинс ушла, Амелия говорит:

— Это так интересно! У меня всегда только порезы и синяки или боли в животе. Однажды был мальчик, который превратил деревянную линейку в копье с помощью канцелярского ножа и отсек себе кончик большого пальца. Это было ужасно. А это моя первая серьезная аллергическая реакция.

Я прижимаю синий пакет к глазам. Ее первая аллергия? Это не то, на что я претендовала.

— Конечно, в школе есть дети с аллергией, но никто из них ко мне не обращался. Полагаю, мне

повезло. Это не значит, что никто из других сотрудников не имел счастья столкнуться с ними, речь только обо мне. Это мой первый раз.

Она думает, это счастье? Ведет себя так, будто я какая-то игрушка на заказ, доставленная экспресс-почтой с «Amazon», чтобы скрасить ее день. Могу представить, как сегодня за ужином эта Амелия с восторгом будет рассказывать семье: *«Никогда не поверите, что сегодня произошло! Ко мне в кабинет пришла девочка с таким распухшим лицом, будто ее три раунда колошматил Майк Тайсон! К счастью, я Мэри Поппинс Кингстонской школы, поэтому быстро дала ей чайную ложку сахара, чтобы проглотить лекарство. Через несколько минут — вуаля! Она была как новенькая!»*

— Я помню, нам на курсах говорили, что твоя иммунная система в этом случае перегружена. Она воспринимает всё, с чем сталкивается, как врага, с которым нужно бороться. Твое тело отправило на битву всех своих маленьких солдат. стакан ледяной воды может помочь. Принести тебе?

Я киваю. Не потому, что мне хочется воды. Я просто уже не могу выносить, как она меня рассматривает. Я уродина, уродина, уродина. Она красавица, красавица, красавица.

— Я вернусь через мгновение.

В медицинском кабинете на двери висит зеркало. Я встаю, чтобы посмотреть на себя, но, приблизившись к зеркалу, не могу этого сделать. Я отворачиваюсь и иду обратно к креслу.

В голове звучат слова Сэма: «*У нее что-то с лицом!*» Я слышу смех Рори. Представляю, как весь класс уставился на меня. Теперь Сэм меня видел. Мой покров полностью сорван. Я закрываю лицо руками и плачу.

Старая Я вернулась. Старая Я никуда не уходила. У Новой Меня не было и шанса.

ГЛАВА

Мама забирает меня из медицинского кабинета. Она не может записаться к врачу, потому что свободных мест нет до следующего вторника, поэтому звонит в отделение скорой помощи и предупреждает, что везет меня к ним. Она не дает мне антигистамин, считая, что доктор должен увидеть случившееся во всей красе. *В таком случае они отнесутся к нам серьезнее.* Полагаю, это и так очень серьезно, но мама говорит, что врачи непредсказуемы и разборчивы в зависимости от их загруженности. Она хочет, чтобы я стала для них приоритетом. Это значит, что я должна выглядеть самым худшим образом.

Иногда я не уверена, хочет ли она, чтобы я выглядела хорошо или плохо.

Дежурная медсестра встречает нас в фойе. Это сельская больница, и порядки здесь отличаются

от городских. Медсестра — высокая блондинка не-
много старше мамы. На ней синие брюки со стрел-
кой и голубая кофточка с темной жилеткой, а так-
же маленькие часики, приколотые вверх ногами.
Она щелкает шариковой ручкой. *Щелк. Щелк. Щелк.*
Щелк. Щелк. Щелк.

— Бог мой, это выглядит ужасно. — *Щелк. Щелк.*
«Ужасно». Это она о моем лице.

Медсестра берет меня за подбородок и изучает.

— Почему бы тебе не войти? Посмотрим, что
можно сделать.

Щелк. Щелк. Щелк. Щелк.

Она приводит нас в небольшую комнатку и пред-
лагает присесть. Бросает ручку на стол, измеряет
мое давление и пульс.

Мне хочется кричать. *У меня внутри всё в порядке!*
Неужели не видно, что кошмар творится снаружи?

Мама сейчас сама не своя. Она объясняет, что
произошло во время урока, всё больше возбуждаясь.

— А потом бах! Ее лицо распухло вот так!

Медсестра мне подмигивает.

— Может, просто дадим твоей маме успокаи-
тельное, а?

Мама складывает руки на груди.

— Когда придет доктор? — Она говорит это та-
ким надменным голосом, чтобы медсестра поняла,
что мама капитально разозлена.

— Доктор Альтамура сейчас занят другим пациентом. Это ненадолго. — Медсестра всё говорит спокойно, намного спокойнее мамы. — Я вернусь через минуту. Возьму тележку.

Как только медсестра уходит, мама взрывается:

— Нужно было отвезти тебя в аптеку, пусть бы тебя лечила Бетти Уиндлбэнк! Это было бы в десять раз быстрее! Это смешно! Подожди минуту... Может, у меня с собой есть крем.

Она начинает рыться в своей сумочке, выкладывая всякую всячину на кресло рядом с нами: косметику, рецепты, блокнот, кошелек, носок, который, судя по размеру, принадлежит одному из моих братьев.

Чиханье прекратилось, но нос теперь заложен. Кожа везде болит. Слова Рори звучат снова и снова. *«Она похожа на Человека-слона»*. Я видела фотографии Человека-слона в одной из маминых исторических книг. Он жил в Лондоне в конце девятнадцатого века, у него была ужасная деформация лица. Его показывали в шоу уродцев, и люди платили деньги, чтобы на него поглазеть. Это ужасно.

Над раковиной в коридоре висит зеркало. Я решаюсь на себя посмотреть. Ну правда, от себя не убежишь.

Взгляд в зеркало напомнил мне, от чего я прячусь. Мое лицо — надутый шар. Щеки опухшие и ярко-

красные. Кожа вокруг глаз выглядит так, словно ее надули филлером, я читала о таком в маминих журналах. Меня будто накачали велосипедным насосом. Ресниц не видно из-за наплыва блестящей распухшей кожи, лоб опухший и ярко-красный. Я вспоминаю историю Мали и Хайди про мальчика, которого ужалила пчела. Они тогда заявили, что он выглядел отвратительно. Если бы они увидели меня, сказали бы то же самое. Сэм меня видел. Забудьте об антигистаминном — дайте мне что-нибудь, чтобы меня не вырвало.

— Добрый день! Я доктор Альтамура. — Еще один доктор, еще один рассказ.

Мама берется за него, не растеряв энергию от всех предыдущих, упоминая все возможные причины, сделавшие ее дочь королевой шоу уродцев.

Я выключаюсь. Смотрю на это всё из другой части комнаты. Это не я. Этот доктор лечит *не меня*. Со мной всё в порядке. Я нормальная. Во мне нет ничего необычного. У меня всё прекрасно. Это всё закончится через минуту. Если я закрою глаза и помечтаю по-настоящему, оно испарится.

— Думаю, я дам вашей дочери кортизон *орально*, — предполагает доктор Альтамура. — Как долго она страдает от экземы?

— С детства.

— И вы говорите, что становится только хуже и появляются аллергические реакции, подобные нынешней?

— Да.

— Так, кортизон орально успокоит кожу и даст ей некоторую передышку. Вы понимаете, о чём я?

— Примерно.

— Как вы можете предположить, постоянный зуд изматывает. И это уже не говоря о других проблемах, вроде болезненных повреждений кожи. Нарушение сна и стресс очень утомляют, умственно и физически.

— Поверьте, доктор, — говорит мама, — это утомительно для *всех* окружающих.

Я бросаю на нее взгляд. *Серьезно?* Я знаю, что мама вымотана, но попробовала бы она побыть мной!

— Кортизон орально нужно применять в умеренных дозах и только в серьезных случаях. Полагаю, сейчас как раз такой случай. Его нельзя употреблять долго, так как тело производит натуральные стероиды. Вы понимаете?

— Да, понимаю, — говорит мама.

А как насчет меня? Мне не нужно отвечать? Почему они никогда не говорят напрямую со мной?

— Вы используете кортикостероиды для наружного применения? — спрашивает доктор Альтамура маму.

— Кремы? Да. Мы ежедневно наносим их на кожу.

— Ну вот, это как использовать крем, только орально. Я выпишу вам пятьдесят миллиграммов — половину утром, половину вечером — в течение двух недель. Прямо сейчас мы дадим вашей дочери фексофенадина гидрохлорид. Это антигистамин, который не вызывает сонливости, он должен помочь с аллергической реакцией. Думаю, вам стоит отвезти ее домой. Пусть примет ванну с парафиновым маслом, а потом нанесет крем.

— Хорошо. Спасибо, доктор. Я ценю вашу помощь.

— Ага. Огромное спасибо, — говорю я, складывая руки на груди и съезжая вниз в кресле.

Доктор Альтамура бросает на меня странный взгляд и уходит. Медсестра возвращается с тележкой. Она протягивает мне розовую продолговатую таблетку и зеленый пластиковый стакан с водой.

— Проглоти, — указывает сестра. — Совсем скоро тебе станет лучше.

Я хочу сказать ей, чтобы не тратила таблетки. Пусть лучше отвезут меня к ветеринару и усыпят, как собаку. Я дефективная. Я поломанная.

— А что с лицом? Оно теперь навсегда таким останется?

Медсестра кладет руки на мои щеки. Ей тоже плевать на перчатки.

— Твое лицо станет прекрасным в мгновение ока.
Прекрасным?

Оно далеко не прекрасно. Как сказал Рори Максфилд, я Человек-слон. А однажды мое тело будет как у мамы Ливви — и эта мысль пугает меня до смерти.

— Спасибо! — говорит мама, хватая меня за руку и таща за собой.

Дома мама готовит ванну. Льет парафиновое масло в воду и говорит, чтобы я представила, что нахожусь в спа. Она зажигает свечу и оставляет на раковине стакан грушевого сока.

Я закрываю дверь и раздеваюсь. Зеркало в ванной отражает меня лишь наполовину. У меня небольшая грудь, покрытая маленькими красными полосками от расчесываний; соски втянутые и потрескавшиеся. Живот — кошмарное зрелище: розовое полотно, исполосованное острым ножом. В моем автопортрете нет гармонии. Я обезумевший художник.

Я уродина.

Уродина, уродина, уродина.

Я забираюсь в ванну и лежу там в чуть теплой воде. Беру мочалку, скручиваю и кладу себе под голову. Зуд почти прекратился, но теперь меня сильно клонит в сон, хотя доктор и говорил, что антигистаминный препарат не должен вызывать сонливость.

Доктор Альтамура не определил, что спровоцировало сегодняшний приступ. Пестициды, укус пчелы, запах моего цветка — или какого-либо другого. Они просто не смогли понять.

Мне придется жить всю жизнь в неведении?

И хочу ли я жить, если вся жизнь будет такой?

ГЛАВА

Мама разрешает мне остаться дома на пару дней после *цветочной атаки*. Так она это называет. Будто гигантское хищное растение захватило меня своими челюстями. Как «День триффидов*» на стероидах — *кортикостероидах*. Мы могли бы продавать билеты и выпускать меня на сцену. Мама с папой сколотили бы состояние.

Два дня я провела за чтением, параллельно отмахиваясь от маминых ежечасных визитов с целью обмазать меня кремом, а потом наступили выходные. Ко мне должна была прийти Ливви, но отец ее не отпустил. Деталей она мне не рассказала, знаю

---

* «День триффидов» — научно-фантастический роман Джона Уиндема, вышедший в 1951 году. В книге рассказывается о том, как на планете появились триффиды — хищные подвижные растения, которые своим жалом могли поразить добычу на расстоянии нескольких метров. Триффиды вели настоящую охоту на людей.

только, что у них была страшная ссора. В результате первый день, когда я почувствовала себя лучше, официально накрылся. Приехал новый велосипед — папа заказал его на «eBay», — но это единственная радость моих выходных. Это и еще звонок бабушки.

— Эс Джей!

— Бабушка! Ты вернулась из Новой Зеландии! Тебе было весело?

— О да, дорогая! Это было великолепно. Но хватит обо мне. Скажи-ка, как у тебя дела? В новой школе есть классные мальчики?

Я хихикаю. Моя бабушка не как нормальные бабушки. Она крутая бабушка. Она называет себя самой крутой из тех, у кого стоит протез тазобедренного сустава.

— Есть один мальчик, который мне нравится. Его зовут Сэм.

— У вас одинаковые имена?

— Ага. Странно, да?

— Ничего странного. А ты ему нравишься?

— Может быть. Пожалуй. Я не уверена.

— Ладно, мой совет такой: чем меньше любишь, тем больше ценит.

— Это как?

— Будь мила, но не слишком дружелюбна.

— Ладно, бабуль. Буду иметь это в виду.

— Ну что, мои новости такие: я занялась йогой.

— Серьезно?

— Да! И это чистое волшебство. В кофейне один милый молодой человек раздавал флаеры. И послушай только! У него были самые упругие... бедра, которые ты только видела.

— Бабушка, ты смешная.

— Когда умирал твой дедушка, царство ему небесное, он сказал мне: «Иди и живи, Кэтлин! Живи за нас обоих!» Если я старая, это не значит, что я должна сидеть дома и вязать коврики. Никогда не позволяй никому диктовать тебе, как ты должна себя вести из-за возраста или внешности. Помни, то, что думают о тебе другие, не *твое* дело.

— Но люди говорят ужасные вещи, бабушка.

Я думаю о Рори Максфилде. Трудно на это не реагировать.

— Кто говорит гадости про мою маленькую девочку? Хочешь, я приеду и устрою им взбучку? У меня нет трости, но ради такого случая я одолжу ее у подружки.

Я смеюсь.

— Не надо, бабуль. Побереги силы для йоги.

— Ну ладно. Но не позволяй никому вытирать об тебя ноги, слышишь? Ты сильная и красивая, внутри и снаружи.

— Хорошо, бабушка. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, тыковка. Наслаждайся юностью. О, как бы я хотела, чтобы мне было снова тринадцать!

К понедельнику я лечилась кортизоном уже четыре дня. Произошло что-то невероятное. У меня перестало всё зудеть! Лицо кажется нормальным. Кожа не сухая, она выглядит увлажненной и здоровой. Я даже чувствую себя немного красоткой!

Я трачу чуть больше времени на укладку. Крашу губы маминой помадой и делаю это в одном бюстгальтере, чтобы любоваться своей кожей в зеркале. Если бы Сэм это увидел, ему бы понравилось — *точно*. Наношу немного маминой туши на ресницы, чтобы подчеркнуть глаза, хоть школьные правила и запрещают макияж. Мои волосы светлые и упругие, а с кожи головы не сыплется никаких хлопьев. Я трясусь шевелюрой из стороны в сторону, как девушки в рекламах шампуней.

Почему раньше мне никто не назначал такое лечение?

Я спрашиваю об этом маму, плюхаясь на стул в столовой и потягивая грушевый сок.

Мама упаковывает ланч-боксы.

— Не знаю, Эс Джей. Но это работает, правда? Я хочу поговорить с доктором и узнать, можно ли продлить это лечение.

— Правда? — Я визжу. — Спасибо, мам! Ты лучшая!

Мама удивленно смотрит на меня. Улыбается.

— Ну конечно, солнышко! Без проблем. Для этого и нужна мама.

Я завтракаю и смотрю телевизор. Там идет старая черно-белая комедия. Какой-то парень без остановки чихает из-за кошки. У него слезятся глаза и капает из носа. Шутки летят стремительно, одна за другой. Аудитория смеется до колик. Я начинаю вскипать. Зачем высмеивать человека с аллергией?

Я переключаю канал. Женщина продает средства по уходу за кожей. Она показывает на лицо модели, проводя пальцем с маникюром вдоль шеи, указывая на то место, где морщины. Затем она наносит на них густой белый крем и через минуту стирает. Лицо модели едва ли изменилось, но она сидит и улыбается на камеру, пока ведущий рассказывает о том, как «невероятно» она теперь выглядит. Закадровый голос говорит что-то вроде: *«Темные линии. Пятна. Несовершенства»*. А ведущая говорит: *«Убираем, убираем, убираем!»* Я злюсь еще больше. У этой женщины нечего убирать! Если бы она увидела мою кожу, то поняла бы, что такое несовершенства!

Прежде чем выйти в школу, я в последний раз захожу в ванную, чтобы посмотреться в зеркало. Я приподнимаю кофточку, чтобы убедиться, что я не сплю.

Я действительно выгляжу так, как эти девушки в женских журналах. Я хотела бы, чтобы Сэм это увидел до того, как всё исчезнет. Правда, этому вряд ли суждено случиться. Я имею в виду, что не могу пойти в школу голышом. Думаю, директору это не понравится. Не говоря уже о моем отце. Но все-таки было бы здорово, если бы Сэм увидел мою чистую кожу, пока она такая.

В школе все выстроились перед кабинетом, ожидая звонка. Я нахожу Ливви с пачкой книг в руках в конце очереди. Она выглядит радостной.

— Ого! Только посмотри на себя!

Я отбрасываю волосы и запускаю в них пальцы, вороша внутри. Удивительно: когда хорошо выглядишь, так замечательно себя чувствуешь!

— Ты выглядишь по-другому, — говорит Ливви. — Что-то изменилось?

— А, это просто новый шампунь.

Я не хочу казаться самодовольной — хотя прямо сейчас я *полностью* довольна собой! Даже не помню, чтобы когда-либо так себе нравилась.

Ливви проводит рукой по моим волосам.

— Ого, Эс Джей. Я тоже такой хочу. Как он называется?

— Не помню название. Мама купила. Посмотрю на этикетке и скажу тебе.

— Здорово. Эй, я должна была напомнить тебе, что сегодня вечером предсезонная тренировка по нетболу. Ты идешь? Мы пропустили последнюю.

Легко принимать решение, когда не приходится думать о коже или о том, что надеть, чтобы ее прикрыть.

— Конечно, иду!

— Отлично! — Она сжимает книги и покачивается из стороны в сторону. — Так ты не хочешь рассказать мне, что случилось?

— М-м-м?

— Ну, на уроке биологии.

Я пожимаю плечами.

— А, *это*. Оказалось, что у меня аллергия на гвоздики. Странно, да?

Я не чувствую себя виноватой, что говорю так. Это отчасти правда. У многих людей на что-то аллергия.

Ливви покупается.

— Отстой. Я бы сильно перепугалась, если бы такое случилось со мной.

— Ничего страшного. Правда, я в порядке.

Она подталкивает меня.

— Эй, посмотри туда! Видишь? Сэм на тебя смотрит.

Сэм стоит впереди.

— Привет, Эс Джей! — кричит он. — Ты в порядке?

Поверить не могу, что он до сих пор со мной разговаривает. Он не считает меня мерзкой?

— Ага! — отзывается я. — Намного лучше.

Сэм мне салютует и возвращается к болтовне с приятелями.

Ливви прыскает в кулак.

— Ты ему *та-а-а-а-ак* нравишься.

— Нет.

— Очень нравишься.

У меня внутри всё ликует. Я не помню, чтобы чувствовала себя такой счастливой, — с о-о-очень давних пор.

— Что скажет Роджер, если узнает? — спрашивает Ливви.

Я почти выпаливаю: «*Кто?*» — но потом вспоминаю. Я ужасно себя чувствую из-за лжи и решаю с этим покончить.

— Какое мне дело? Я его бросила.

— Бросила?

— Да, жить в разных городах и вправду сложно.

Ливви улыбается:

— Плюс здесь есть по-настоящему крутой парень по имени Сэм.

— Я же сказала, *хватит!*

Но я смеюсь.

— Кстати, — говорит Ливви, — прости, что не смогла прийти к тебе на выходных.

— Что случилось? Почему папа тебя не отпустил?

Она закатывает глаза.

— Я не выполнила свою работу по дому. Иногда, знаешь, я очень устаю, школа и всё остальное. Дел много. Тяжело, когда мама болеет.

Моя подруга впервые заговорила о матери. Интересно, она расскажет мне о ее проблемах с кожей?

Ливви оглядывается и понижает голос:

— Когда мне было восемь, мама повредила спину. Она стояла на лестнице, протирала карниз. Мама упала, и никого не оказалось рядом, чтобы помочь. Папа был в море, а я в школе. Даже соседи не услышали, как она звала на помощь. Мы не знали об этом несколько часов. И всё это время мама пролежала на спине.

Может падение вызвать экзему? Я упала с горки, когда была маленькой, и ударилась копчиком. Я поэтому больна?

— А что у нее с кожей? — спрашиваю я.

Ливви смотрит на меня непонимающе.

— А! Ты про язвы?

— Я про экзему.

Она машет головой.

— У мамы язвы, не экзема. Ее кровь не циркулирует так, как нужно. Поэтому кожа пересыхает. Когда она трескается, появляются язвы. Нам нужно наносить на них крем. Иногда она надевает

компрессионный бандаж, чтобы кровь поднималась к сердцу.

— Язвы?

— Да. Мама такая большая, и крови требуется преодолеть долгий путь, чтобы залечить раны. Она не всегда добирается куда нужно. Во всяком случае, так говорят врачи. Нам нужно массировать ей ноги.

Я не могу поверить. У нее нет экземы?

— Твоя мама кажется очень приятным человеком, — говорю я, и это правда. Ее мама *действительно* милая. — А ты очень здорово поддерживаешь дом в чистоте. Когда я заходила, он выглядел потрясающе. Папа должен был отпустить тебя.

Ливви просияла.

— Спасибо, Эс Джей. Я очень стараюсь. Прости еще раз, что не смогла прийти.

— Не страшно. Скоро ведь эта «Дискотека синих огоньков»*, так?

— Ага. Мне нужно придумать, что надеть. Мне кажется...

— Привет, Эс Джей! — перебивает Сэм. — Что ты сделала с волосами?

---

* В названии содержится намек на синие мигалки полиции. В Австралии — дискотека, устраиваемая полицией в небольших городках для укрепления связей между жителями и для пропаганды здорового образа жизни без наркотиков и алкоголя. (Примеч. ред.)

Вместо ответа я отбрасываю их за плечи. Ливви подталкивает меня, и мы опять начинаем хихикать. Я обожаю это новое лекарство. Кортизон — волшебная таблетка. Я чувствую себя так уверенно. Я могу быть кем хочу.

А что, если после всех этих происшествий моя новая жизнь в новом городе и *правда* становится другой?

Поле для нетбола рядом с футбольным. Несколько парней, в том числе Сэм, бегают по футбольному полю в своей форме, наблюдая за девочками. Большинство девочек выстроились у проволочной сетки и наблюдают за мальчиками. На самом деле сложно понять, кто за кем наблюдает.

На мне юбка для нетбола без спортивных штанов и джемпер поверх футболки поло. Я пришла домой после школы, побрила ноги и нанесла бронзатор-увлажнитель, чтобы они выглядели более загорелыми. Я потратила некоторое время, пробуя разные средства из маминого шкафчика. Это было очень весело. Мама вошла, увидела, чем я занимаюсь, и присоединилась. Думаю, ей тоже понравилось. Она сказала, что всегда мечтала краситься вместе с дочкой. Теперь мы можем.

Звучит свисток.

— Девочки! На поле, живо!

Я задираю джемпер, чтобы снять, но поднимается не только он — футболка оказывается в районе ушей! Вокруг раздаются гиканье и свист. Ливви хватает мою футболку и тянет вниз, пока я стаскиваю джемпер.

Ливви лопається от смеха.

— Прежде чем ты спросишь — да, они всё видели.

Вся футбольная команда в восторге. Сэм тоже здесь, руки на бедрах, улыбается. В обычной ситуации я должна была бы умереть от ужаса, но вместо этого я ликую. Все эти выкрики значат, что я хорошо выгляжу, так ведь?

Я надеваю майку защитника* и выбегаю на поле, испытывая восторг. Если бы такое случилось неделю назад, мальчики бы поперхнулись водой из своих бутылок. А сейчас... сейчас они считают, что я выгляжу хорошо!

После трех четвертей** меня даже не охватывает жар от бега. Обычно я становлюсь красная как рак, потею, и на руках и ногах появляется колючая красная сыпь, но сегодня ничего этого нет. У меня

---

* Каждый игрок в нетбол выполняет в игре определенную функцию или роль: снайпер, нападающий, фланговый нападающий, центральный игрок, фланговый защитник, вратарь. Эта роль обозначена большими буквами у него на форме, и ей соответствует отдельная зона игрового поля. (Примеч. ред.)

** Игра в нетбол разделена на четверти по пятнадцать минут.

даже ничего не зудит. После конца четвертой четверти я готова продолжать. У меня столько энергии, что я не знаю, что с ней делать. Я начинаю задумываться — а что, если это и значит быть здоровой? Не чувствовать себя постоянно полусонной от приема антигистаминных препаратов? Если бы у меня не было этого заболевания, ощущала бы я себя так *всё* время? Если да, то здоровые люди просто не представляют, как им повезло. Быть здоровым — это дар.

После игры мальчики собираются у проволочной сетки, наблюдая, как мы складываем свое снаряжение. Некоторые девочки поливают себя водой из бутылок, пока пьют, и футболки начинают просвечивать. Опять поднимается свист. Эти парни такие жалкие. И предсказуемые.

— Эй, Эс Джей! — зовет Сэм.

Я медленно подхожу к ограждению. Я как Кирстен Данст в «Добейся успеха*». Мама не знает, что я видела этот фильм. Однажды ночью я прокралась из своей комнаты в гостиную и смотрела его без звука.

— Да, Сэм? — отвечаю я.

— Через несколько недель дискотека. Ты идешь?

Я пожимаю плечами.

— Наверное.

---

* «Добейся успеха» — американский кинофильм 2000 года о чирлидинге с Кирстен Данст в главной роли.

— Круто.

— Круто.

Он уходит, нагоняя свою команду. Друзья похлопывают его по плечу, смеясь и оглядываясь на меня.

Ливви визжит.

— Он только что пригласил тебя на свидание?

Мы прыгаем по кругу, держась за руки. Мали и Хайди стоят позади и смотрят на нас как на парочку сумасшедших. Мне плевать. Я действительно нравлюсь Сэму!

Когда мама приезжает меня забирать, я запрыгиваю в машину с переворотом.

— Bay. Bay. Bay.

— Ну, у кого-то отличное настроение!

— Мы выиграли.

Хотя на самом деле я выиграла вечер с Сэмом.

Мама меня поздравляет. Потом рассказывает о том, чем занималась по дому. Я отключаюсь, представляя, что надена на вечеринку. Я собираюсь продемонстрировать так много кожи, как только возможно. Это будет очень круто. Я стану одной из тех девчонок, о которых говорил старик у аптеки. Покажу всё, что только можно показать. Мне плевать.

Наконец-то я узнаю, каково чувствовать себя красивой — как нормальная девушка.

ГЛАВА

12

— Что значит «я должна перестать принимать таблетки»?

Мы с папой у врача вечером во вторник, примерно через полторы недели после того, как Сэм пригласил меня на дискотеку. Мама не смогла пойти, потому что Роун слег с простудой. Она сказала, что если не один ребенок, так другой. Мама не знает, чем заслужила это в своей прошлой жизни.

Доктор Чарльзуорт недовольна тем, что доктор Альтамура прописал кортизон орально. Она говорит, что двух недель достаточно и я должна перестать принимать лекарство.

— Прием кортизона в течение длительного времени вызывает серьезные побочные эффекты. Быстрый набор веса, задержка жидкости, может развиваться также синдром Кушинга, когда лицо становится

круглым — лунным лицом, — и так далее. В долгосрочной перспективе могут выпадать волосы.

Я хочу ее ударить. Хочу взять ее блокнот с рецептурными бланками и настучать по голове. Она не знает, о чём говорит. Не понимает главного. Как я могу набрать вес, если ем только баранину и груши? Она сумасшедшая?

— Я хочу поговорить с доктором Альтамурой. Он мне помог! Так хорошо я не выглядела много лет!

Я скрещиваю руки на груди и дуюсь, как пятилетний ребенок. Мне плевать, что я выгляжу глупо. Она крадет мое счастье. Я ее ненавижу!

— Мне жаль, что тебе трудно принять это, Саманта, — говорит доктор Чарльзуорт, но сочувствия в ее голосе не отыскать. — Ты страдаешь экземой много лет. Высокая степень терпимости и механизмы приспособления помогут тебе снова пройти через это. Ты должна понимать, что в таких серьезных случаях, как твой, опасные события могут развиваться стремительно. И речь здесь идет не о твоей внешности, а о твоей безопасности.

Возможно, она права, но сейчас я не хочу ее слышать.

— Нет!

Горячие слезы бегут по лицу. Я поворачиваюсь к папе.

— Пап? Пожалуйста... нет!

Папа закрывает лицо руками. Он бормочет:

— Вы можете ей прописать что-то другое, доктор?

— Она придерживается исключаяющей диеты еще недостаточно долго. Если мы продолжим лечение кортизоном, он сгладит все эффекты такого питания. Лучше следовать долгосрочному плану.

Долгосрочному плану? Мне не нужны никакие долгосрочные планы! Я хочу, чтобы это закончилось *прямо сейчас*. Просто вылечите меня! Поторопитесь и вылечите меня! Что не так с этими глупыми врачами? Они учатся в медицинских школах и всё равно ничего не знают. Университеты их ничему не научили?

— Прошу прощения, мистер Бэклер, я опаздываю к другому пациенту. — Доктор Чарльзуорт подводит итог. — Я хочу, чтобы вы пока сократили прием препарата до половинки в день, а потом мы уберем его совсем. Это понятно? Жду вас через две недели.

В машине я реву без остановки. Папа даже не пытается меня остановить. Он не говорит глупости типа «не надо волноваться», «мы найдем другое лечение», как это обычно делает мама. Он едет кружным путем, поэтому мы можем поговорить.

— Почему они не в состоянии создать таблетки без побочных эффектов? — говорю я сквозь рыдания. Из носа беспрерывно течет. — Я не понимаю!

— Медицина — странный бизнес, солнышко. Ученые должны пройти массу процедур. Им необхо-

димо провести исследования, потом двойные слепые исследования*. На то, чтобы появилось новое лекарство, могут уйти годы.

— Но это глупо! Разве они не знают, как страдают люди?

— Они это делают из благих побуждений, Эс Джей. Если разрешить продавать лекарство без необходимых исследований, оно может кого-то убить.

— А как же китайцы?

— Китайцы?

— Да! Они не потрудились опубликовать свои находки на рисовой бумаге и отправить это на утверждение династии Мин!** Они просто нашли растения, которые помогают, и стали их использовать!

Папа старается, но никак не может скрыть улыбку.

— Китайские лекарства адаптировались и эволюционировали в течение тысяч лет.

— Ну, если что-то работает, я бы сказала просто: «Используйте». Это всё, что нужно знать.

— Мне жаль, дорогая. Если бы я мог чем-то тебе помочь, ты же знаешь, что я сразу бы сделал это.

---

* Двойные слепые исследования — испытания, в котором ни исследователь, ни испытуемый не знают, какое именно лекарство ему назначено. Этот метод позволяет избежать предвзятости и субъективизма в оценке результатов лечения.

** Династия Мин правила Китаем с 1368 по 1644 годы.

Папа гладит меня по щеке. Вытирает мои слезы. А потом объезжает квартал по кругу еще несколько раз, чтобы я могла вдоволь поплакать.

Дома я прохожу мимо мамы и братьев и направляюсь напрямиком в туалет. Я снимаю штаны, сажусь и плачу. Плачу до тех пор, пока не кончаются слезы.

Я уже собираюсь вставать и бросаю взгляд вниз. На трусиках что-то коричневое. *«Боже! Что со мной? Это из-за лекарств?»*

Я схожу с ума. *«Боже мой. Боже мой!»*

— Мам! — кричу я. — Мам!

Мама оказывается у двери через секунду.

— Солнышко? Ты в порядке?

Я приоткрываю дверь на пару сантиметров.

— У меня на трусах что-то коричневое.

Мама ахает, прикрывая рот рукой.

— Вернусь через минуту.

Я сижу, с ужасом вспоминая то, что папа говорил о клинических испытаниях и лекарствах с побочными эффектами. Я умираю. Мои внутренности сгнили. Они выливаются из меня. Точно, я почти мертвец. Я как тот старик у аптеки, мешок с костями, одна нога в могиле.

Мама возвращается и сует мне в руку что-то маленькое в пластиковой упаковке. Это прокладка. Она также протягивает мне чистые трусики.

— Но почему они коричневые? — Слезы опять катятся у меня по лицу. У меня даже кровь неправильного цвета!

— Это старая кровь. Старая кровь не ярко-красная, а коричневая, — шепчет мама. — Видишь? Я говорила тебе, что в тринадцать у меня началась менструация. Тринадцать — это возраст, когда всё меняется. Быть может, теперь твоя кожа станет лучше? Это всё гормоны. У подростков от избытка гормонов появляются прыщи. Быть может, гормоны сделают твою кожу более увлажненной, маслянистой или что-то подобное? Надежда еще есть, Сэм. Никогда не теряй надежду.

Я закрываю дверь и рву упаковку. Кидаю белый пластиковый конвертик в маленькую мусорку за унитазом и снимаю бумагу с задней части прокладки. Приклеиваю ее к чистым трусикам и натягиваю их. Пока иду к ванне, возникает ощущение, будто у меня между ногами кирпич.

Я беру таз, кидаю туда свои испачканные трусы, наполняю его холодной водой и добавляю немного отбеливателя. Если меня чему и научила моя кожная болезнь, то только тому, что пятна с одежды можно удалить с помощью холодной воды и отбеливателя.

Какой еще тринадцатилетний подросток это знает?

ГЛАВА

Мама говорит, что я могу пойти одна на дискотеку в футбольный клуб на два часа, если приду на парковку ровно в девять тридцать, чтобы меня забрали. Ровно. В девять. Тридцать. После этого она отправляет поисковый отряд. И если я ценю чувство собственного достоинства, то буду ее ждать. Полагаю, лучше не испытывать судьбу. Мне нужно сохранить то небольшое количество достоинства, что у меня осталось.

— Хорошо, — говорю я. — Я обещаю. Буду вовремя.

Будто у меня есть выбор.

Я надеваю джинсовую мини-юбку и красную майку, чтобы показать свою чистую кожу. Сверху надеваю кофточку, чтобы папу не хватил удар от моего вида. Я перестала принимать кортизон, но прошло только три дня. Кожа начала немного зудеть,

но я заставляю себя не обращать на это внимание. Почти сразу небольшая область на спине и внешняя сторона груди стали сухими. Я не знаю, что с этим делать, кроме как таскаться с гигантской упаковкой сорболинового крема в сумке. Кроме того, мне пришлось взять с собой еще и гигиенические принадлежности. Места и так немного.

Я не сидела на ковре с тех пор, как мне сказали, что нельзя. Я стала донимать маму вопросами, будет ли она стирать мое стеганое одеяло. Мысль о том, что оно может быть грязным и потому вредить мне, не перестает крутиться в моем мозгу.

Когда мама заправляет мою постель, она скидывает подушки на пол, чтобы можно было натянуть простыню. Как по мне, так это полностью уничтожает запрет на сидение на ковре, потому что пылевые клещи могут запрыгивать на наволочки. Поэтому когда я ложусь спать, то беру подушку, несую через всю комнату и выбиваю, чтобы вытрясти из нее всю пыль. От подушки отлетают крошечные хлопья кожи, подсвеченные светом лампы у кровати. Всё это занимает вечность. Когда я добираюсь до постели, то абсолютно вымотана. Но мой мозг не отдыхает. Мысли о том, что может случиться с моим телом, не оставляют меня. Я вспоминаю изображение пылевого клеща и представляю, как по мне ползут целые полчища. Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

Ливви заходит за мной домой. Мама удивляет меня, разрешив нам идти одним на дискотеку.

— Какой смысл жить в небольшом городке, если ты не разрешаешь детям гулять или ездить на велосипеде одним, так ведь?

Полагаю, это значит, что она перестала волноваться о том, что кто-то сварит из меня суп. Ливви говорит ей, что все преступники живут в Аделаиде, поэтому мы в безопасности. Когда мы отходим от дома на несколько кварталов, я снимаю кофточку и завязываю ее на поясе. Поддергиваю майку и завязываю спереди узлом, чтобы продемонстрировать стразы вокруг пупка. Расстегиваю пару пуговиц, чтобы образовалось декольте. Что ж, у меня абрикосы. Я была бы рада и апельсинам — не обязательно же сразу арбузы.

На Ливви мужская белая рубашка и черные леггинсы. Мы прячемся за эвкалиптом, и она снимает леггинсы и кладет их в рюкзак. Она достает широкий черный ремень и застегивает его на талии, превращая рубашку в платье. У нее обалденные ноги. Я кладу кофточку в сумку, и мы оставляем вещи под навесом, не заходя внутрь.

— Ой, — говорю я, останавливаясь, — может быть, все-таки стоит взять сумки.

— Почему?

— У меня месячные. — Теперь я тоже гордо об этом говорю. Пусть Ливви знает, что я совсем как она.

— Там в туалете есть автоматы с гигиеническими принадлежностями, — говорит Ливви так, будто я должна об этом знать.

— А, ну хорошо.

— Тебе будет нормально?

— Да, всё отлично.

Я никогда не обращала внимания на такие автоматы. Думаю, пора привыкать.

Когда мы доходим до дискотеки, она уже в разгаре. Подростки прыгают в толпе на танцполе, стегая кнутом невидимых лошадей. Учителя с пластиковыми стаканчиками толпятся вместе в углу, показывая на учеников и хохоча над их сомнительными танцевальными движениями. Мигают огни. Грохочет паркетный пол. На экране сменяются фотографии: спортивные соревнования и другие события старшей школы в случайном порядке. На одной я узнаю папу, который проводит экскурсию. На нем ужасная широкополая шляпа и шорты-сафари. Я умираю со стыда, когда это вижу, и надеюсь, что никто на это не обращает всерьез внимания.

Мы находим на танцполе Мали и Хайди со стаканами лимонада в руках, покачивающихся из стороны в сторону с подобающим скучающим видом. Они хорошо одеты: простые юбки и топы. И они

не демонстрируют так много кожи, как я и Ливви. Думаю, их должны забрать отцы.

— Когда тебе нужно быть дома? — спрашивает Хайди, отбрасывая за плечи свои белокурые волосы. Она осматривает переполненное помещение со сморщенным носом, будто чувствует неприятный запах.

— В девять тридцать.

Она поднимает брови.

— Мали нужно уходить в восемь тридцать.

Мали вздыхает.

— Мама переживает, что на меня упадет какой-нибудь футболист.

— Так уже было?

Она пожимает плечами.

— Один или два раза.

— Мне нравится твой наряд, Эс Джей, — говорит Хайди. — Мне мама никогда бы не разрешила так одеться. Должно быть, твоя мама довольно спокойная.

Если бы она только знала.

— Спасибо, — говорю я.

Я бросаю взгляд на свое плечо. Замечаю красное пятнышко размером не больше двадцатицентовой монеты. О нет. Это моя экзема.

— Это засос? — спрашивает Хайди с неподдельным интересом. Она подходит ближе. — От кого у тебя засос?

— Это от Сэма? — присвистывает Мали. — Я слышала, ты ему нравишься.

Я ничего не отвечаю. Они уже всё придумали — зачем мне их переубеждать? Засос лучше, чем экзема. К тому же разве это не то, о чём говорила бабушка? *Не твое дело, что думают о тебе другие.*

Ливви спрашивает, не хочу ли я лимонада. Мы отправляемся в бар.

— Ты не говорила, что уже с Сэмом.

Ее голос звучит расстроено, будто я что-то от нее скрываю.

— Это не от Сэма.

Она удивляется.

— От кого-то другого?

— Два лимонада, пожалуйста.

Я кладу пятидолларовую купюру на стойку, чувствуя себя круто, будто я взрослая или типа того. Бармен бросает нам в стаканы лед.

— Кто оставил тебе засос? — спрашивает Ливви.

Пока я мучаюсь с ответом, меня спасает чей-то окрик:

— Эй, Эс Джей!

Я поворачиваюсь. Это Сэм. Он у пульта диджея с друзьями.

Мы забираем напитки и идем туда.

— Хочешь потанцевать? — спрашивает он.

Не думала, что мальчишки любят танцевать.

Он берет мой стакан и ставит на столик неподалеку. Хватает меня за руку и ведет на танцпол. Его друзья даже не подшучивают над ним. Просто смотрят со странным восхищением, будто он какой-то герой.

Как, едва приехав в город, я заполучила такого парня?

Когда вокруг гаснет свет, а другие девочки остаются где-то в углу, мы с Сэмом оказываемся в центре, покачиваясь из стороны в сторону. Диджей ставит медленный танец. Сэм тут же придвигается ближе. От него вкусно пахнет — мылом, — и наши носы сталкиваются.

А потом... он почти меня целует. В последний момент он теряется и вместо этого кладет руку сзади мне на голову, мягко склоняя ее к своему плечу. Я чувствую его руки на спине. Они теплые, как у доктора Трэвиса, только намного приятнее. Мою кожу охватывает странный, не знакомый мне ранее жар — он совершенно не похож на тот мучительный, который я обычно испытываю.

Я качаюсь в его руках и хочу, чтобы этот момент длился вечно. А потом я начинаю злиться. Если бы я не приняла то лекарство, то так бы и не узнала, какой прекрасной может быть жизнь. Я бы не знала, как это — быть нормальной. Но теперь я испытала краткие моменты здоровья и хочу еще. Как я могу вернуться?!

Это всё — большой обман. Сэм не знает, что всё это ненастоящее.

То, что он держит в руках, — ложь. Огромная ложь.

Я поднимаю голову и смотрю на его губы. Если бы это была сказка, а он был моим принцем, его поцелуй заставил бы мою отравленную кожу исчезнуть. Но его поцелуй не сможет это сделать. Жизнь — не сказка.

— Мне нужно идти, — шепчу я.

— Эс Джей?

Я отстраняюсь от него. Бегу к двери и не оборачиваюсь. Уголком глаза замечаю, что Ливви выходит из туалета. Она меня не видит. А я не останавливаюсь. Даже из-за нее.

Я прячусь за навесом, где мы оставили сумки. Надеваю обычную одежду. Почти сразу подъезжает мамина машина.

— Как всё прошло?

— Скучно.

— Правда? Жаль.

Она спрашивает почему, но я не утруждаю себя ответом. Мама включает радио и подпевает песням.

Я прислоняюсь к стеклу и глотаю слезы весь путь до дома.

ГЛАВА

Две недели спустя я снова вернулась к таблеткам кортизона. Моя кожа горела так сильно, что ничто не могло ее успокоить. Когда мы приехали в больницу поздно вечером, дежурил доктор Альтамура. Мама была в отчаянии. Я была в отчаянии — я не могла перестать плакать. Боль казалась невыносимой. Я сказала им, что хочу умереть. Я слетела с катушек, бросалась журналами и медицинскими брошюрами в стену. Вопила, умоляя их сделать что-нибудь. Да что угодно! Мама тоже умоляла. Пусть это будет любое средство, только бы унять мою боль. Вот тогда доктор Альтамура и предложил более длительный курс кортизона. Несмотря на побочные эффекты, мама согласилась — всем причастным нужна была передышка, не только мне. Пока доктор Альтамура ходил на пост медсестры, чтобы передать

назначения, мама сказала мне, что предпочитает его подход. Доктор Чарльзуорт, скорее всего, будет недовольна, но ей придется с этим смириться. В конце концов, это мое тело и мой выбор.

Мое тело, мой выбор.

Странные слова, странная мысль.

Я *никогда* не считала свое тело своим. Мое тело принадлежит врачам. Мое тело принадлежит маме. Мое тело принадлежит этой болезни. И совершенно определено оно не принадлежит мне.

Принимать таблетки означало обрести месяцы красивой чистой кожи. Месяцы нормальности. Тогда, в момент отчаяния, возможность пару месяцев жить нормальной жизнью казалась вечностью.

Поэтому я стала опять принимать кортизон.

Позже я извинилась перед Ливви за то, что сбежала с дискотеки без нее. Она знала, что у меня месячные, поэтому я сочинила историю о том, что у меня протекло и я запаниковала от смущения. Это оказалось хорошее объяснение. Такое случается со многими девочками. Ливви была доброй и понимающей. Она сказала мне, что поступила бы так же. *Особенно* если бы это произошло в присутствии мальчика. Из-за ее доброты я чувствовала себя ужасно. Мне казалось, что я только и делаю, что вру ей. Ложь стала моим основным занятием.

Ливви спросила, как Сэм воспринял то, что я от него убежала. Я сказала, что не знаю. Эта часть *была* правдой. Я не говорила с ним в школе, я активно его избегала, а если он оказывался поблизости, я разворачивалась и уходила до того, как он успевал что-либо сказать.

Спустя месяцы я в некотором смысле перестала думать о Сэме. Или, возможно, я вытеснила его из своего сознания. Переживания о том, что чувствует Сэм, наложились поверх переживаний о том, что чувствую я, и превратились в дополнительное бремя. Во мне не осталось места для самого Сэма. Я устала. Не физически — таблетки делали свое дело, но в сердце. Я устала эмоционально.

Сначала после возвращения к лечению всё было хорошо. Как и прежде, кожа очистилась почти мгновенно, и мне стало казаться, что у меня прибавилось энергии. Я хорошо спала и вставала отдохнувшей. Могла сосредоточиваться в школе без раздражения или нервов. У меня отросли ногти, перестав ломаться от постоянных почесываний. Я красила их в красивые цвета, и лак не скалывался. Я перестала продумывать, как нужно одеться, чтобы были видны только определенные участки кожи. Я просто одевалась и выходила. Казалось, мой мозг вздохнул с облегчением. Внезапно у меня появилась возможность подумать о чём-то еще.

Маме не приходилось стирать мою одежду так часто, как раньше, поскольку пятна крови и масляные пятна от крема больше не доставляли проблем. Она была этим очень довольна. Мама использовала то же слово, что и врачи: *передышка*. Лечение дало мне передышку, оно дало передышку и ей. Меньше визитов к врачам, меньше трат, меньше лекарств, меньше работы по дому. Плюсы, плюсы, плюсы для всех.

Однако спустя несколько месяцев я постепенно начала набирать вес. Врачи называли это задержкой жидкости. Не о чем беспокоиться. Как только я перестану принимать лекарства, всё пройдет.

Поначалу набор веса был незначительным. Папа говорил, это *трудно заметить*. Мы все набираем пару килограммов за зиму. Кроме того, несмотря на то что я по-прежнему находилась на исключаящей диете, я превращалась из девочки в женщину, поэтому появление большего количества плоти было ожидаемо.

Мама спрятала напольные весы. Она соврала, что Роун прыгнул на них и они сломались, поэтому их пришлось выбросить. Но однажды я увидела весы в ее гардеробной, когда мама взвешивалась. Я ее заметила, а она меня нет.

Ливви никогда ничего не говорила о моем весе. Интересно, это из-за того, что у нее такая большая

мама и она не думает о весе, когда смотрит на людей? В чём бы ни заключалась причина, я была благодарна Ливви. Потому что дни шли, а мой вес всё рос, рос и рос.

Иногда я замечала, что дети смотрят на меня как-то странно — не просто с любопытством, а словно это было нечто непонятное, то, на что просто так не покажешь пальцем. Всё происходило слишком постепенно, чтобы казаться важным. Это напомнило мне один урок географии. Мы тогда говорили о глобальном потеплении и о том, как Земля постепенно нагревается. По большей части люди этого почти не замечают. Не происходит ничего катастрофического. *Пока.*

Мои оценки улучшились. Я помню, как злилась на мисс Томас раньше, думая, что она решила, будто у меня экзема в мозгу. Но, вероятно, я не понимала, как мне мешает мое состояние. Возможность сфокусироваться, не отвлекаясь каждую минуту на то, чтобы почесаться, справиться с жаром или болью, будто дала моему мозгу место для развития. Я обнаружила, что ныряю в книгу за книгой, читая до самого утра. Антигистаминные средства, вызывавшие сонливость, переместились в дальние ряды аптечного шкафчика, как и мои кремы. Теперь, открывая шкафчик, я видела лейкопластырь и жаропонижающее,

леденцы для горла и антибактериальные салфетки. Как в любой обычной аптечке. И взгляд на это внушал мне спокойствие.

Но *спокойствие* длилось не вечно. Затишье перед бурей, вот что это было.

Я слышала, что рассказывали про затишье местные моряки. Сейчас у них моторные лодки на дизеле, но задолго до того они ходили под парусом и полагались на силу ветра. Когда всё было спокойно, паруса падали и корабль словно застывал на месте. Он дрейфовал почти без движения, предоставленный безветренному небу и океанским течениям.

Для меня спокойствие скоро должно было закончиться.

ГЛАВА

У меня лунообразное лицо.

То, о чём предупреждала доктор Чарльзуорт, случилось.

Я выгляжу как мультяшный персонаж. Смайлик. Улыбающееся человеческое лицо, правда, я не улыбаюсь. У меня развился синдром Кушинга, как называют это врачи. Круглые и пухлые щеки, голова выглядит как шар. Я похожа на маму Ливви, только у меня всё наоборот: чужеродная голова не соответствует телу.

Мама ведет меня в спортивный магазин, где вместе со спортивной продается обычная одежда. Мне нужны новые джинсы.

— Ничего страшного, Эс Джей. Ты растешь. Тебе в любом случае требуется новая одежда, — говорит она.

Мама не упоминает, что вширь я тоже расту. А я действительно расту вширь — я это вижу в зеркале. Кортизон приводит к набору веса. Неужели она думала, будто я не замечу, как перепрыгнула от десятого размера к четырнадцатому?*

Каждый вечер за ужином мама смотрит на меня через стол с одним и тем же озабоченным лицом. Я перехватываю ее взгляд, и она притворяется, что устала на что-то позади меня, будто на стене появилось нечто интересное. Затем она улыбается мне сжатыми губами и продолжает ужин. Я слышу, как тикают ее беспокойные часы. Они тикают всё громче и громче, *так* громко, что это уже стучит у меня в мозгу. *Тик-так. Тик-так.* Она постоянно спорит с папой. Это касается моего лечения.

— Чего ты от меня хочешь, Дэйв? — говорит мама однажды вечером, моя посуда. Она уже раздражена из-за того, что забыла вовремя включить посудомоечную машину. Теперь та переполнена, а ей *еще* нужно гладить. — Слишком много отвлекающих факторов.

Папа вытирает тарелки и ставит их на место.

---

* Десятый австралийский размер соответствует российскому сорoku четвертому, четырнадцатый — сорoku восьмому.

— Посмотри на нее, Кэрри! Эти таблетки меняют ее внешность. Ты разве не видишь? Мы заменили одну проблему другой.

Я вхожу в гостиную с тетрадками. Они думают, что я их не слышу. Думают, что раз у меня наушники и я что-то напеваю, значит, я слушаю Spotify. Родительская ошибка № 101. *Никогда не доверяйте подростку с наушниками.*

— И что теперь, Дэйв? — шипит мама. — Что ты предлагаешь? Ей нужно прожить всю жизнь в мучительной боли? Как я могу быть рядом и заставлять ее проходить через это? Мой материнский долг — избавить ее от боли!

— Кэрри, никто тебя не винит.

— Я знаю, что никто меня не винит, но я должна с этим что-то сделать! Я должна что-то сделать с ней.

— Быть может, с ней невозможно ничего сделать. Ты когда-нибудь думала об этом? Быть может, некоторые вещи такие, какие они есть. Быть может, ее состояние нельзя вылечить. Быть может, мы в силах только контролировать.

— Ах так? Скажи это раковому больному!

— Какое к этому имеет отношение раковый больной?

— Это же то же самое, верно?

— Мы говорим о нашей дочери, Кэрри, а не о раковом больном.

— Верно, Дэйв. О ней. И да, у Саманты нет рака. Но у нее кожная болезнь, мучительная и неловкая, которая катастрофически влияет на качество ее жизни. Она юная девушка! Ты представляешь, каково это в таком возрасте? Когда тебя дразнят из-за внешности?

— Господи, Кэрри, дай подумать... *Представляю ли я?! Я сам был подростком. А еще я школьный учитель, и поэтому...*

— Ты ведешь себя так, будто не представляешь.

— Я знаю, какими могут быть дети.

— Правда? В школе у меня были брекеты. Знаешь, как меня называли одноклассники? *Металлическая челюсть. Бензопила.* Мне сорок с лишним, и я это не забыла! С чего ты взял, что она забудет?

Я не знала, что мама носила брекеты. Она никогда не говорила об этом.

— Слушай, Кэрри, я понимаю. Правда.

Интересно, папа *правда* понимает? Он знает, каково было быть мной в прошлую пятницу, когда Рори Максфилд измывался надо мной на уроке рисования? *«Ничего себе! Слоновьи ляжки! Убери свою жирную задницу, чтобы я мог пройти. Хватит уже жрать шоколадное печенье!»*

— Я тоже живу здесь, Кэрри. Я вижу, как она страдает. Думаешь, я ничего не понимаю?

— Иногда мне кажется именно так.

— Как это мило, — усмехается папа. — Сразу видно, что ты в меня веришь.

— Почему бы тебе не вернуться к работе, Дэйв? Иди проверяй тетради. Я бросила карьеру, чтобы этим всем заниматься, потому что ты слишком загружен делами, чтобы брать на себя ответственность!

— Ого! То есть теперь мы переходим к дискуссии о гендерных ролях? Я думал, ушла ты, потому что я больше зарабатывал.

— Больше зарабатывал? Ха! Можешь благодарить за это наше жалкое правительство и патриархальные устои! И позволь тебе напомнить, кто тебя поддерживал, когда ты решил поменять карьеру и вернулся в университет, чтобы стать учителем!

— Я не буду сейчас с тобой об этом спорить. Одна тема за раз, Кэрри.

— Просто прекрати, Дэйв. Я сама обо всём позабочусь, ладно? Я прекрасно справляюсь.

— Мы ее родители! Разве это не значит, что мы должны действовать вместе? Хватит от меня отгораживаться! Позволь тебе помочь. У меня тоже есть право голоса в выборе ее лечения.

Я хватаю книжки и поднимаюсь к себе. Громко хлопаю дверь. Теперь я действительно включаю Spotify и выкручиваю громкость на полную, пою изо всех сил. Хочу загородиться от любого звука, от любой мысли, от любого чувства.

Хочу загородиться от себя.

Они представляют, что я чувствую? Почему они не могут прекратить делать меня лучше, чем я есть? Хватит так сильно стараться. Не обращайтесь на меня внимания. *Забудьте меня.* Я стараюсь забыть себя. Почему вы не можете?

Вот что я поняла: меня не должно было быть. Да, именно так. И я сейчас не о том, что мама забеременела по ошибке. Я говорю о том, что узнала из биологии. Мы изучали теорию естественного отбора. Жизнь эволюционирует и меняется через генетические мутации. В течение тысяч лет человеческие особи развивались, адаптировались, становились сильнее, *лучше*. С того момента, как жизнь выплзла из первичного бульона, наши тела постоянно меняются, часто через случайные трансформации ДНК. Их называют *маленькие ошибки*. Если ошибка дает хороший результат — тот, что поможет человечеству продвинуться дальше, — мы его сохраняем. Если ошибка приводит к плохому результату,

он искореняется нами путем *естественного отбора*. Естественный отбор — это значит взять хорошее и оставить плохое.

Если применить ко мне, я — это плохое. Я ошибка. Я генетическая мутация плохая, и, как показывает естественный отбор, никто не выбирает ошибку.

Когда у меня начались месячные, я должна была сказать «проходите мимо». *Не останавливайтесь здесь! Здесь нечего смотреть! Идите дальше!* Если смысл месячных в том, чтобы иметь возможность родить детей, тогда они для меня бесполезны. Меня никто не выберет.

Жизнь склонна закрывать передо мной одну дверь за другой. Я была выбрана для уничтожения, возможно, с самого момента зачатия. *Поэтому* мои родители должны перестать плакать. Им просто следует смириться.

Я начинаю принимать это. Почему не могут они?

ГЛАВА

16

В понедельник, когда мы стоим у кабинета перед звонком на урок, Сэм смотрит на меня. Он стоит в конце ряда, окруженный своими друзьями. Я заняла место ближе к началу с Ливви. Это первый раз за многие месяцы, когда я замечаю, что Сэм смотрит в мою сторону. На секунду я забываюсь и улыбаюсь ему.

Он улыбается в ответ.

Это замечает Рори Максфилд.

— Эй, Сэм, у твоей девушки лицо как тарелка.

Сэм толкает его.

— Заткнись, Рори!

— Точно. Думаю, ее головой можно играть во фрисби.

— Кому-то стоит сыграть во фрисби твоей головой, Рори! — визжит Ливви.

— Правда, Хамфрис? Кстати, как там твоя мама? Ей нужно поменять фамилию на *Шалтай*. Она ей больше подходит, как думаешь? *Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне...*

Сэм ударяет Рори локтем под ребра.

— Ты выучил этот стишок на уроках английского, Максфилд? Должно быть, ты перепутал кабинеты. *Второй* класс занимается английским в кабинете 408, а *восьмой* — в кабинете 429.

— Отвали, Гренфелл! — отпихивает его Рори. — Я не виноват в том, что твоя девушка похожа на тролля!

Сэм хватается за плечи и толкает. Он кричит Рори в лицо:

— Она не моя девушка!

У меня внутри всё сжимается. Я знаю, что я не его девушка, но от этого не менее больно слышать, как он это говорит.

Рори и Сэм дерутся. Я думаю, что сейчас развернется полномасштабное сражение, но тут подходит мисс Томас с ключами в руке, собираясь открыть дверь.

— Гренфелл! Максфилд! — кричит она через плечо. — У меня в кабинете после занятий. Пять сотен слов о том, почему мирные переговоры являются более эффективным средством разрешения конфликта.

С конца ряда раздается стон.

— Прекрасно, Сэм, — говорит Рори.

Ливви протискивается к двери.

— Не слушай их, Эс Джей. У них как будто две извилины. Я не понимаю, почему ты не расскажешь им, что случилось? Скажи им то, что говорила мне. Может, они оставят тебя в покое.

Я сказала Ливви, что у меня странная разновидность свинки, которая не вылечивается месяцами. Она выслушала меня с большим сочувствием и заметила, что, если может что-то сделать для меня, мне стоит только попросить. Не могу поверить, что Ливви купилась на это. Я имею в виду, достаточно просто погуглить, и ты увидишь, что свинкой столько не болеют. И свинка заразна. Мне бы не разрешили ходить в школу, если бы я по-настоящему заболела.

— Это не их дело, — говорю я. — К тому же они за это еще заплатят.

Она горестно вздыхает.

— Да, наверное.

Мы идем к своим местам. Мали и Хайди видят, что мы подходим, и отворачиваются. Они прекратили с нами разговаривать. У нас не было серьезной ссоры или чего-то такого, они просто отделились. Я их не виню. Ну кто хочет иметь отношение к главному фрику класса? Мне хватит одной руки,

чтобы пересчитать друзей. Я благодарна Ливви за то, что та всё еще со мной разговаривает. И удивлена, что она не бросила меня ради кого-то получше.

Мисс Томас пишет на доске вопросы о последних десяти премьер-министрах Австралии. Мы должны набирать ответы на своих ноутбуках, но я откинулась на стуле и отключилась. Я представляю, как стою перед всеми и говорю правду. Я бы произнесла проникновенную речь, показала бы свои руки и ноги, и они бы всё поняли. Они бы не стали кривляться или смеяться надо мной. Каждый бы осознал и принял это.

И вот тут до меня доходит, что это всё фантазии. Они бы ничего не осознали. Никогда бы не поняли, как моя кожа может быть нормальной в одну минуту и превращаться в невыносимый кошмар в другую. И еще они никогда бы не поняли, что я при этом *чувствую*. Стыд. Неловкость. Уныние. Унижение. Грусть. Злость. Смущение. Вместо этого они сделают то, что всегда все делают: спросят, пробовала ли я масло эму, или какао-масло, или еще какое-нибудь зелье, а когда я скажу, что это не сработало, они посмотрят на меня так, будто я сама виновата и просто плохо старалась.

Суть в том — и это правда, как бы ни было больно это признавать, — что мое лицо *действительно*

похоже на тарелку. Рори Максфилд — придурок, но он прав. И поэтому Сэму лучше со мной не общаться. Тогда ему не придется краснеть перед своими друзьями. Ему не придется фотографироваться с девчонкой с круглым лицом, или облезавшей кожей, или ярко-красными щеками, или еще с чем-то. Ему не придется держать меня за руку и чувствовать чешуйчатую, потрескавшуюся, грубую кожу. Он может уходить.

Жаль, что не могу уйти я.

ГЛАВА

Я перестала принимать кортизон. Нельзя сидеть на нем вечно. Я провела без него три месяца, и моя кожа вернулась к своему прежнему состоянию.

На дворе сентябрь. Футбольный сезон подходит к концу, нетбольный тоже. Все ждут лета*. Крикет на пляже. Пикники в парке. Катание на водных горках** или плавание к понтонам, чтобы нырять оттуда бомбочками в океан. Лето — это три месяца веселья.

---

* Австралия находится в Южном полушарии, соответственно, сезоны перевернуты по отношению к полушарию Северному. Зима здесь длится с июня по август, а лето — с декабря по февраль. Летние каникулы начинаются в декабре, а учебный год — в феврале.

** В Австралии это называется Slip'n Slide. Длинное пластиковое полотно, на которое сбоку подается вода, чаще всего из обычного садового шланга, расстилают на ровном склоне, и получается скользкая водная горка. Иногда поверхность делают не только мокрой, но и мыльной. (Примеч. ред.)

Три месяца коротких шорт, бикини, летящих платьев, коротких топов и саронга*.

Для меня лето не означает ничего из вышеперечисленного.

Лето — это укрывание в тени в попытках уберечь кожу от перегрева. Это глотание антигистамина за антигистамином, чтобы предотвратить реакцию на цветение или пыльцу. Это ответ «нет» приглашениям на вечеринки, чтобы всё не закончилось для меня неловкостью. Это слои крема на коже — в надежде убрать сыпь от жары.

Лето — отстой.

Поскольку я больше не на кортизоне, лицо и тело более или менее сдулись, а кожа превратилась в чешуйчатое, зудящее, чесоточное, рвано-красное, мокнущее, исполосованное месиво. Моя карусель из кремов, ванн, лекарств и масел *опять* стала утренним и вечерним ритуалом. Я по-прежнему на исключительной диете и ем только продукты из списка назначений. Иногда мне кажется, что вся моя

---

* Саронг — традиционная одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Представляет собой полосу ткани, которая оборачивается вокруг пояса (или середины груди у женщин) и превращается в подобие юбки или платья. В современном европейском мире является элементом пляжной одежды.

жизнь — лишь список назначений. *Делай это, делай то.* Я так устала.

— Я приготовлю тебе ягненка, кукурузу и бобовый салат на ланч, Эс Джей. Хорошо?

Мама возится с едой для меня, хотя я двадцать раз уже говорила, что не голодна. У меня нет аппетита. Еда — это что-то из списка действий, необходимых для того, чтобы остаться в живых. На самом деле теперь я боюсь есть. Что, если мне станет плохо от ягненка, кукурузы и бобового салата? Врачи не знают, так откуда мне знать?

— Делай что хочешь, мам.

Она вздыхает.

— Я знаю, что это сложно для тебя, милая. Но для меня это тоже непросто. У меня не так много способов разнообразить твоё меню.

— Так зачем мы это делаем? Зачем мы мучаемся с этой тупой исключаящей диетой? Она же ничем не помогает.

— Ты знаешь *зачем*. Я всё это проходила с тобой раньше.

Я не утруждаю себя спорами. В этом нет смысла. Она принимает решения. Я просто исполнитель.

— Кстати, — не перестает щебетать мама, — скоро мы сможем ввести новые продукты. Процесс замедлило лишь твоё лечение стероидами.

— Как скажешь.

Она меняет тему.

— Что от меня требуется в этом согласии на экскурсию? — Мама машет листком бумаги. Это про лагерь водных видов спорта в Робе.

— Скажи им, что я не могу ехать.

Мама делает такое лицо, будто это не вариант.

— Ты же можешь сидеть в тени под деревом, пока другие в воде? Я имею в виду, так ты хотя бы всё равно там будешь.

Крутая идея, мам! Я буду ребенком в бабушкиной шляпе, в одежде с длинными рукавами и в длинных штанах, пока другие дети будут плескаться в воде в коротких шортах и купальниках. Замечательно. Я отлично впишусь.

— Я не еду.

— Ну давай подумаем. Может, ты сможешь поплавать? Я бы только сперва намазала тебя кремом. Ну ведь это же бассейн с морской водой. Я могла бы покрыть тебя всю кремом, как делают с олимпийскими пловцами. Я бы поехала добровольцем от родительского комитета и тебе помогла.

Она что, шутит?

— И чтобы все увидели меня полуголой и в креме? Не думаю, что это хорошая идея!

Мама продолжает суетиться с едой.

— А как насчет того нового солнцезащитного крема, что мы купили? Возможно, у тебя не будет на него реакции?

— Мы уже пробовали, помнишь? У меня горела от него кожа.

— А, точно.

— Просто скажи им, что я не могу поехать. Скажи что хочешь. Мне всё равно. Я не еду.

Мама тяжело вздыхает. Она откладывает форму без подписи в сторону. Будто завтра мне чудесным образом станет лучше.

Звонит телефон. Я хватаю трубку.

— Алло?

— Эс Джей, это ты?

— Бабушка?

— Сюрприз! Меня нужно подбросить до вашего дома.

— Что? Где ты?

— У Большого лобстера. Приехала на туристическом автобусе. Представляешь, единственный таксист в Кингстоне заболел! Я застряла. Твой папа может меня забрать?

— Папа в магазине, покупает мальчикам экипировку для крикета. Могу попросить маму приехать, если хочешь.

Пауза.

— Конечно. Да. Если она не против.

Мама подходит ко мне и становится рядом, прислушиваясь.

Беззвучно произносит: «Где она?» Я отвечаю одними губами: «Здесь».

Она резко бледнеет.

— Ужасно хочу тебя увидеть, Эс Джей. Я тебе купила шоколадку. Твою любимую. Я слышала, ты принимаешь лекарства. Надеюсь, тебе можно шоколад?

— Я перестала принимать лекарства, бабушка. И я не могу есть шоколад. Мне нельзя.

— О, ну, может, нам удастся это обсудить, когда я приеду. Скоро увидимся, милая. Люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю, бабушка.

Как только я кладу трубку, мама начинает суетиться.

— Дом выглядит так, будто сюда угодила бомба! — Она спешно убирает посуду из раковины в шкаф. — Seriously! Я думаю, эта женщина так поступает, чтобы вывести меня из равновесия!

— Я могу помочь.

— Нет, нет. Ничего не делай. Ты можешь расшевелить пылевых клещей, и у тебя появится реакция. Мы не хотим этого.

Почему бы вам просто (запикано) не убрать меня подальше и не доставать только по особым случаям?!

— Иди посмотри телевизор. Бабушке придется подождать, пока я закончу.

Я иду в гостиную, сажусь на диван и чешусь. Я так устала чесаться. Я вся напряженная, жесткая, каждый мускул накален. Я вымотана не только физически, но и морально. Мысли бегают по кругу. Я не могу их отключить. Теперь я волнуюсь о том, о чём никогда не волновалась. Я переживаю из-за школьных оценок, друзей, семьи. У меня чувство, что я не могу никому и ничему доверять.

Как сказать себе заткнуться и убраться вон?

Мама забирает бабушку и привозит ее домой. У нее новая прическа. Такая прикольная: ярко-красная с фиолетовыми прядями. На бабушке очки в зеленой оправе. Мама шепчет, что бабушке стоит вести себя на свой возраст, ей уже не двадцать один. Я отвечаю, что, по моему мнению, бабушка выглядит классно, и мама делает недовольное лицо. В ее глазах я читаю: *«На чьей ты стороне?»*

Бабушка аккуратно прислоняет чемодан и сумки к стене, а затем широко раскидывает руки, чтобы хорошенько меня обнять. Бабушкины объятия самые

лучшие. Они теплые, мягкие, и я чувствую, как ее любовь проходит через меня, словно какая-то магия.

— Отойди-ка. Дай на тебя посмотреть. — Она отстраняет меня на длину вытянутой руки, держа меня за руки и разглядывая с ног до головы. На мне шорты, футболка и резиновые сланцы. Для улицы я бы прикрылась, но дома в этом нет смысла. — Ты такая худенькая! — восклицает бабушка с удивлением в голосе. Этой реакции я ожидала меньше всего. Я думала, она скажет что-нибудь про мою кожу.

— Вы о том фото, что я прислала? — быстро говорит мама. — Из-за препаратов у нее была большая задержка жидкости, и от этого она казалась такой крупной. Сейчас мы перестали принимать кортизон, жидкость ушла и вместе с ней одутловатость.

Бабушка опять меня осматривает.

— А что это за полосы у нее на ногах?

— Растяжки, — безучастно говорит мама, — доктор сказал, что они со временем исчезнут.

— Растяжки? В ее возрасте?

— Это из-за лечения. — Теперь голос мамы звучит раздраженно. — Из-за него у нее скопилось много жидкости. Коже пришлось растянуться, чтобы ее удержать. Она порвалась — если попытаться описать более понятно.

— И доктор говорит, что они исчезнут? — В бабушкином голосе недоверие. — У меня растяжки на животе после вынашивания твоего мужа, и они не исчезли за сорок лет!

— А у Саманты *исчезнут*, — говорит мама сквозь стиснутые зубы. Думаю, это больше для меня, чем для бабушки. — Вам налить чаю, Кэтлин?

— Хорошо бы кофе. Два сахара.

Бабушка приземляется за столом и считает в один угол все салфетки.

Мама морщится у нее за спиной. Я морщусь маме в ответ.

— Иди сюда, садись, Эс Джей. — Бабушка тянется к моей руке. — Ты же не всегда была такая худенькая? Ты вообще ешь?

— Я обычно такая и есть, бабушка.

Но это не совсем так. Я боюсь каждого куска пищи, который попадает мне в рот. *А что, если у меня аллергия на это?* Поэтому я теряю вес — не только потому, что перестала принимать препараты, а потому, что слишком боюсь есть.

Мама приносит бабушке кофе и ставит перед нами поднос с шоколадным печеньем. Бабушка предлагает мне одно. Я мотаю головой.

— Ей нельзя, — объясняет мама, — она на исключающей диете.

Бабушка моргает несколько раз, будто слышит бессмыслицу.

— Врачи исключили *всё*? Посмотри на нее, Кэрри!

— Вспомните, какими мы были в этом возрасте! Сэм очень активна. Она играет в нетбол.

Это опять неправда. Я перестала играть. И не потому, что сезон подошел к концу, а потому, что повышение температуры тела приводит к раздражению кожи. Мама это знает. Не могу поверить, что она говорит бабушке эту чепуху. Меня за ложь отчитывают, а ей, значит, можно?

— Ну хорошо, — говорит бабушка, — скажи мне, Эс Джей, как твоя кожа реагирует на эту исключаящую диету?

Мама отвечает до того, как я успеваю открыть рот:

— Мы заметили некоторое улучшение.

Бабушка рассматривает мои руки.

— Кэрри, мне кажется, это инфекция. — Она бросает мои руки и гладит меня по коленке. — Бедняжка.

— Кэтлин... — Мамин голос звучит напряженно. — Вы не привыкли это видеть, вот и всё. Мы не видим экзему. Мы видим нашу прекрасную дочь Саманту.

— Но это же нельзя игнорировать?

— Это средство достижения цели, — отвечает мама стоически. — Иногда нужно претерпеть

небольшой дискомфорт, чтобы достичь чего-то хорошего. Когда мы снова введем дополнительные продукты, возможно, результаты будут впечатляющими.

— А когда вы введете дополнительные продукты?

— Скоро.

— Я восхищена твоим ответом, Кэрри, но заставлять ее проходить через всё это, несомненно, того не стоит! Ты обращалась за вторым, третьим мнением? А что ее аллерголог в Аделаиде?

— Доктор Гупта? Мы перестали к нему ходить. Его гипосенсибилизирующие инъекции не работали.

Мама говорит об уколах, которые мне назначали. Когда мы жили в Брокен-Хилл, я каждую неделю ходила к врачу, где мне делали уколы. Инъекции содержали небольшие дозы того, что могло считаться для меня аллергеном. Смысл был в том, что, если они будут вводить мне аллерген небольшими дозами, мое тело привыкнет к нему, пока будет расти, перестанет реагировать и успокоится. Этого не произошло. Уколы ничего не дали. Очередная трата времени и денег.

— Хорошо, ну а другие специалисты? — настаивает бабушка. — Как насчет альтернативной медицины? Гипнотерапия? Вы пробовали ее?

Мама усмехается.

— Надувательство. Мы пробовали это несколько лет назад.

Бабушка смотрит на меня.

— Это не помогло?

Я мотаю головой. Я помню гипнотерапевта, к которой меня водила мама. Ее кабинет был похож на галантерейный магазин.

На стенах яркие шелка — розовые, красные, желтые. На длинных цепочках болтались маленькие латунные колокольчики. У открытого окна раскачивались ловцы снов. В комнате странно пахло. Мама назвала это *благовониями*. И еще играла странная музыка. Гипнодама (я забыла ее имя, но помню длинные седые волосы и редкие гнилые зубы) сказала мне лечь на кушетку, закрыть глаза и позволить ее словам увести меня в мир, где я не сплю и не бодрствую. Ничего не произошло. Я вышла оттуда по-прежнему почесываясь. Гипнотерапевт настаивала, что это работает, но просто одни пациенты менее восприимчивы к гипнозу, чем другие. Мы сходили еще на несколько приемов, а потом мама разозлилась и сказала, что результатом можно называть только похудение нашего кошелька.

— А дерматолог? — спрашивает бабушка.

Доктор Трэвис предлагал обратиться к дерматологу в тот день в больнице, когда он отозвал маму

в сторону. Я начинаю бабушке про это рассказывать, но мама меня прерывает:

— Доктор Чарльзуорт, местный терапевт, хорошо справляется. Я была с Сэм у нескольких дерматологов в самом ее детстве. Всё, что они говорили, — сменить лосьон и мыло. Мы не можем постоянно менять докторов. Если мы не будем придерживаться какого-то определенного лечения, то упустим то, что действительно работает.

Я делаю глоток воды. Мама с бабушкой еще какое-то время спорят, потом перестают и разговаривают о недавней бабушкиной поездке в Новую Зеландию. Я уставилась на шоколадное печенье и смотрю, как его поглощают мама и бабушка. Всё, о чём я могу думать, — что печенье, которое они грызут, ядовитое.

Мой желудок урчит, и у меня кружится голова.

— Я пойду немного почитаю.

Как только они решают, что я их не слышу, они начинают спорить о моем лечении.

Я сижу на своей кровати и чешусь. Я отковыриваю маленькие болячки на коже головы, вытягиваю их через пряди волос и каждую рассматриваю. Они выглядят как маленькие белые кукурузные хлопья. Я оборачиваю каждую в салфетку и продолжаю

ковырять до тех пор, пока кожа под руками не становится мокрой и липкой. Нахожу следующую болячку и продолжаю.

Я смотрю на свои голые ноги. Растяжки ужасны. Врач говорит, что через год-два они станут серебристо-белыми, но сейчас они пурпурно-красные. Они тянутся, как рельсы, по моим голеним и на внутренней стороне бедер. Некоторые широкие, почти в сантиметр толщиной, некоторые тонкие, как паутина. Я вся покрыта граффити. Я не могу осознать в своей голове, что это *мои* ноги. Даже если моя экзема чудесным образом исчезнет и я исцелюсь, со мной навсегда останутся ужасные шрамы. Я больше никогда не надену юбку для нетбола. Никогда не смогу пойти в бассейн в купальнике. До конца своей жизни мне придется каждое лето носить длинные юбки.

Какая же я дура, что настаивала на том лекарстве! Я должна была сказать: «Нет». Должна была прислушаться к предостережениям. Зачем мы стали молить врачей о лечении? Это полностью моя вина.

Я подхожу к столику и сажусь напротив зеркала. Снимаю хлопья кожи с лица. Кожа отрывается кусками. Под ними кожа блестящая и ярко-красная, болит, но я больше не позволяю себе плакать. Какой в этом смысл?

На кухне спорят мама и бабушка. Я знаю, что они переживают и каждый думает, будто ему известно, что для меня правильно, но я не хочу это слышать.

Я делаю музыку громче и громче до тех пор, пока голова не наполняется шумом. Я качаюсь вперед и назад, вбиваясь ногтями в свои ноги и соскабливая кожу. Я чешусь и чешусь до тех пор, пока кожа не покрывается волдырями, а на верхней части ступней не лопаются и не начинают сочиться мозоли. Ступни жутко опухли и болят так, будто я прошлась по раскаленным углям.

Странно, но это приносит удовлетворение. Я так себя ненавижу. Ненавижу, как я выгляжу. *Я себя ненавижу, ненавижу.* Разрывать себя на куски — идеальное ощущение.

Постепенно я выдыхаюсь и засыпаю от усталости. Мама говорит, что во сне я неосознанно чешусь, поэтому, скорее всего, я продолжаю.

Даже сон не приносит облегчения.

ГЛАВА

18

— Милая?

Мама протягивает руку, чтобы раскрыть шторы у моей кровати. Комнату заполняет свет раннего утра. Я зажмуриваюсь и натягиваю на себя одеяло, но оно странным образом ко мне прилипло.

— Проснись и пой, дорогая! Я дала тебе заснуть пораньше, чтобы ты отдохнула. Я не хотела тебя беспокоить. — Мама хлопочет, складывая одежду и поднимая салфетки, разбросанные по полу. — Ты не можешь лежать в постели весь день.

Открытое окно слепит. Теплые лучи солнца ложатся на постель, но мне холодно. Меня колотит. Зубы стучат. Я смотрю на маму. На ней майка и шорты.

Она кладет книги на полку, аккуратно их расставляя.

— Мне нужно в магазин. Бабушка приехала неожиданно, и нам надо больше еды. Она не стала утруждать себя тем, чтобы подумать, что у меня куча дел по хозяйству и это может быть не лучшее время для визита.

— Мам.

— Да, милая.

— Мне холодно.

Мама бросает книгу, которую только что подняла, и подходит ко мне.

— Мне *очень* холодно.

Она берет одеяло, откидывает и ахает. Ее глаза бегают по мне, широкие и испуганные.

— Боже мой!

— Мам? Что?

Она качает головой и шепчет:

— Я не знаю. Я не знаю, что...

Сильная судорога проходит по моему телу. Странно, но я не чувствую зуда. Есть ощущение какого-то необъяснимого спокойствия. Будто я перешла точку истощения и прибыла куда-то еще.

— Кэтлин! — кричит мама.

Бабушка оказывается у моей двери в течение секунды.

— Что случилось, Кэрри?

На ней короткие брюки, футболка, шляпа и садовые рукавицы. Если она так одета, почему мне так холодно? Когда она меня видит, ее глаза расширяются.

— О боже!

— Бабушка?

— Звони в больницу! — рывкает бабушка. — Я останусь с ней.

Мама отпускает мое одеяло. Она выбегает из комнаты, запнувшись о кресло у стола.

Бабушка опускается на колени рядом с моей кроватью. Она кладет руку мне на лоб.

— Сэмми, дорогая.

Я начинаю чувствовать головокружение.

— Что со мной, бабушка?

— Я не знаю, милая. Твоя кожа... похоже, там инфекция. На самом деле кажется, что у тебя больше нет кожи.

Я подтягиваю одеяло к подбородку.

— Почему мне так холодно?

— Я не знаю. Должно быть, поднялась температура.

Она осматривает мое тело в замешательстве.

— Бог мой, ты вся ярко-красная! Выглядишь так, будто обгорела! О чём думают твои родители? Нужно было отвезти тебя в город, где есть надлежащий медицинский уход. Это всё неправильно.

Возвращается мама.

— Я позвонила в больницу. Они сказали ее не трогать, сейчас они кого-нибудь пришлют. Я позвонила Дэйву. Они едут домой с крикета.

— Дай ей воды, Кэрри, — указывает бабушка. — И что-то из еды. Ей нужны силы.

Мама делает в точности всё, что говорит бабушка, без всяких возражений. Похоже, бабушка берет на себя ответственность, а мама ей позволяет.

Бабушка кормит меня с ложки кукурузными хлопьями без молока. Молоко — потенциальный аллерген, и я отказываюсь от него. Бабушка *настаивает*, чтобы я ела с ним, поэтому вторую миску мама приносит с молоком. Я открываю рот, как птенец, и позволяю ей кормить меня. Я не чувствую голода. Не чувствую аппетита. После нескольких ложек я отворачиваюсь.

Приходит дежурный врач по имени доктор Чанг. Он говорит, что работает в больнице две недели. Вместе с ним доктор Трэвис. Они проходят в мою комнату и ставят чемоданчики на мой стол. Прекрасный, идеальный красавец доктор Трэвис пришел меня проводить.

Доктор Чанг меня осматривает. На нем очки, слишком большие для его лица. У него черная борода с сединой, и он ее постоянно почесывает. Интересно, у него тоже экзема?

— У нее инфекция, — говорит он. Чешет, чешет, чешет. — Температура очень высокая.

Раздается мамин голос — очень тонкий, высокий писк:

— Нет!

— Подозреваю, это может быть сепсис, вызванный инфекцией стафилококка, — говорит доктор Чанг. — Мы должны как можно быстрее взять его под контроль. Всё очень серьезно. Если не лечить, она может умереть.

Он только что сказал то, что я слышала? Мне это снится, так ведь? Это всё головокружение. Я его неправильно поняла.

— Умереть?

Это папа. Он с мальчиками присоединился к толпе в моей комнате. Роун и Дилан смотрят друг на друга в недоумении.

— Что за вечеринка в спальне Сэм? — спрашивает Роун.

Ему никто не отвечает.

— Что значит «может умереть»? — повторяет папа.

— Если не лечить, — отвечает доктор Чанг. — Поэтому мы должны действовать как можно быстрее.

Мама подавилась.

— Можно умереть от экземы?

— Этого не случится, — говорит доктор Трэвис, — мы это вовремя обнаружили.

— Что это за стафило... эта штука, эта инфекция, о которой вы сказали? — спрашивает папа.

— Стафилококк золотистый, — объясняет доктор Чанг. — Это такая бактерия, которая живет на нашей коже. В случаях, подобных этому, она выходит из-под контроля.

— Я говорил, что у нее на руке жуки! — кричит Дилан. — Никто меня не слушал!

Мама всхлипывает, и всё ее тело сотрясается.

— Всё в порядке, миссис Бэклер, — говорит доктор Трэвис. — Мы *можем* ее вылечить. Нам нужно отвезти ее в больницу для специального наблюдения.

— Я говорила тебе, — обращается бабушка к маме.

— Не сейчас, мама! — предупреждает папа, напав на нее угрожающий взгляд.

— Какое будет лечение? — спрашивает мама.

— Интенсивные антибиотики, — говорит доктор Чанг. — Обертывания. Кортикостероидные мази. Я могу воспользоваться вашей гостиной, чтобы сделать звонок? — Он достает телефон. — Мне нужно тихое место.

— Почему ее колотит? — спрашивает бабушка.

— Кровь устремляется к внутренним органам, чтобы сохранить их теплыми, оставляя внешние холодными. Так тело себя защищает. Простите. Мне нужно позвонить.

Мама оседает на мой стол, закрывая рот руками. Папа кладет руку ей на плечи и сильно сжимает.

— Всё будет хорошо, Кэрри, — говорит он твердо. — Всё будет хорошо.

— Да, — соглашается бабушка. Она нежно гладит меня по лбу. — Всё будет хорошо...

ГЛАВА

19

После краткого пребывания в местной больнице, где меня покрыли кремом и наложили повязки, мы отправились в Аделаиду. Меня перевели в больницу для женщин и детей.

Я спала почти всю четырехчасовую дорогу. Врачи сказали, что нет необходимости везти меня на скорой помощи, если папа сможет быстро доставить меня в больницу, к тому же со своей семьей мне будет более комфортно, так я буду чувствовать себя в безопасности. Я едва не рассмеялась. Кто знал, что с моей экземой мне понадобится скорая помощь? Интересно, кто-нибудь вообще набирал скорую, чтобы сказать: «Помогите, я счесала себе всю кожу»? Есть какая-нибудь статистика по этому поводу? Доктор Чанг дал для начала мне антибиотики orally, но сказал,

что остальное лечение я получу в больнице в Аделаиде.

По пути в город мама бронирует комнату в мотеле по телефону. Она беспокоится насчет цены. Папа говорит, что это будет как маленькие каникулы. Говорит, что предупредил в школе и руководство понимает, что ему нужно несколько дней. Я знаю, что он рассказывает это всё, чтобы я почувствовала себя лучше. Я знаю, что для них это очень неудобно. Бабушка сказала, что останется в Кингстоне и приглядит за мальчиками. Хорошо, что она приехала. Даже мама признаёт это.

— Хвала небесам, твоя мама здесь, — говорит она папе с улыбкой, когда он ведет машину по трассе. — Не знаю, что бы мы делали без нее.

Когда мы приезжаем в больницу, уже почти вечер. Персонал знал, что я еду, поэтому нам не пришлось ждать. Медсестра просит меня сесть в кресло-каталку. *Кресло-каталку!* Она настаивает на том, чтобы везти меня по коридору в палату в кресле.

Я сижу в сером мягком кресле, поставив ноги на металлическую подножку. Интересно, это так себя чувствуют пожилые? На мне желтый халат, так что одета я соответствующе. Меня можно официально назвать первым тринадцатилетним пожилым человеком. Они должны научить меня играть в лото.

Больничные простыни хрустящие и крахмаленные, жесткие для моей кожи — или для того, что от нее осталось. Медсестры говорят, что будут менять простыни несколько раз в день. Услышать это — большое облегчение. Я рада, что мне не придется ежедневно чистить кровать перед тем, как лечь. Может, это и вправду будет как каникулы?

В моей палате три кровати, но остальные две пусты. Медсестра с фиолетовыми, как у бабушки, прядами шутит, что пустые кровати — редкость и это, должно быть, значит, что у меня проблемы с большой буквы «П». Папа говорит, что она не знает и половины этих проблем, и натужно смеется над собственной шуткой. Я спрашиваю, можно ли задернуть шторы вокруг моей кровати, потому что не хочу, чтобы меня кто-то видел. Медсестра отвечает отказом. Она говорит, что ей нужно будет за мной приглядывать от сестринского поста.

Приходит доктор и ставит мне капельницу. Он говорит, что он не *мой* врач, а его коллега и что действует по инструкции. Мама спрашивает, что в капельнице. Он говорит, что это смесь антибиотиков, которые помогут мне бороться с бактериями стафилококка.

Я начинаю с ним спорить, беспокоясь о том, что в капельницу добавляют кортизон.

— Нет! Не делайте этого! Я не хочу опять толстеть!

— Всё хорошо, дорогая, — отвечает он ласково. — Ты теперь в руках специалистов.

— Я больше не доверяю врачам. — Слова слетают с моих губ. Я даже не думаю, как они звучат и не являются ли обидными. — Они ничего не могут сделать правильно.

— Похоже, у тебя был не лучший опыт.

Доктор наклеивает пластырь на штурковину с иглой, торчащую из моей руки. Его голос не звучит обиженно:

— Помни, мы просто люди. Мы не боги, несмотря на то, что о нас думают другие. Иногда мы совершаем ошибки, но мы очень стараемся без них обойтись.

Я показываю ему красные растяжки на ногах. У него расширяются глаза. Похоже, он не знает, что сказать. Доктор зовет медсестру и просит заполнить мои бумаги, затем он уходит, и я его больше не вижу.

Мама и папа целуют меня в лоб и говорят, что им нужно вернуться в мотель и заняться кое-какими хлопотами. Маме нужно в банк из-за всех этих непредвиденных расходов. Папе нужно связаться со школой, чтобы перенести занятия.

— Ты же будешь в порядке, милая?

Я могу только заставить себя кивнуть.

Я хочу смотреть телевизор. С другой стороны моей кровати висит один, но он не работает. Мама заплатила техникам, чтобы его починили, но у них завал, поэтому он до сих пор не подключен.

Мне становится очень скучно. Я спрашиваю у медсестры, можно ли кому-нибудь позвонить. Она отвечает, что, как и телевизор, телефон нужно подключить и требуется разрешение родителей. Когда сестра уходит, я поднимаю трубку и слушаю гудок. Нажимаю на цифры — появляются краткие сигналы. Нажимаю на цифры очень быстро, будто играю на клавиатуре мелодию «У Мэри был ягненок»*. Затем я набираю несколько номеров и попадаю на реального человека. Он говорит, его зовут Джо, он мастер. Я спрашиваю его, бежит ли у него вода в кране, и отправляю его ее ловить. Потом вешаю трубку и смотрю в потолок.

Потолок — это куча серых плиток, в которых полно маленьких дырочек. Я считаю дырочки. Кажется, в каждой плитке их девяносто шесть. Я не до конца

---

* «У Мэри был ягненок» («Mary had a little lamb») — американская детская песня XIX века. Считается народной, хотя есть версии об авторстве слов и музыки. В 1877 году Томас Эдисон, пропев эту песню в изобретенный им фонограф, сделал первую в истории звукозапись.

в этом уверена, потому что через некоторое время глаза начинают косить и плитки будто двигаются.

Две медсестры оборачивают мое тело бинтами. Они снимают старые и увлажняют кожу губкой. Я не могу смотреть на себя, поэтому отворачиваюсь. Я чувствую головокружение и сонливость и ничего не соображаю. Не знаю, это из-за лечения или переутомления. Они покрывают меня кортикостероидной мазью, достают длинные бинты из зеленой миски с каким-то теплым раствором и оборачивают их вокруг меня. Бинты скоро становятся холодными, и меня снова начинает колотить. Я спрашиваю медсестру, зачем они делают это заново, и она объясняет, что вода должна открыть поры моей кожи, чтобы мазь быстрее впитывалась. Клянусь, пока не спросишь, никто тебе ничего не расскажет.

— Ты похожа на царицу Нефертити, — говорит одна из медсестер, забинтовывая мою руку. У нее темные круги под глазами и татуировка ангела на правой руке. — Я видела документальный фильм, в котором рассказывалось, что имя царицы Нефертити переводится как *«красавица пришла»*. Так и ты. Ты красавица.

Я хочу сказать ей, что я и красавица никогда не окажемся в одном предложении, но у меня нет сил

спорить. Я улыбаюсь и позволяю ей думать, будто ее слова что-то значат.

Мой новый врач, доктор Пирсон, дерматолог. Она разговаривает так, будто застряла на быстрой перемотке. Я с трудом понимаю, что она говорит. Доктор Пирсон сообщает, что образцы кожи, отправленные на анализ, подтвердили, что у меня серьезная стафилококковая инфекция, и говорит, что бактерии через поврежденную кожу попали в мой кровоток. Мне очень повезло, что доктор Трэвис и доктор Чанг пришли вовремя.

— Не переживай, Саманта. Очень скоро ты почувствуешь себя лучше.

Но на это у меня мало надежды. Я слишком привыкла к разочарованиям.

В мой второй день в больнице доктор Пирсон навещает меня во время завтрака. Они подают завтрак очень рано, громыхая тележками в коридоре в шесть утра. Мама и папа еще даже не приехали, они до сих пор в мотеле. Доктор Пирсон говорит, что у нее на практике студенты-медики, и спрашивает, можно ли им меня увидеть. Вообще при приеме мама подписала форму согласия, но доктор Пирсон считает, что будет вежливым спросить меня. Я не хочу ее расстраивать и думаю, что поинтересоваться

моим мнением — это очень мило, поэтому соглашаюсь, хотя сама мысль о том, что куча людей придет на меня смотреть, пугает меня до смерти.

Доктор Пирсон возвращается в обед. Моя еда, тарелка с ягненком и бобами по моему заказу, уже остыла. Доктор Пирсон смотрит на это и говорит, что моя диета привела к истощению, а предыдущее лечение кортизоном это маскировало.

— Ты начнешь нормально питаться, — говорит она. — Я придерживаюсь мнения, что еда тут ни при чём. Полагаю, твоя экзема вызвана генетическим дефектом. Проблема в эпидермисе кожи, и, по моему мнению, лишь несколько продуктов — *известных как аллергены* — вызывают реакцию. Аллергия и экзема должны лечиться по-разному. К сожалению, нередко эти два состояния встречаются вместе. Возможно, у тебя аллергия на один-два продукта, но в целом твоя экзема — болезнь без конкретного триггера.

Мысль о еде меня пугает. Я не могу представить, что ем *хотя бы какую-то пищу* не из списка, разрешенного диетой. Идея о том, что еда может навредить, плотно засела в моем мозгу. А часть меня боится того, что скажет мама. Она так сильно верит, что диета поможет. Опять неудача.

— Твой желудок уменьшился из-за недостатка еды. Вероятно, поэтому ты не чувствуешь голода, — объясняет доктор Пирсон. — Но я советую тебе попробовать. Ты можешь заказывать всё, что есть в больничном меню. Я вернусь проверить тебя вечером.

Но доктор Пирсон не возвращается, потому что ее срочно вызвали. Медсестры говорят, что мне нужно подождать. А пока они продолжают покрывать мою кожу мазями и бинтами.

Я протягиваю медсестрам заказ на питание без изменений. Они этого не замечают. Возможно, они упустили предписание доктора Пирсон, или, может, они слишком заняты. Какая бы ни была причина, мне всё равно. Доктор Пирсон ошибается. Причина *должна* быть в чём-то, что я отправляю внутрь своего тела. Наверное, это продукты, которые мы еще не обнаружили.

В свое третье утро в больнице я замечаю группу людей, стоящих у сестринского поста. Они в белых халатах и с блокнотами. Их по меньшей мере пятнадцать, и я понимаю, что это, должно быть, те студенты-медики, о которых мне говорила доктор Пирсон. Глядя на их количество, я задаюсь вопросом, не продавала ли она билеты. Уверена, доктор вот-вот достанет камеру и сделает несколько фото для журналов,

где печатают фотографии ягнят с двумя головами или шестью ногами. *«Смотрите: девочка-лобстер из города Большого лобстера».*

— Хочу представить вам Саманту Бэклер, — говорит доктор Пирсон толпе в дверном проходе. — Саманта из Кингстона. Саманта, познакомься с моими студентами.

Я слегка киваю. Один или два из них говорят, что заезжали к Большому лобстеру по пути в Роб. Другие зевают и что-то пишут на своих планшетах.

— Саманта страдает хроническим атопическим дерматитом. У нее было сильное обострение. Также у нее развилась серьезная стафилококковая инфекция, и мы лечим ее пенициллином. Прежде Саманта прошла курс лечения кортизоном орально. Она также находилась на исключаяющей диете, что привело к жесточайшему истощению.

Теперь студенты меня окружили, всматриваясь, изучая как научный объект.

— Саманта страдает различными видами аллергии и непереносимости. Довольно четко представлены два вида сыпи. Экзема часто проявляется сухостью и отделением чешуек. Аллергическая сыпь выражается покраснением, белыми пятнами или утолщениями кожи. — Доктор Пирсон задает вопрос группе: — Типичными аллергенами считаются?..

Никто не отвечает. Один парень заметно пожимает плечами. Я борюсь со стремлением поднять руку. Они не знают? Да ладно! Я могу на это ответить!

Доктор Пирсон перечисляет типичные аллергены. Одним из них, говорит она, является яйцо или яичные продукты. Я ела тонны яиц во время этой тупой исключаяющей диеты. Я слышала раньше, что яйца могут быть аллергеном, но доктор Чарльзуорт считала, что с ними всё в порядке. Мама продолжала меня ими кормить. Они мне ничего не сделали, и я больше не понимаю, что безопасно, а что нет, поэтому продолжаю их есть.

Девушка с темными волосами, собранными в конский хвост, и бейджем, на котором написано имя *Рози*, спрашивает:

— Это больно, Саманта? Ваша кожа болит?

Кожа Рози в веснушках, светлая и абсолютно без изъянов. Губы пухлые и розовые. Я инстинктивно нахожу свои губы и ощущаю грубые края в уголках рта, где кожа потрескалась и отслаивается.

— Да, болит.

Хотя как ей понять. Я к тому — посмотрите на нее. Она великолепна! Уверена, что у нее есть парень. Наверняка он приносит ей цветы. Наверняка она не чихает и не покрывается сыпью, когда он их ей дарит.

Молодой человек подходит к краю кровати и трогает мои ступни.

— Откуда волдыри, доктор?

— От постоянного трения, — говорит доктор Пирсон. — Это как мозоль на пятке от обуви. У Саманты они появились оттого, что она терла конечность о конечность.

Я ожидаю, что парень скажет: *«Ты что, не можешь себя контролировать?»* Вместо этого он произносит:

— Должно быть, вы очень мужественная.

Мужественная? Я не мужественная. Я это ненавижу. Я не хочу здесь быть. Я хочу быть где угодно, только не здесь. *Это разве непонятно?* Хватит смотреть на меня с жалостью!

— Еще вопросы? — спрашивает доктор Пирсон.

— Да. — Девушка в черной оправе с толстыми стеклами размахивает ручкой. — Вы договорились о консультации психотерапевта? — Ее голос звучит неуверенно и нерешительно. — Необходимость справляться с чем-то подобным может повлиять на ее психическое здоровье.

Она что, думает, что я еще и пациент-псих? Что у меня с мозгом то же самое, что и с кожей?

— Я не сумасшедшая! — выкрикиваю я.

Белые щеки девушки вспыхивают красным. Она смотрит на доктора Пирсон так, будто сказала глупость.

Доктор Пирсон не теряет самообладания.

— На данном этапе мы считаем, что интенсивная терапия вернет Саманту к самой себе. Душевные страдания вызываются болезнью, соответственно, если мы покончим с болезнью, больше не будет страданий. Еще вопросы?

Группа направляется к двери, но девушка с толстыми стеклами оборачивается ко мне.

— Прошу прощения. Я не хотела вас обидеть, Саманта.

Она мягко улыбается, а потом исчезает за дверью вместе с остальными.

Приходит медсестра и сообщает, что мне нужна масляная ванна. Я отворачиваюсь от нее.

— Они продают билеты на мое вечернее шоу. Приходите, если интересно.

ГЛАВА 20

Проснувшись, я вижу девушку, сидящую на краешке моей кровати.

— Привет. Я Билли, твоя новая соседка. Ты здесь в первый раз?

На ней халат, похожий на коврик для пикника, весь в красных и зеленых полосках.

— Я не помню, чтобы видела тебя раньше, а я тут видела много детей.

У нее темные волосы и пирсинг в носу. Она очень красивая.

Я беру пульт, висящий у кровати, и нажимаю на него, чтобы кровать поднялась до сидячего положения. Коже больно от соприкосновения с простыней, которая по ощущениям похожа на наждачную бумагу.

— Сколько тебе лет? — Она не дожидается ответа. — Мне почти пятнадцать, но окружающие говорят, что я выгляжу старше. — Девушка произносит это так, будто ждет от меня подтверждения. Я молчу. — Ты уже была здесь?

Я качаю головой.

— Вот бы не подумала. Я здесь уже в десятый раз. Я самый ужасный случай в их практике.

Я осматриваю ее. Ее темные волосы жирные и тонкие, но никаких других проблем я у девушки не вижу.

— Ужасный случай чего?

— Псориаз.

— Сор... что?

Она смеется.

— Да, это сор. Псориаз. Произносится так: псориаз. Это кожное заболевание.

Я изумленно смотрю на нее. Думаю, я нашла бы описание этого, если бы смогла выйти в интернет.

— Можно мне посмотреть?

Девушка пожимает плечами.

— Я покажу тебе свои болячки, если ты покажешь мне свои.

Она снимает халат и кидает его в сторону. На ней свободные желтые пижамные шорты и хлопковая розовая майка. Но ее кожа, или то, что она из себя представляет, поражает меня. Я забываю о манерах

и ахаю. Я знаю, что сейчас поступаю так, как люди поступают со мной, но ничего не могу с собой сделать. Я никогда раньше не видела ничего подобного. Есть небольшие участки чистой кожи, но остальное покрыто большим количеством толстых шелушащихся красных и фиолетовых рубцов, идущих по всему телу. Это чудовищно.

— Это называется бляшка, — говорит Билли, оборачиваясь через плечо и поднимая майку, чтобы продемонстрировать свою спину. Она показывает на круглый участок, отделенный массой фиолетового нароста. Она будто облачена в своего рода доспехи. Повреждения находятся практически на самом верху кожи. Я почти думаю о том, что можно было бы взять молоток и стамеску и отколоть их, оставив на их месте свежую розовую кожу.

— Это непохоже на бляшку на ремне, правда? Как думаешь? Впечатляет, да?

Впечатляет — не то слово, которое бы я использовала для описания этого. Я переживаю, что у меня ужасная кожа, а она живет вот с этим.

Я ничего не знаю. *Ничего.*

— Они всегда были? — спрашиваю я.

Билли опускает майку и опять устраивается на кровати, скрестив ноги. Ее ноги тоже покрыты

бляшками. Она как человек-картинка для рисования по точкам.

— Когда я была моложе, они уже были, но всё стало сильно хуже. А что с тобой? Пришло время для моей экскурсии.

Я думаю, что у меня и близко нет ничего похожего на то, что есть у Билли. На самом деле я странным образом чувствую благодарность за то, что *есть* у меня. Иногда, когда всё идет не так, папа говорит, что стоит помнить — в мире всегда есть кто-то, кому хуже, чем тебе. Может быть, он прав.

Я откидываю одеяло, чтобы обнажить свои бинты. Повязка под коленом отлепилась, поэтому я ее отворачиваю и приподнимаю. Билли подходит и присвистывает.

— Ого! Тебя кто-то поджег?

— Это называется хронический атопический дерматит. У моей кожи началось заражение. Я под капельницей.

Я показываю на иголку, торчащую с тыльной стороны ладони и заклеенную пластырем.

— Это кошмар! — Она наклоняется, рассматривая меня ближе. Я замечаю, что на коже головы у нее тоже рубцы, заметные сквозь волосы. — Я рада, что у меня нет того, что у тебя.

Этого достаточно, чтобы я громко рассмеялась.

— То, что у тебя, *определенно* хуже того, что у меня.

— Ну нет.

— Да! Это выглядит как Большой взрыв!

Мы сидим и болтаем, смеемся, спорим, у кого состояние кожи хуже. Потом она забирается ко мне в кровать, и мы прижимаемся друг к другу, продолжая болтать. Мы говорим всю ночь. Даже медсестры начинают ворчать и грозятся нас расселить.

Наконец Билли отправляется к себе в кровать.

Я закрываю глаза с улыбкой. Конечно, мы в больнице, и тут нет ни пиццы, ни фильма, но это была классная гостевая ночевка.

ГЛАВА 21

— Сюда! — шепчет Билли, ведя меня за руку по коридору.

Уже за полночь, и это моя пятая ночь здесь. Мы оглядываемся на сестринский пост. За столом только одна медсестра, ее голова опущена вниз за горами бумаг. Рядом стоит дымящаяся чашка кофе.

— Куда мы идем? — шепчу я.

Билли прижимает палец к губам. Я тащусь за ней в больничном халате длиной до пола. Билли высокая и худая — тоньше, чем мне показалось сначала, — и ее тонкая фигурка просвечивает в каждом освещенном дверном проеме, что мы проходим.

Она распахивает несколько дверей, прежде чем мы попадаем в следующий коридор, и, похоже, Билли знает, куда направляется. Очевидно, что она здесь была не один раз.

Мы подходим к двери со знаком Министерства охраны труда Австралии. Билли втягивает меня внутрь и закрывает дверь. Здесь крошечная тьма. Она зажигает свет, и мои глаза постепенно привыкают. От пола до потолка тянется ряд встроенных металлических полок. Свободен лишь один квадратный метр пространства, и всё. Билли берет синее ведро для мытья пола и переворачивает.

— Садись.

Я сажусь и смотрю, как она шарит по карманам синей куртки, висящей на двери. Она достает пачку сигарет.

— Покурим?

— А как же твоя кожа?

— А что с ней?

— Ты больна.

Билли смотрит на меня непонимающе.

— Мы больны, — говорю я.

Она вздыхает.

— Я не собираюсь всё пропускать только потому, что больна.

Билли протягивает мне сигарету.

Я не знаю, станет ли моей коже хуже от курения, и, по правде говоря, не очень хочу узнавать. Уж точно не лучше.

— Я пас, — говорю я, съеживаясь от мысли, что Билли решит, будто я трушу.

Она пожимает плечами и зажигает огонь.

— Как хочешь.

Я смотрю на полки с моющими средствами: белые банки и фляги с белыми порошками. На некоторых есть изображение перечеркнутого огня. Предупреждение об опасности. Надеюсь, мы из-за нее не взлетим на воздух. Я приехала сюда, чтобы вылечиться, а не умереть.

— Видишь это? — показывает она.

Маленькие квадратные часы в металлическом корпусе стоят на полке рядом с бутылкой розовой моющей жидкости.

— Да.

— Двенадцать тридцать — время кофе-брейка.

— Какого кофе-брейка? Сейчас двенадцать тридцать.

Она выдыхает дым.

— Угу.

Как по сигналу, открывается дверь и ударяет по моему сиденью-ведру. С громко стучащим сердцем я отодвигаюсь. Нас сейчас поймает охранник или медсестра. Родители будут в бешенстве.

Вместо этого входит парень, лет пятнадцати-шестнадцати, с ужасными углями. У него синий ирокез и шипованный кожаный браслет.

— Что за?.. — произносит он.

Билли наклоняется через него и захлопывает дверь.

— Привет, Энтони. Где ты был так долго? — Она не дожидается ответа. — Это Эс Джей, она живет у Большого лобстера. Мы подумали, почему бы не навестить тебя.

— Привет, — говорит он мне. Угри покрывают всё его лицо. В некоторых местах он, кажется, выдавил их и сделал только хуже. Я вспоминаю мамины слова о том, что прыщи появляются из-за гормонов, и мне становится его жаль. Как только мама могла решить, что прыщи лучше сухой кожи?

Билли протягивает ему свою сигарету. Он затягивается и кладет ее на край полки с большой зеленой бутылкой с химикатами. Я опять задаюсь вопросом, скоро ли нас будут отскребать от потолка.

— У тебя то же самое?

До того как я успеваю ответить, Билли говорит:

— Ага. Отстой, да?

— Я тебе говорил. Я свожу тебя в «Хангриз» за бургером. Это тебя вылечит.

Он кладет одну руку ей на талию.

— Тебе надо больше сладкого, моя сладкая.

У них начинаются телячьи нежности, и я не знаю, куда смотреть.

Билли отстраняется.

— Надо идти. Ты когда заканчиваешь?

— В шесть тридцать. Жаль, что ты не хочешь пойти со мной. Мы могли бы сходить в кафе, когда я закончу.

Она ему улыбается, но не отвечает. Потушив отвратительно воняющую сигарету о банку Sprite на полу, Билли берет меня за руку, и мы выскальзываем за дверь. Мы идем вдоль коридора.

— Ему почти семнадцать, — шепчет она. — Его отчислили из школы, и он устроился на работу уборщиком. Но он не неудачник, поверь мне. На выходных Энтони занимается серфингом. Хочет стать профи.

— Как тебе удалось... ну, знаешь...

— Что?

— Понравиться ему. С твоей внешностью?

Билли останавливается и вталкивает меня в боковой коридор рядом с туалетами.

— Забавно, как ты сразу забыла тот факт, что у него тоже проблемы с кожей, — говорит она раздраженно.

Билли права. Я забыла. Почему я более снисходительна к парням?

— Прости. Я не хотела...

— Знаешь, что я думаю? Я предполагаю, что, если бы у меня не было этого заболевания, я бы постоянно путалась с мальчиками. Я бы не могла

остановиться. Я бы целовалась со всеми и всегда. В этом смысле моя болезнь — это хорошо.

Она развязывает халат и обнажает кожу в рубцах.

— По крайней мере я буду знать, что тот, с кем я в итоге окажусь, полюбит меня не только из-за внешности.

Билли опять завязывает халат и берет меня за руку. Мы возвращаемся в палату.

После того как Билли задремала, я не могу перестать думать. Я наказана за то, что хочу целоваться с мальчиками? Позволила бы я Сэму коснуться не только моей спины тогда на дискотеке? Желала ли я чего-то плохого?

Я хочу хорошо выглядеть, но этого хотят и другие девочки, так ведь? Как бы они продавали все эти глянцевого журналы, если бы только я хотела быть привлекательной?

Почему тогда наказали именно *меня*?

ГЛАВА

— Как вкусно.

Папа сидит в кресле у моей кровати, уплетая шоколадные конфеты из коробки, которую бабушка прислала в подарок в честь моего выздоровления. Он предлагает одну маме. Она кривится, и папа пожимает плечами.

— Мне больше достанется.

Середина утра. Билли в процедурном кабинете, проходит лечение ультрафиолетовым излучением. По большому счету они помещают ее в солярий (без шуток) и облучают этим странным синим светом. Судя по всему, ей помогает.

— Что у тебя было на завтрак? — спрашивает папа.

— Яичница. Холодная и резиновая.

Он усмехается.

— Больничная еда — это кошмар.

— *Эс Джей*, — стонет мама. Она перебирает мое использованное белье, складывая его в пакет, чтобы отнести в мотель и постирать. — Доктор сказала, что ты должна есть всё, что тебе нравится. Ты больше не на диете.

— И ты не против? — спрашиваю я. — Ты была так уверена, что это должно сработать. Что, если новые врачи ошиблись?

— А что, если ошиблась старый врач? — спрашивает папа. — Мы не можем продолжать играть в эту игру.

— Но мы же не знаем точно, правда? — говорю я. Мама вздыхает.

— Не знаем. Поэтому я настаивала, чтобы ты использовала диету наилучшим образом. Ты соблюдала ее достаточно долго. Думаю, мы можем признать, что она практически ни к чему не привела. Жаль. Я бы хотела, чтобы ответ оказался простым. Очевидно, это не так. Теперь ты спокойно можешь выбрать что-нибудь еще для еды, *Эс Джей*.

— Но мне нравятся яйца.

Мамины брови поднимаются на невиданную высоту. Думаю, она знает, что я лгу. Мама понимает, что я просто боюсь есть обычную еду.

Очевидно, это понимает и папа.

— Начни с малого, — предлагает он, отправляя конфету в рот. — В следующий раз добавь к яйцам томатный сок.

Я закатываю глаза.

— Хорошо.

Папа протягивает мне коробку конфет. Я качаю головой.

— Мне еще долго придется здесь находиться?

Мама отбирает коробку у папы и кладет ее в мою прикроватную тумбочку.

— Доктор считает, для выздоровления потребуется еще недели две.

— Выздоровления?

Мама вздыхает.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Я никогда не выздоровею, разве не так?

Горячие слезы обжигают мои глаза. Не знаю, почему я плачу, — я уже должна бы к этому привыкнуть. Иногда мне кажется, что все эти чувства вырываются из ниоткуда без всякого предупреждения. Они просто наполняют меня и взрываются.

— Не говори так, милая. — Мама гладит меня по руке. — В будущем может появиться лекарство.

— Быть может, выздороветь — не лучшее слово для этой ситуации, — говорит папа, бросая на маму многозначительный взгляд. — Нам нужно научиться

справляться с твоим заболеванием и держать его под контролем.

— Но я не могу держать его под контролем! Они так этого и не поняли? Неужели они думают, будто это была моя вина?

— Я не имею в виду, что ты должна *контролировать* это, дорогая. — Папа дотягивается до моей второй руки. Теперь у них обоих по руке, и они тянут меня вперед-назад, то в одну, то в другую сторону. — Вот что я хотел сказать: мы должны быть бдительны и продолжать лечение.

В дверь просовывает голову медсестра.

— Вам звонят.

Она показывает на телефон у моей кровати. Там горит маленькая красная лампочка. Должно быть, он наконец работает.

Я беру трубку.

— Алло?

— Эс Джей?

Это Ливви.

— Привет. Ты можешь повисеть минуту?

Я прикрываю трубку и делаю родителям знак.

— А, мы тогда подождем в коридоре? — Мама тянет папу за руку.

Он открывает мою тумбочку и, перед тем как уйти, берет еще одну конфету. Мама ругает его, говоря,

что папа умрет от сердечного приступа, если не будет осторожен.

— Привет, Ливви.

— Привет! Поверить не могу, что наконец до тебя дозвонилась! Я пыталась тебе звонить так много раз!

— Правда?

— Конечно! Но линия всё время занята или никто не отвечает.

— Как ты узнала, что я здесь?

— Все знают.

Я задерживаю дыхание. Тайное стало явным. Возможно, это известно всему городку.

— Эс Джей? Ты здесь?

— Что говорят?

Я почти уверена, что не хочу знать.

— Что ты обгорела.

— Обгорела?

— Мали была в больнице в тот день, когда мама привезла тебя на скорой.

Я не помню там Мали. С другой стороны, мне было довольно плохо, и я мало что замечала. Интересно, что она видела.

— Почему Мали была в больнице?

— Она не сказала. Думаю, навещала кого-то. Она сказала, что тебя катили на кресле по коридору и твои руки и ноги выглядели обгоревшими.

Я думаю, как с этим быть, но Ливви не оставляет мне шанса:

— Это из-за кожи, да? Я имею в виду, я видела, как ты чешешься — *часто*. У тебя крапивница? У моего дяди Барри крапивница. Ну, у риелтора, помнишь? Кажется, ее правильное название уртикария.

Я не отвечаю. Я даже не знаю, что такое уртикария. Может, это как псориаз?

— У тебя же не было свинки, правда? Мне это неважно. Я видела, как ты чешешься, но я не думаю, что ты плохо выглядишь или что-то в этом роде.

А я полагала, что так хорошо всё скрываю.

— Сэм очень за тебя переживает.

— Он переживает за *девчонку-лобстера*?

— Ого. Это грубо. Ты не должна так себя называть.

— Почему нет? Это правда.

— Знаешь, я с трудом заметила, что с тобой что-то не то. Каждый раз, когда я тебя видела, в школе или на выходных, ты отлично выглядела. Слегка красноватая, и всё.

Она не знает, как долго я подбираю одежду, прежде чем выйти из дома. Всё подчинено тому, какая одежда прикрывает какие части тела. Никогда в жизни я не смогу пойти в модный магазин и купить красивое платье просто потому, что оно красивое. Я выберу его, потому что оно закрывает мои

ноги, руки, грудь, шею. Потому что у него плотный или темный материал и сквозь него не будет проступать кровь с кожи.

— Я омерзительна, Ливви.

— Неправда. У моего двоюродного брата Адама однажды была сыпь. А теперь она прошла. — Длинная пауза. — Погоди-ка. Это из-за этого ты спрашивала про экзему у моей мамы на ногах?

Ливви тогда сказала, что ее раны были язвами.

— Я думала, что у твоей мамы то же, что и у меня.

Когда она наконец заговаривает, ее голос звучит по-другому. Он звучит угрюмо.

— Если ты так заботаешься о том, что подумают люди, можешь и дальше прятаться.

— Что?

— Прячься. Не выходи из дома. Оставайся весь день в своей комнате.

— Я стесняюсь, ясно?

Я чувствую, как у меня сводит живот и глаза наполняются слезами. На какое-то мгновение мне показалось, что Ливви сможет понять. Но она не понимает. Никто из здоровых людей не сможет понять. Как они поймут?

— Нормально — это то, как *ты* выглядишь, Ливви. Уверена, ты никогда не думала дважды, прежде чем надеть шорты! Чего ты вообще когда-нибудь

стеснялась? Со своими идеальными загорелыми ногами!

Я знаю, что это звучит гнусно, но ничего не могу с собой поделать. Правда в том, что я завидую — завидую тому, что она родилась с такой хорошей внешностью, а я нет.

— Моя мама не выходит из дома, потому что очень стесняется того, как она выглядит.

— Серьезно? Ну она может сесть на диету и сбросить вес! Я перепробовала всё, чтобы вылечить свою кожу. Лечения нет. Всё, что нужно сделать твоей маме, — это перестать есть и начать немного заниматься. Это довольно просто на самом деле.

— Ты правда так думаешь? — Ливви кричит в трубку. — Позволь кое-что рассказать тебе, мисс Всезнайка. У мамы патологическое ожирение. Так говорят врачи. Это болезнь — настоящая болезнь. Она всегда хочет есть. Нет кнопки «выключить». Мама никогда не чувствует сытости. И врачи говорят, что она переедает, чтобы наказать себя.

— Наказать себя?

— Ага. Мама была очень активной, но после того, как повредила спину, больше не могла делать ничего из того, что делала раньше. Ты никогда не задумывалась, что когда ты так выглядишь, то жутко себя ненавидишь? Мама продолжает есть, потому

что еда для нее как лекарство. На какое-то время она чувствует себя лучше, но в конце концов всё становится только хуже.

Внезапно я почувствовала себя просто ужасно. Люди строят предположения обо мне и *моей* болезни, но я делаю то же самое в отношении мамы Ливви.

— Мама сидит перед телевизором весь день, потому что стесняется выходить и постоянно чувствует боль. Как думаешь, что у нее за жизнь, спрятанная от всего мира?

— Думаю, это не жизнь, — говорю я тихо.

— Верно. Поэтому даже не думай прятаться, ясно? Не наказывай себя за то, что не можешь вылечить! Смирись с этим! У нас у всех проблемы.

Гудки раздаются эхом у меня в ушах.

ГЛАВА

Я лежу в глубокой больничной ванне из нержавеющей стали, и на меня со стен смотрят холодные серые плитки. Лосьон плавает на поверхности воды, как нефтяное пятно. Толстые ребристые шланги обвиваются вокруг кранов таким образом, чтобы медсестры могли крепче их ухватить и повернуть, чтобы искупать меня. Дверь не запирается. Потому что, если я поскользнусь и поранюсь, медсестры не смогут попасть внутрь. Я держу один душ на груди, другой между ног. Не то чтобы там было на что смотреть, но я не хочу, чтобы кто-нибудь смотрел, а это то же самое.

Я зажмуриваюсь и загадываю желание стать красивой. Я желаю этого всем своим существом. Я представляю, что я шикарная модель, плавающая в подсвеченной ванне, усыпанной лепестками

роз и полной пышной пены. Меня фотографируют. Фотограф говорит мне, как позировать. Он говорит так: *«Да, вот оно. Повернись так. Задержись в этой позе. Ты шикарна! Ты ангел! Работаем, работаем!»*

В дверь стучит медсестра. Она говорит, что меня ждет обед. Я опять заказала яичницу. Медсестры не заметили, у них слишком много хлопот с другими пациентами, чтобы проверять это. Я пообещала себе, что скоро начну есть другую еду, просто мне нужно еще немного времени, чтобы привыкнуть к этой мысли. Я вылезаю, беру полотенце и промокиваю кожу. Мне нельзя себя тереть, потому что это может вызвать дальнейшие повреждения. Моя увлажненная кожа становится сухой, как бумага, в считанные секунды. Я зачерпываю огромные пригоршни сорболонового крема и обмазываю себя. Мгновение назад я ощущала себя чистой, теперь я опять чувствую себя грязной. Грязной, грязной, грязной. Я не могу достать спину, чтобы нанести туда крем, но не зову медсестру. Я устала от того, что меня трогают случайные люди. Мое тело мне не принадлежит — это общественная собственность.

Вернувшись в кровать, я загребаю полную ложку резиновой яичницы, впихиваю ее в себя и жую. Билли нет. Наверное, она проходит лечение ультрафиолетом. Мы шутили, что больница может

организовать у себя спа — с ее солнечными ваннами и моими масляными.

Я засовываю в себя еще ложку. Что-то не так. У меня странное чувство в горле — оно будто опухло и першит, а губы онемели. Я делаю глоток воды. Провожу языком по нёбу. Оно кажется странно толстым. А в горле ощущение... зуда?

Я оттягиваю кожу на шее, будто это поможет как-то ослабить горло. В животе появляются острые боли. *Что со мной происходит?* Я глотаю еще воды. Губы кажутся напряженными и опухшими. Кажется, что горло закрывается. Я кашляю так и эдак, но это не помогает.

Я встаю и случайно роняю поднос на пол. На звук прибегают медсестры. Они подбегают, бросают на меня взгляд, и одна из них нажимает на кнопку на стене. Другая достает кислородную маску и надевает ее мне на лицо.

— Дышать можешь? — спрашивает она.

Я киваю. Показываю на живот. Теперь там ужасные спазмы. Я подтягиваю ноги к груди, пытаюсь сжать боль. Медсестра хватает мою карту, листает страницы, стараясь что-то найти. Еще одна медсестра приезжает с тележкой, и они обе перебирают маленькие белые бутылочки сверху. Медсестра наполняет мой зеленый стакан водой.

— Глотать можешь? — спрашивает она.

Я киваю. Я думаю, что могу. Она сует мне в руку маленькую голубую таблетку.

— Проглоти это.

Другая медсестра протягивает мне кусочки льда в стакане.

— Рассасывай их. Думаю, у тебя аллергическая реакция. Нам нужно контролировать глотание. Мы только что дали тебе сильный антигистаминный препарат. Он скоро должен начать работать. Если этого не случится, возможно, нам придется ввести тебе инъекцию адреналина.

Я не понимаю, о чём они говорят. Инъекцию чего?

Я возвращаюсь в кровать, обхватываю живот, меня разрывает от боли. Мои внутренности сокращаются. Меня пронзает острая боль сзади. Мне нужно в туалет — *сейчас же*.

Я откидываю простыни, поднимаюсь с кровати и несусь в близлежащий туалет. Медсестры следуют за мной, не останавливая меня. Будто знают, что случится следом.

Я сижу на унитазе, и из меня хлещет жидкость. Я *никогда* не испытывала подобной боли. Боли, из-за которой тебе хочется умереть. Одна медсестра остается со мной и гладит по спине, другая уходит. Я не знаю, куда она пошла. Может быть, позвать еще помощь?

— Вот так, милая, — говорит медсестра, глядя меня по спине. — Избавляйся от этого. Всё будет хорошо.

Моему позору когда-нибудь настанет конец? Она кладет мне сзади на шею холодное полотенце и говорит, что скоро всё закончится. Меня рвет. Куски непереваренного яйца плавают в зеленой миске. Ощущение, что мое тело вывернули наизнанку.

Между приступами боли, рвоты и диареи я сосу кусочки льда. Зажим в горле ослабевает, и теперь мне легче дышать. Я хватаюсь за поручень у унитаза — тот, что, как я думала, предназначен для стурушек, но сейчас его использую я, тринадцатилетняя девочка. Я рада, что он здесь есть. Я поднимаюсь на ноги и натягиваю трусы.

И что бы вы думали? У меня еще и месячные. Теперь медсестра видела всё. *Как она может выносить такую работу?*

Я начинаю рыдать.

Медсестра дает мне прокладку.

— Всё в порядке, милая. Вот так.

Она помогает мне приклеить ее на место.

— Воспринимай это как хороший знак. Когда тело девушки испытывает стресс, иногда менструации прекращаются. Твое тело с этим справляется. Ты сильная и смелая.

Сестра помогает мне дойти до кровати. Я ложусь на бок, подтягивая колени к животу. Режущие боли всё ещё остались, но уже не такие острые. Я чувствую невыразимую усталость. Медсестра объясняет, что этот антигистамин вызывает сонливость. Она говорит, что сон — это хорошо. Медсестра гладит меня по лбу и уговаривает закрыть глаза.

Эта мысль меня пугает.

— А что, если я не смогу дышать?

— Мы этого не допустим. — Она проводит рукой по моему лбу. — Я всё время буду здесь.

Я позволяю ей гладить меня по лбу, радуясь легким прикосновениям. У нее теплые и мягкие руки. Как и остальные, она не надевает перчатки.

— Спасибо, — шепчу я.

— Не за что, милая.

Мои веки тут же тяжелеют.

— Что произошло? Я не понимаю.

— Я не могу сказать точно, пока доктор не поставит диагноз, но подозреваю, что суфле, киши и пирожные придется исключить из меню.

— Что?

— Надо сказать твоим родителям: больше никаких яиц.

ГЛАВА

— Ну что, теперь у тебя аллергия на яйца?

Билли достает толстый синий блокнот из ящика тумбочки и кладет на сервировочный столик. Она что-то в нем пишет, в перерывах покусывая ручку и болтая. В этом блокноте Билли делает записи с того момента, как сюда попала. У меня не хватило духу спросить о чём. Я думала взглянуть одним глазком на него, когда ее нет в комнате, но не смогла себя заставить это сделать.

— Ага, отстой, да ведь?

Я убивала время привычным способом: читала и еще читала. Мама принесла пару книг из библиотеки и еще пару купила. Продавец в магазине обратил ее внимание на книгу «Дени» американской писательницы Джудит Блум. Она сказала, что для меня книга будет иметь смысл, что бы это ни значило.

— Обалдеть, Эс Джей, — бормочет Билли с ручкой во рту, — ты не даешь врачам расслабиться.

— Похоже на то.

Я откладываю книгу в сторону и откидываюсь на кровать, задрав халат до пояса, чтобы любоваться своим животом, который теперь почти без изъянов. Обертывания и антибиотики делают свое дело. Я трогаю свой гладкий пупок, вспоминая, как наклеивала туда стразы перед дискотекой. Сейчас я думаю о Сэме.

Билли продолжает писать.

— И что ты теперь будешь делать с яйцами?

— Доктор сказала, мне надо читать этикетки на всём, что я ем, чтобы избегать яиц или яичных продуктов.

— Что такое яичный продукт?

— Штуки вроде яичного альбумина — ну, знаешь, яичного белка? Ты знала, что вакцина от гриппа выращивается в яйцах? Мне теперь нельзя прививаться от гриппа.

— Это значит, что ты можешь умереть от гриппа?

— Не знаю. Может быть.

Билли присвистывает.

— А что случится, если ты, не знаю, где-то в кафе случайно съешь что-нибудь с яйцом?

— Я могу задохнуться и умереть.

Она вытаращила глаза.

— Что, правда?

— Но у меня с собой в сумочке будет шприц с ад-
реналином — эpineфрином. Если я не смогу дышать,
мне придется воткнуть его себе в ногу. Он заставит
сердце работать до того момента, когда приедет ско-
рая. Доктор показала мне, как это делать. У них есть
шприцы для практики.

— Тебе придется самой себе делать укол? Как
в «*Криминальном менте*», когда они втыкают игол-
ку ей в грудь?

Я не видела этот фильм.

— Вообще-то в бедро.

— Ну, — говорит она с улыбкой, — можно по-
смотреть на это с другой стороны. Если тебе нель-
зя есть печенье и пирожные, ты будешь более здо-
ровой, так ведь?

— Пожалуй.

Вдруг Билли смотрит на меня, будто увидела
привидение.

— О боже! Скажи мне, что в шоколаде нет яиц!

Я смеюсь.

— Не во всём. Бабушка уже проверила. У нее есть
специальная онлайн-таблица, где могут смотреть
ингредиенты люди вроде меня.

Билли падает на кровать, поднеся руку ко лбу.

— Я бы не вынесла, если бы не смогла есть шоколад.

Я пытаюсь сменить тему. Я устала разговаривать о себе. Такое ощущение, будто я только и делаю, что говорю о себе.

— А что ты пишешь?

— Это? — Она поднимает книгу. — Это... м-м-м... стихи. — Билли строит гримасу. — Знаю, звучит ужасно. Думаю, они примерно такие и есть. Однажды я превращу их в песни. Доктор говорит, писать полезно. Полезно для головы. А что тебе сказал твой доктор, что ты должна делать?

— Делать?

— Ну да.

— Мне доктор ничего про это не говорила.

Она кусает губу.

— Мой сказал, что я должна делать что-то, чтобы мозг мог отвлечься и перестать об этом думать.

— И помогает?

Билли пожимает плечами.

— Вроде да. Иногда я пишу о том, что чувствую, — и выплескиваю на бумагу всё плохое. Лучше всего в этом то, что в своих стихах я могу быть красивой. У меня молочно-белая кожа или загорелые ноги. Нет никаких границ.

— Так ты пишешь о том, какой *хочешь* быть?

— Это называется визуализация. Некоторые говорят, что, если представляешь что-то достаточно упорно, оно становится реальностью.

— Как желание?

— Наверное.

Я желала стать красивее столько раз, что не могу даже вспомнить. Если это не работало раньше, почему должно сработать сейчас? Билли захлопывает свой блокнот.

— Ты когда-нибудь представляла, что твои родители выигрывают в лото? Думала о том, сколько всего ты бы смогла купить?

Я не знала, что кто-то еще так делает.

— Да! Я распределяла в уме выигрыш. Путешествия, машины, дома, одежду... Это круто.

— И когда ты погружалась в эти мысли, ты становилась счастливее?

— О да.

Она развязывает халат и убирает его в сторону. Передо мной ее живот и ноги в фиолетовых пятнах. Пятна на животе стали светлее, будто выцветшие чернила. Должно быть, ультрафиолет работает.

— Я ничего не выиграю от того, что буду переживать из-за своей болезни. Это ничего не изменит

и не заставит ее исчезнуть. Думаю, лучше всего себя как-то отвлекать.

Я сразу представляю маму Ливви, которая постоянно ест. Еда — это еевлечение.

Воспоминание о маме Ливви заставляет меня подумать о самой Ливви. Я не говорила с ней после того, как она повесила трубку. У меня сердце колет всякий раз, когда я думаю о ней. Что, если она больше не захочет со мной дружить?

— О! Что касается письма! — говорит Билли. — Я должна отдать тебе вот это.

Она запускает в меня розовым конвертом, который уже открыт.

— Оно попало в мою пачку. Прости, что открыла. Думала, это мне.

Я достаю открытку. На ней карандашом нарисованы яркие (но совершенно ужасные) цветы. Наверное, от Дилана или Роуна. Открываю. Еще не прочитав текст, ищу глазами подпись.

Это от Ливви. Сердце начинает стучать быстрее.

Дорогая Эс Джей,

прости, что так грубо разговаривала с тобой по телефону. Я скучаю. Я очень хочу, чтобы ты поскорее выздоровела. Школа — отстой. Выходные

*тоже. Но хорошие друзья всегда делают их лучше.
А ты хороший друг. Мой лучший друг.*

Люблю тебя.

Ливви

*P. S. Я знаю, что ужасно рисую. Я старалась.
Прости.*

Я схватила письмо, смеясь и плача одновременно.
Ливви меня не забыла. Она даже не злится.

— Хорошие новости? — спрашивает Билли.

— Да. Лучшие.

Я ставлю открытку на тумбочку. На самом деле цветы довольно забавные. Думаю, это как раз то, о чём говорят: «Важен не подарок, а внимание». Ливви не стала покупать мне открытку, она потратила свое время, чтобы ее нарисовать. И из-за этого открытка мне нравится еще больше.

— Саманта Бэклер?

В дверях стоит блондинка. Это та девушка, которая задала вопрос о психотерапии во время практики у доктора Пирсон, та, что носит очки в черной оправе с толстыми стеклами.

— Привет, Эс Джей. Мы могли бы пойти в холл и немного поболтать?

Я пожимаю плечами.

— Помни, это только разговор, хорошо? Девчонка с девчонкой.

— Ладно.

Я вытягиваю руки, чтобы показать, что моя кожа стала лучше. Она выглядит почти нормальной.

— Видишь? Мне уже лучше.

Она дотрагивается до моей руки, проводя по ней ухоженными ноготками.

— Очевидно, это огромное улучшение. Должно быть, ты счастлива?

— Ага.

— Штука в том, Эс Джей, что иногда мы лечим физические проявления болезни, но забываем о холистическом подходе.

— Холи... каком?

— Холистический подход подразумевает, что мы рассматриваем что-либо целостно — тело, мозг, душу.

— Вы хотите вылечить мою душу?

Арни мотает головой.

— Я не очень хорошо это формулирую. — Она снимает очки и протирает их краем рубашки. — Я имею в виду, мы не можем лечить одну только болезнь. Нам также необходимо учитывать и то, как она влияет

на психическое здоровье человека. В твоём случае, я думаю, страдать хроническим дерматитом — это ужасный стресс и неудобство, так ведь?

Не могу поверить. Она всё правильно понимает.

— «Неудобство» — недостаточное слово, — говорю я.

Ликую: кто-то готов меня слушать! Никто не знает, каково это. Пока я не встретила Билли, никто не мог меня понять. Все мои друзья дома — Ливви, Мали, Хайди — идеально выглядят и по-настоящему привлекательны. Нет никакого шанса, что они поймут.

— У тебя подруги с идеальной внешностью? Думаешь, они красивые?

— Ну да! — Я говорю это так, будто сама мысль об обратном невероятно глупа. — Видели бы вы их.

— А ты когда-нибудь задумывалась о том, что они тоже могут считать *тебя* красивой?

Она что, сошла с ума? Я? Красивая? Но потом до меня начинают доходить ее слова. *Что они видят, когда смотрят на меня?* Хайди и Мали никогда ничего не упоминали о моей коже. Я к тому, что только Ливви однажды спросила про мое красное лицо, но в целом, если не считать Рори Максфилда, никто ничего об этом не говорит.

— У многих людей есть какие-нибудь болезни. Обычно никто не проживает свою жизнь абсолютно

здоровым. Суть в том, что некоторые проблемы со здоровьем более заметны, чем другие. Твоя проблема из заметных. Могу себе представить, ты, наверное, беспокоишься о том, как бы ее скрыть, да?

Это просто преуменьшение века. Меня тошнит от постоянных мыслей о моей болезни. Тошнит от необходимости придумывать способы ее скрыть. Тошнит от мечтаний об излечении. Тошнит слушать, как об этом спорит моя семья. Я уже не знаю, кто я без своей болезни.

— С такими ощущениями живут многие. Ты знала, что некоторые люди с угревой сыпью тоже испытывают сильное стеснение? Некоторые люди с темными родимыми пятнами на лице так стесняются, что закрывают их с помощью макияжа или темных очков. Кто-то так стыдится своей внешности, что убегает от мира. Они прячутся.

— Например, если у тебя слишком большой лишний вес? — спрашиваю я, думая о маме Ливви.

Она кивает.

— Но почему нельзя придумать лекарство, чтобы вылечить мою кожу?

Я начинаю плакать. Не хочу, но слезы всё равно текут. Разговор с Арни вытащил наружу то, что я всё время прячу. Оно всегда со мной, но не на поверхности.

— Сейчас я думаю, что всё, что мы можем сделать, — это помочь тебе управлять своим состоянием и самочувствием.

— Но почему нельзя вылечить?

Мысль о том, что лекарства не будет, сводит меня с ума. Бóльшую часть своей жизни я провела, убеждая себя, что излечение скоро наступит. И мама тоже. Как я могу перестать мечтать об этом? Надежда на излечение помогает мне идти вперед.

— Возможно, *вылечить* или выздороветь — это не лучшие мотиваторы...

Арни говорит ровно то же, что и папа. Маме бы это не понравилось.

— Значит, мне надо отказаться от надежды? Мама считает, что это самое ужасное, что я могу сделать.

— Нет. Это значит быть реалистом и стараться держать свое состояние под контролем.

— Ненавижу, когда так говорят! Я не могу это контролировать! Мама считает, что есть способ вылечиться. Она всегда старается меня вылечить.

— Я уверена, что мама любит тебя всем сердцем. Это работа родителей: заботиться и защищать. Если бы у тебя был щенок с сыпью, которая сводит его с ума, неужели ты бы не сделала всё, что можешь, чтобы его вылечить?

Конечно, сделала бы. Я бы обошла весь мир и испробовала всё, что возможно.

— Проблема в том, я думаю, что твоя мама так сильно сосредоточилась на поиске решения, что излечение от дерматита стало важнейшим делом и для тебя. И поэтому я считаю, что тебе нужна психотерапия. Вероятно, ты могла бы присоединиться к группе поддержки, где стала бы общаться с теми, кто сталкивается с похожими проблемами. Хочешь, я организую это для тебя?

Я думаю о том, насколько лучше я себя чувствую после знакомства с Билли. И хотя у нас разные болезни, то, с чем она сталкивается, очень похоже на то, от чего страдаю я, — вся эта неловкость, зуд, шелушение кожи.

— Арни!

— Да?

— Я думаю, что ты будешь прекрасным врачом. Она обрадовалась.

— Ух ты! Спасибо! Пациенты ни разу не говорили мне такого.

— У меня никогда не было врача, который бы потрудился выслушать.

Арни подталкивает меня локтем.

— Ну тогда это первый раз для нас обеих, а?

Я смеюсь.

— Сто процентов!

ГЛАВА

— Уезжаешь? — спрашивает Билли, глядя, как я собираю вещи.

— Ага.

Меня выписывают. И я почти чувствую вину из-за этого. Сейчас я выгляжу намного лучше, чем тогда, когда только поступила сюда. Вообще-то я стала похожа на здорового человека. А Билли лишь чуть-чуть изменилась в лучшую сторону с того момента, как я с ней познакомилась.

Как обычно, она не унывает. Билли сидит со скрещенными ногами на кровати, листая страницы блокнота.

— Уф! — выдыхает она, стуча по странице. — Нашла!

— Что нашла?

— Твой почтовый адрес. Думала, потеряла.

Неделю назад мы обменялись почтовыми адресами. Билли решила, что может быть забавно писать друг другу старомодные письма на бумаге. Она протянула мне блокнот и попросила написать там адрес ее любимой фиолетовой ручкой. Вокруг я нарисовала ромашки, заполнив ими страницу.

Билли хранит свой блокнот закрытым либо на столике, либо в ящике тумбочки. Адрес бы не мог потеряться.

— Почему ты решила, что он потерялся?

Она махнула рукой.

— А, иногда я вырываю страницы.

— Правда?

— Мне не всегда нравится то, что я пишу. Иногда я перечитываю это и не чувствую себя лучше. Я просто злюсь. Или грущу. Если написанное не помогает, я избавляюсь от него.

Билли откидывает блокнот в сторону, поднимает на меня взгляд и видит мое недоумение.

— Что?

— Ну просто... Это же правда в тот момент, когда ты пишешь, разве нет?

— Конечно, правда. Но как только я это выпустила, я не хочу *продолжать* испытывать это чувство. Сосредоточение на плохом не всегда помогает. Нужно

идти вперед. Это как у тебя с книгами. Ты же отвлекаешься, верно?

Билли видела, что я прочитала немало книг за время нахождения в больнице. Я сама об этом не задумывалась — просто я всегда читаю. Наверное, это логично, если ты — дочь библиотекаря.

— Мне нравятся истории.

— Это понятно! Но *почему?*

Я пожимаю плечами.

— Наверное, потому что здорово оказаться где-то в другом месте.

— Именно!

Она свешивает с кровати ноги и болтает ими.

— Думаю, тебе стоит попробовать писать. Вовсе не обязательно делать это как я и писать о своих чувствах и чём-то подобном. Ты могла бы сочинить историю. Что-нибудь забавное.

Это хорошая идея. Я читаю достаточно книг. Может, и сама смогла бы писать?

— Я буду скучать по тебе, Билли.

Она встает, роется в верхнем ящике своей тумбочки и находит фиолетовую ручку. Потом подходит ко мне и вручает.

— Но это твоя любимая...

Билли вкладывает ее мне в руку.

— Теперь я хочу, чтобы она была у тебя.

Я обнимаю ее с силой.

— Я очень рада, что познакомилась с тобой.

— Я тоже. — Она целует меня в щеку. — Ты была лучшим, что случилось со мной в больнице.

В больничной аптеке фармацевт вручает мне большую коричневую сумку, запечатанную специальной лентой.

— Ну вот, милая! Посмотри, какая она большая! Практически подарочный набор!

Папа осматривает сумку и изучает содержимое.

— Полагаю, шоколада здесь нет?

Мама добродушно вздыхает:

— И не мечтай!

— Руки прочь, пап, — шучу я, — если он там и есть, то он мой. Ты и так уже расправился почти со всем моим шоколадом.

Я решила, что Арни права. Я должна перестать чувствовать неловкость и стать собой, а не своей болезнью. И если это значит покупать кремы и шутить над этим, то я так и буду делать. Не хочу об этом говорить или думать. Хочу делать и справляться с этим.

Я выхожу на улицу, на солнце. Здорово наконец почувствовать свежий ветерок на лице. Мы идем по зебре к парковке. Группа девочек на роликах

проносится со свистом мимо, голые глянцевые ноги отливают загаром. У меня в ушах звучат слова Ливви: «У всех проблемы». Интересно, какие проблемы у этих девочек на роликах? Может, одна из них завернет за угол, и ее собьет автобус. Надо ли мне завидовать их внешности?

— Идем в ресторан, отметим твое выздоровление! — говорит папа. — Тут недалеко есть прекрасное местечко с итальянской кухней. Мы там были недавно с мамой.

— А почему бы нет? — соглашается мама, кладя руку мне на плечо. Она целует меня в щеку и выглядит счастливой и расслабленной. — Мне нравится итальянская еда!

В ресторане официант наливает нам воду в стаканы и дает меню. Здесь полно посетителей, которые входят и выходят. Они одеты в строгие костюмы, в руках у них портфели. Вероятно, они проводят здесь свой перерыв на обед. На открытой кухне тарелки с блюдами греются под горячими лампами. На кухне часто звонят в колокольчик, чтобы официанты знали, что готово следующее блюдо.

Я смотрю в меню. Оно огромное — целая книга. Тут полно пицц, паст и запеканок. У каждого блюда есть картинка. Они выглядят восхитительно. Мой

желудок урчит. Я в восторге от того, что больше не нужно соблюдать диету или питаться больничной едой. Я ела шоколадки, которые мне купила бабушка (или то, что осталось после того, как туда запустил руку папа), и на коже не было никаких реакций. Ничего не произошло. Быть может, я смогу есть нормальную еду?

— Могу я предложить вам красного вина? — спрашивает официант.

Папа смотрит на маму. Мама пожимает плечами, улыбаясь. Они ведут себя так, будто правда на отдыхе.

— Почему нет?

Официант удаляется за напитками.

— О, я почти забыла! — говорит мама. — Нам нужно спросить, есть ли в блюдах яйца.

— Думаю, надо заказать пиццу, это должно быть безопасно, — предлагает папа. Но потом делает озабоченное лицо: — Если только они не кладут яйца в тесто?

Возвращается официант с напитками. С важным видом он декантирует* вино.

---

* Декантирование — переливание вина из бутылки в декантер (фр. *décanter*) — стеклянный графин специальной формы, предназначенный для подачи вина. Этот процесс позволяет снять с вина осадок и насыщает его кислородом.

— Итак, что я могу вам предложить? — Официант достает из-за уха ручку. Он напоминает мне официанта по имени Мануэль из старого сериала «Отель „Фолти Тауэрс“»*, который так любит папа.

— Я буду ньокки по-особому, — говорит папа.

Мама щелкает языком и показывает пальцем в меню.

— Фетучини с грибами, спасибо. Но не слишком много пармезана. И вообще без перца.

— Да, хорошо, мадам.

— Я буду пиццу с ветчиной и ананасами, — говорю я. — И на десерт шоколадное джелато.

Я захлопываю меню и отдаю его. Папа выглядит довольным. Он наклоняется ко мне и похлопывает по колену.

— Очень хорошо. — Официант берет меню под мышку. — Это всё?

— А, простите... — говорит мама. — У моей дочери аллергия на яйца. Вы не могли бы проверить у шеф-повара, нет ли их в ее заказе?

По его лицу пробегает недовольное выражение из-за дополнительной работы. Мне это неприятно.

---

* «Отель „Фолти Тауэрс“» — комедийный британский сериал 1970-х. Действие происходит в вымышленном отеле в Великобритании. Герои, среди которых неудачливый испанский официант Мануэль, попадают в различные смешные ситуации.

Мои щеки загораются. Когда он скрывается в кухне, я говорю маме:

— Но папа сказал, что пицца — это безопасно. И они же не станут класть яйца в джелато?

— Ну, немного осторожности не помешает. Я не хочу, чтобы ты задохнулась до смерти, лишив меня возможности насладиться едой.

Я понимаю, что она пытается шутить, но получается не очень-то смешно.

На сцену выходит папа.

— Да. К тому же мертвые тела довольно неприятны на вид. А если их оставить слишком надолго, всё помещение провоняет.

Возвращается официант.

— Тесто для пиццы делается с яйцом. Джелато тоже содержит яйца. — Он протягивает мне другое меню. — Шеф-повар говорит, что паста сделана с яйцом, а запеканка содержит яйцо в корочке с хлебными крошками. Салат «Цезарь» не подходит по очевидным причинам. Хм-м-м, не уверен насчет курицы с авокадо. Возможно, яйцо есть в белом соусе?

Посетители за соседним столиком поворачиваются, чтобы посмотреть на нас.

— Как насчет рыбы? Вместо того чтобы готовить ее в панировочных сухарях, мы можем ее просто обжарить. Возможно, добавим немного салата без

майонеза? А на десерт — тарелку сезонных фруктов? Получается довольно здоровая альтернатива. Мы предлагаем ее гостям с диабетом. И я предупрежу повара, чтобы использовал только чистую утварь и доски. Мы не хотим, чтобы частицы яйца попали к вам на тарелку.

— Обалденно, — говорю я, желая, чтобы это поскорее закончилось.

Официант поворачивается к папе.

— Сэр, я знаю, что вы не стали бы предлагать алкоголь несовершеннолетней, но могу ли я вас предостеречь от того, чтобы вы дали попробовать дочери хотя бы каплю?

— Я бы в любом случае не стал, но... — начинает отвечать папа.

— Видите ли, при очищении вина от примесей яйцо используется в качестве своеобразного фильтра.

— Серьезно? — спрашивает мама с широко открытыми глазами.

— Да. Это указано на этикетке. Ваш обед скоро будет готов.

Официант уходит.

Мама надевает очки и берет бутылку.

— Бог мой, думаю, нам придется читать теперь *каждую* этикетку. Мне стоит дать знать школе, ведь у тебя есть уроки домоводства и вечеринки, где каждый приносит с собой еду.

— И надо сообщить родителям подружек, к которым она пойдет на ночевку, — добавляет папа мысли вслух. — И еще надо сделать ей медицинский браслет.

— Да? — говорю я, чувствуя, как в груди начинает колоть. — А может, мне просто перестать есть?

Я складываю руки на груди. Я хотела выйти из больницы и начать легко относиться к своему состоянию. Я не намеревалась ничего раздувать вокруг этого. Но они опять принялись за старое! Почему они планируют наперед, будто вся моя жизнь — шахматная партия, а один неверный шаг означает конец игры и мою смерть?

— Ты сильно потеряла в весе, дорогая, — говорит мама, начиная сердиться. — Мы не можем этого позволить. Тебе нужно есть.

Я оборачиваюсь. Люди за соседним столиком делают вид, что не смотрят, но я знаю, что они смотрят. Мне хочется закричать: *«Ну давайте уже сфотографируйте меня, что же вы?»*

— Сэм? Ты слушаешь? — Мама касается моей руки, но я ее отталкиваю. — Я знаю, что это сложно принять, но у тебя заболевание, опасное для жизни. Это не то, о чём можно просто так позабыть. Мы всегда должны быть начеку.

— Прекрасно! — кричу я.

— Саманта! — Папа оглядывается по сторонам и понижает голос: — Не будь такой агрессивной. Мы просто пытаемся помочь.

— Вы могли бы мне помочь, оставив меня в покое!

Ага! «Забей на это!» Ливви так сказала. Как я могу забить, когда мне тычут этим в лицо круглые сутки семь дней в неделю?

Я не разговариваю с мамой и папой. Они пытаются вовлечь меня в общую беседу, но я притворяюсь, что смотрю в окно на прохожих. Когда приносят мою еду, я размазываю ее по тарелке. До этого я голодала, но и теперь проблем меньше не стало.

Как я могу справляться и вести себя нормально, если я единственный урод в комнате? И что, черт возьми, значит *нормально*? Когда доберусь до дома, свяжусь с составителями словаря Маккуори* и скажу, что «нормальный» — это опасное слово.

---

* Толковый словарь Маккуори — официальный словарь австралийского варианта английского языка, который разработал Университет Маккуори, расположенный в Сиднее.

ГЛАВА

26

— Придется тебе забыть о карьере фермера, занимающегося производством яиц, — говорит Ливви, подбегая к нетбольшому кольцу, чтобы сделать бросок.

— Есть и другие занятия.

Воскресный день. Вчера мы вернулись в Кингстон. Первое, что я сделала, когда проснулась, — позвонила Ливви. «*Забери меня из дома!*» Если бы я просидела на кровати — дома или в больнице — еще чуть-чуть, я бы сошла с ума. Кроме того, мне необходимо было с ней поговорить. Хоть она и прислала мне милую открытку, меня до сих пор беспокоила наша ссора по телефону. Мне нужно было сказать ей правду. *Лично.*

Новая Я будет откровенной. Новая Я смелая. На поле больше никого нет. Ливви сказала, что звала

Мали с нами и та согласилась, но так и не пришла. Ливви опять стала тусоваться с Мали и Хайди, пока я лежала в больнице. Ей нужно было тусоваться с кем-то. Я не переживаю, что Мали не пришла. Мне нравится быть с Ливви вдвоем.

— Если у тебя аллергия на яйца, ты и на протестные акции ходить не сможешь. Там кидаются яйцами.

— Думаю, я много чего не смогу делать.

Мяч отскакивает от сетки-ограждения за кольцом.

— Эй, так они поэтому называют это egg-зема?*

Я закатываю глаза.

— Ой, ты такая смешная!

Она смеется.

— Пытаюсь.

— Ливви... что касается того, что ты мне сказала по телефону... знаешь, ну, твое «забей»...

— Забудь. Я не должна была так с тобой разговаривать.

Она забивает еще один гол.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что именно ты ешь, когда ешь яйцо? Я к тому, что оно выходит прямо из куриной задницы...

— Прекрати! У меня очень живое воображение! Ливви смеется.

---

* Игра слов. Egg (англ.) — яйцо.

— Я просто говорю, что стоит это представить, и сразу становится довольно мерзко их есть.

Я хватаю мяч и швыряю его в кольцо. Он пролетает мимо и ударяется в сетку сзади. Я ловлю его для второй попытки.

— Просто не целуй Сэма, когда он съел сэндвич с беконом и яйцом, — говорит Ливви. — Без всяких там языков. Это может стать поцелуем смерти.

Я кидаю мяч ей прямо в живот. Она его ловит, но он всё равно ее слегка ударяет.

— Сэм и Сэм больше не тандем, — говорю я.

— Ого. Да ты поэт, который сам об этом не знает.

— Я *серьезно*. Больше ничего нет.

— Но вы такие классные вместе! — хныкает она. — Почему ты не хочешь дать ему возможность понять? Дай ему шанс.

Я отправляю мяч в кольцо. Я промазываю, и он отскакивает от стойки. Ливви ловит мяч.

— Если ты скажешь Сэму и он поведет себя как придурок, тогда ладно, я соглашусь, что он не твоя половинка. Парень, которому ты действительно нравишься, *обязательно* всё поймет. В каком-то смысле это даже круто, тебе не придется тратить время на то, чтобы догадываться, каким парням ты нравишься. Ты будешь знать точно.

Билли говорила мне то же самое. Я чувствую, как подступают слезы. Ничего не могу сделать. Я очень

хочу, чтобы Сэм смотрел на меня так, как тогда на дискотеке. Если бы я не была такой, я бы флиртовала с ним как сумасшедшая.

Ливви бежит к краю поля и убирает мяч под навес.

— Меня сейчас разорвет. Пойдем со мной в туалет?

— Идем.

Я иду за ней к туалетам.

— Клянусь, я выпила утром целое ведро яблочного сока, — говорит Ливви. — Папа купил соковыжималку. Тебе же можно теперь пить яблочный сок, да?

— Ага.

И так здорово сказать: *«Да, это мне можно!»*

Она хлопает меня по спине.

— Круто. Ты должна зайти ко мне и попробовать.

В туалете Ливви проходит в кабинку, а я остаюсь у раковины, проверяя свое отражение. Кожа слегка красноватая, но в целом нормальная. Я убираю рукой волосы и заправляю их за уши.

— Ты должна это увидеть, — зовет Ливви. — Кто-то нарисовал слона рядом с крючком. Крючок — это хобот! Как классно!

Звучит звук смыва, и открывается дверь. Я поворачиваюсь, но это не Ливви — это Мали. Она выходит из соседней кабинки. У нее красные и опухшие глаза — будто она плакала. Увидев меня, Мали не удивляется, вероятно, она слышала наши голоса.

— Привет, Эс Джей, — говорит Мали ровным голосом, направляясь к раковине. Она выдавливает мыло и моет руки. — С возвращением.

— Эм... Спасибо.

Какое-то время я не знаю, что делать.

Потом я подхожу к ней и кладу руку ей на плечо.

— Что случилось?

Ливви смывает в туалете и выходит.

— Мали! — говорит она радостно. — Ты всё-таки пришла!

Потом меняется в лице:

— Эй, ты в порядке?

Мали кусает губы. Она поворачивается к зеркалу и приглаживает волосы. Всклипывая, Мали приводит себя в порядок — рубашку, воротничок, поддёргивая его в нужное положение, а потом ещё несколько раз поправляя, — пока не добивается идеального внешнего вида.

— Мали? — повторяет Ливви.

Мали поворачивается к нам, подбородок вздернут, в глазах стальная решимость.

— Я нормально выгляжу?

— Выглядишь? — повторяет Ливви в замешательстве. После неловкой паузы она говорит: — Конечно! Ты *всегда* классно выглядишь.

Мали смотрит на меня.

— Совершенно точно, — говорю я, — ты хорошо выглядишь.

— Хорошо?

— Ты выглядишь прекрасно.

Мали кивает, но выражение на ее лице не меняется. Она поворачивается обратно к зеркалу, опять проверяя свой вид.

— Спасибо, что позвала сегодня на прогулку, но мне сейчас правда не до того.

— Я что-то сделала не так? — Голос Ливви звучит встревоженно, будто она совершила страшную ошибку.

— Нет. Это не связано с тобой. — То, как Мали говорит это, дает понять, что она не обманывает. — Это... кое-что личное, понимаешь? Пожалуйста, не ходите за мной. Мне не нужна помощь. Правда, я буду в порядке. Увидимся в школе.

Она выходит.

Мы с Ливви смотрим друг на друга.

— Нам нужно пойти за ней? — спрашиваю я. Ливви качает головой.

— Она это сказала всерьез. Думаю, Мали хочет побыть одна.

— О чём она говорила?

— По поводу того, как она выглядит? — Ливви притопывает ногами. — Не знаю. Это могло быть что угодно.

В этот момент меня озаряет мысль. Хайди и Мали. Модная полиция Кингстона. Дочки богатых судовладельцев. Девочки с идеальной внешностью и идеальной жизнью. Только они не идеальны. Они такие же, как мы с Ливви. Если я скрываю тайну, почему нельзя предположить, что другие тоже что-то скрывают?

Мы выходим из туалета. Я вижу вдалеке Мали, идущую к главной дороге.

— Надеюсь, с ней всё в порядке.

— Я тоже, — говорит Ливви, глядя, как Мали уходит. — Что бы это ни было, она явно не готова об этом говорить.

Я знаю, каково это. Иногда тебе правда нужно время наедине с собой.

— Надо будет проверить, как она в школе, да? — предлагает Ливви.

— Хорошая идея.

Вернувшись на поле, Ливви вытаскивает мяч из-под навеса. Она подходит ко мне и накрывает ладонью мою руку.

— Так... Не смотри сейчас...

Я поворачиваюсь и вижу Сэма на велосипеде.

Ливви бросает мяч. Он отскакивает и укатывается.

— Мне надо идти, — говорит она. — Нужно приготовить омлет на обед. Жаль, что ты не сможешь присоединиться! — С этими словами Ливви вскакивает на велосипед и уезжает.

Я ловлю мяч, поднимаю его и так и стою, вертя его в руках. Поверить не могу, что она меня вот так оставила!

Сэм подъезжает ко мне. Показывает на мяч:

— В некоторых странах люди его бросают.

Он соскакивает с велосипеда и оставляет его на краю поля.

— С ним даже играют.

Когда я не отвечаю, Сэм добавляет:

— Ливви очень стремительно уехала.

— Что ты здесь делаешь?

— Меня Ливви позвала. — Он проследил за ней глазами. — Но, кажется, передумала.

Поверить не могу. Она меня подставила!

Я поворачиваюсь и иду к навесу, небольшому козырьку у края поля, где обычно сидит арбитр. Во мне всё прыгает. Я впервые с Сэмом наедине. *Совершенно наедине*. Я, он и нетбол. Я не уверена, что готова к этому. Быть откровенной с Ливви — это одно, но быть откровенной с Сэмом — совсем другое.

— Я слышал, ты была в больнице. Ты в порядке?

Я сажусь на деревянную скамейку. Он садится рядом, на расстоянии пол-ладони. Я бросаю мяч между коленями о землю и отбиваю его рукой. Снова и снова, стараясь не смотреть на Сэма.

Он откидывается на сиденье и спрашивает:

— Что с тобой случилось? Я слышал, ты обгорела.

Мое сердце подпрыгивает. Щеки загораются.

— Это слухи, — мямлю я. — Долго объяснять.

— Это как-то связано с тем цветочным происшествием? Ну, помнишь, когда это случилось в классе?

— И когда ты сказал: «У нее что-то с лицом!» — Не знаю, откуда это вырвалось. Прозвучало довольно резко.

На лице Сэма сожаление.

— Я не это имел в виду.

Я смотрю в другую сторону.

— Ну так что? — говорит он, толкая мое колено. — Тебе удалили вторую голову? Вытащили из твоих кишков ужасных паразитов-близнецов? Я видел такое на «Ютубе», и это был кошмар. — Я ничего не отвечаю, и Сэм добавляет: — Ладно, раз не говоришь — не мое дело, из кожи вон лезть не буду.

На этой фразе я смеюсь во весь голос. Это самое смешное, что он мог сказать.

Сэм выхватывает у меня мяч, крутит его на одном пальце, а потом выкидывает далеко в поле.

— Сможешь поймать? — спрашивает он, усмехаясь.

Я улыбаюсь.

— А отчего же умерла твоя предыдущая служанка?

— Отказалась меня целовать.

Сэм смотрит мне прямо в глаза. Тянется ко мне, кладет руку мне на шею и притягивает мою голову к своей.

Я отстраняюсь.

— Не надо.

— Всё в порядке. Мне плевать.

— На что?

— Мне плевать, что у тебя что-то с кожей.

Мне становится дурно.

— Не говори так.

— Всё не так ужасно, как ты думаешь.

Я вскакиваю и отступаю назад.

— Больше не трогай меня, ясно? *Никогда!*

Он выглядит уязвленным.

— Но я этого хочу.

Сэм говорит это так, что я ему верю.

Ничего не могу с собой поделать, слезы начинают катиться по щекам.

— Да что с тобой?

— Ты о чём?

— Как тебе может быть плевать?

Циничный смех.

— А, теперь понимаю! Ты хочешь, чтобы я вел себя как Рори? Как полный придурок?

— Нет... да почему ты вообще с ним водишься?

— Он нормальный, если узнать его получше.

Я в этом сомневаюсь.

— Рори всегда издевается над людьми из-за их внешности. Я видела, как он делает это с другими, не только со мной.

Я думаю обо всём, что Рори говорил о маме Ливви.

— Ты когда-нибудь рассматривала Рори хорошенько? — спрашивает Сэм.

— Что ты имеешь в виду?

— У него рыжие волосы, светлая кожа, веснушки.

— И что?

— А то, что ты не знаешь, что происходит на футбольном поле. Ему достаётся как никому другому. Я никогда не слышал, чтобы у кого-то было больше прозвищ, чем у Рори. Его называют Рональд Макдональд, «чокнутый клоун», «рыжий ниндзя» — и это далеко не всё. Он получает будь здоров.

— Серьезно?

— Абсолютно. Его постоянно задирают. Это буд-то любимое развлечение в футбольной секции. В раздевалках ему достаётся больше, чем кому-либо из моих знакомых.

Не понимаю. Если Рори так страдает из-за издевательств, зачем ему изводить других?

— Знаешь что, Эс Джей?

— Что?

— Мне всё равно, как ты выглядишь.

— Ты что, не понимаешь?

Каждая частичка меня кричит: «Я хочу, чтобы ты видел красоту! Я не хочу, чтобы тебе приходилось не обращать внимания на мою кожу, чтобы ее заметить».

Сэм говорит:

— Я думаю, ты умная и веселая, Эс Джей. У тебя классная улыбка.

Серьезно, разве мог бы он быть более идеальным? Я отворачиваюсь и ухожу.

Он зовет:

— Эй! Вернись! Я еще не закончил!

— А я закончила.

— Стой!

Я не останавливаюсь и не оглядываюсь назад. Сэм слишком хорош. Я не могу этому соответствовать — ни я, ни всё это. Я не знаю как.

Это слишком.

ГЛАВА

27

— Ливви?

Я стою около ее дома. Хочу рассказать ей, что произошло у меня с Сэмом. Я такая глупая. Он больше никогда со мной не заговорит. Сэм старался быть милым, а я его просто отшила. Всё это время я мечтала быть с ним. У меня появился шанс, и я его упустила.

— Ливви! Эй! Есть кто-нибудь дома?

Из-за двери раздается голос миссис Хамфрис:

— Эс Джей, это ты? Заходи, милая.

Я толкаю дребезжащую дверь. Внутри дома темно. В воздухе чувствуется сильный запах дезодоранта. Комната абсолютно безупречна, каждая вещь на своем месте. Негромкое жужжание кислородного баллона звучит унылой мелодией.

— Эс Джей? — зовет голос.

Я делаю глубокий вдох.

— Здравствуйте, миссис Хамфрис.

— Здравствуй, дорогая!

Сегодня она одета в платье в бело-голубую полоску такой же формы, как то в цветочек, которое я видела на ней в прошлый раз. Интересно, кто их шьет. Миссис Хамфрис вряд ли покупает одежду в обычном магазине. Потом я начинаю задаваться вопросом, как она их надевает и снимает. Ей кто-то помогает? Как мне, когда я была в больнице?

— Оливия ушла в магазин. Проходи, садись.

Она похлопывает по краешку своей кровати и жестом приглашает меня сесть.

— Оливия сказала, ты была в больнице?

— Да.

Я смотрю на ее ноги в компрессионных повязках.

На концах из-под повязок торчат ступни, и ногти на ногах ярко-красного цвета. Должно быть, их красила Ливви.

— Больницы — это ужасные места. Конечно, иногда у тебя нет выбора, так ведь?

— У меня была инфекция.

Миссис Хамфрис кивает.

— Оливия сказала. Теперь тебе лучше?

— Да. Нет. Что-то вроде. Я стараюсь не думать об этом.

— Хорошая тактика.

Она нащупывает пульт и переключает каналы. Запускает руку в пакет с конфетами, кладет одну себе на язык, затем несколько предлагает мне. Я беру одну из вежливости.

— Прости, мне нужно это сделать, — говорит миссис Хамфрис, нажимая кнопки на пульте. — Я записываю передачи, чтобы ничего не упустить. — На экране загорается маленькая панель управления.

А как же все остальное, что она опускает?

— В этой мыльной опере есть женщина, абсолютно сумасшедшая. — Миссис Хамфрис со смехом показывает на экран. — Она думает, что разговаривает со своей мертвой ирландской тетушкой. В телепрограмме написано, что в следующих сериях на будущей неделе ее бывший муж получит опеку над детьми. Надеюсь, так и будет — на благо этих бедных крошек.

Она говорит о героях сериала как о реальных людях.

— Какая у тебя любимая передача, Эс Джей?

Мне приходится задуматься. Не могу вспомнить, когда я в последний раз смотрела телевизор.

— Вообще-то я люблю читать. Моя мама — библиотекарь, вероятно, меня укусила та же муха. К тому же у меня всегда много заданий на дом.

— Как у моей Ливви, — кивает она с улыбкой.

— Миссис Хамфрис?

— М-м?

Я хочу спросить ее о том, каково это *на самом деле* — быть ею. Хочу узнать, счастлива ли она.

— У вас всё в порядке? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня непонимающе.

— Что ты имеешь в виду, дорогая?

— Когда я была в больнице, мне было ужасно скучно сидеть на одном месте весь день. Я просто хотела поинтересоваться, вы в порядке? Ну, знаете, в этом заточении.

Миссис Хамфрис щелкнула пультом, и экран погас. Ее глаза сузились.

— Это Оливия попросила тебя затеять этот разговор?

— Что? Нет.

Она смотрит в потолок. Когда мама Ливви начинает говорить, ее голос звучит напряженно:

— Думаешь, ты понимаешь мою ситуацию просто потому, что провела пару *недель* в больнице?

Я чувствую себя ужасно глупо, просто открывая рот.

— Нет, но я могу представить...

— Определенно, ты не можешь представить! — рывкает она.

— Простите. Я не должна была...

Но потом я замолкаю и начинаю заново, тщательно обдумывая каждое слово.

— Вы правы, — говорю я мягко. — Я не могу представить. Я не имею ни малейшего представления о том, каково вам. Но мне интересно. Я бы хотела, чтобы вы мне рассказали — если сами захотите. Я могу сказать: я знаю, что болеть — это совсем не весело. И я знаю, как другие могут говорить обидные слова, иногда специально, иногда случайно, но от этого не менее болезненные. Другие люди могут понять, что значит заболеть гриппом или вывихнуть лодыжку, но, если у них нет какого-то общего нарушения, как у нас, чего-то, с чем приходится жить каждый день, они вряд ли поймут. Особенно если это что-то, с чем, по их мнению, ты способен справиться.

Ее взгляд смягчается. Она перекидывает пульт из руки в руку и наконец кладет его на столик.

— Люди говорят много глупостей, правда?

Я киваю. *Я сама говорила глупости.*

— Когда я принимала лекарство, из-за которого набрала вес, один мальчик сказал, что у меня лицо как тарелка.

Миссис Хамфрис ни капли не удивлена.

— Я потеряла счет ужасным вещам, которые говорят люди. Самое ужасное — шутки про жир. И они касаются не только меня. Сестра моего мужа

постоянно твердит мне о его животе и о том, что ему нужно сократить сахар и алкоголь. Кто спрашивал ее мнения? Неужели она думает, что он не видит себя в зеркале? С чего она взяла, что сама безупречна? Иногда я думаю, что должна отомстить ей мерзким комментарием по поводу ее морщин или желтых зубов, но знаешь, как говорят: *«Око за око, и весь мир ослепнет»*.

Я улыбаюсь. Теперь миссис Хамфрис выглядит расслабленной. Даже счастливой.

— Думаю, люди говорят такие вещи, не понимая, какое у них серьезное преимущество, — говорит она. — Преимущество — это не только деньги или престижное образование. Оно может заключаться просто в том, что ты не попадешь в ужасную аварию или не унаследуешь болезнь.

Мне нравится разговаривать с миссис Хамфрис. Благодаря ей я чувствую себя лучше.

— Миссис Хамфрис? Я думаю... Я могла бы начать кое-что записывать. — Я думаю о том, что мне предложила Билли. — Возможно, я могла бы записать свою историю. Или выдуманные истории. Или даже истории других людей. Вы хотели бы, чтобы я написала вашу?

Она барабанит пальцами по животу.

— Хм... звучит интересно. Кто это будет читать?

— Никто. Я имею в виду, это *не обязательно*. Это может быть просто для нас. Я задала бы вам несколько вопросов, как это делают журналисты. А потом могла бы написать вашу историю как есть или добавить еще персонажей.

Миссис Хамфрис мягко всплескивает руками.

— О! Знаешь что? А мне нравится эта идея. Это может быть весело. Это определенно что-то непривычное. Вокруг меня не так много непривычного.

— Так вы согласны?

— Да, — улыбается она. — Почему нет? Давай сделаем это.

— Мам?

Я поворачиваюсь. В дверном проеме стоит Ливви и смотрит на нас. Я не знаю, как долго она здесь простояла. Внезапно я чувствую себя неловко. Я пришла сюда, чтобы поговорить с ней, а вместо этого стараюсь подружиться с ее мамой. Не уверена, что ей это понравится.

— Эс Джей? — говорит Ливви вопросительно.

Я поворачиваюсь к миссис Хамфрис.

— Мне нужно идти. Спасибо вам.

— Нет, Эс Джей. Спасибо тебе. Скоро всё обсудим.

Ливви следует за мной на улицу. Я останавливаюсь на лужайке и поворачиваюсь к ней.

— Что случилось с мамой? — спрашивает она. — О чём вы говорили?

— Я говорила с ней о... — Я запинаясь. Как ей объяснить? Что, если она разозлится? Наконец я вздыхаю. — Я пыталась помочь.

Я ожидала, что Ливви расстроится. Вместо этого она сказала:

— Получилось?

— Думаю, да. Немного. Я не уверена.

Она улыбается.

— Спасибо тебе за заботу.

Мы сидим на корточках на бетонных ступеньках крыльца Ливви. Небо хмурится и грозит дождем. Несколько пар белых резиновых сапог аккуратно стоят в ряд вдоль корыта для лангустов и рыболовных снастей. Мне вдруг подумалось, что я никогда не встречала папу Ливви. Когда я прихожу, его всегда нет. В городке я тоже с ним не сталкивалась, не видела, чтобы он появлялся в школе. Интересно, какой он, — и речь не о его пузе, конечно. В доме Ливви нет фотографий. Есть только несколько школьных в серебряных рамках, и всё.

— Спасибо, что попыталась. — Ливви стучает коленкой мою ногу. — Мама мало с кем разговаривает. Или, скорее, она не любит говорить о своей *ситуации*. Должно быть, ты ей нравишься.

Она делает глубокий вдох.

— Слушай, сейчас я скажу тебе кое-что и не хочу, чтобы ты разозлилась.

— Ладно...

— Я знала, что у тебя проблемы с кожей, с самого первого дня, как тебя увидела.

— Правда?

Ливви кивает.

— Я не упоминала об этом раньше, потому что... ну, потому что не хотела ранить тебя. Но правда в том, что я заметила. Я решила, что если ты ничего не говоришь, то и я не буду.

— А как же твои вопросы о том, почему мой солнечный ожог держится так долго?

— Я *пыталась* помочь тебе заговорить об этом. Но потом ты подтверждала, что это солнечный ожог, я такая — ладно, она еще не готова. Я подыграла тебе и в истории со свинкой. Я погуглила.

— Серьезно?

— Угу. И с мамой то же самое. Она готова разговаривать только с несколькими людьми.

— Я думаю, что твоя мама — очень хороший человек, — говорю я. — У нее доброе сердце.

Ливви улыбается.

— Спасибо.

— Но иногда ты ее стыдишься, верно? Ты всегда нервничаешь, когда о ней заговаривают Мали и Хайди. И тебя дразнят.

Я думаю о Рори.

— И это моя проблема. — Она вздыхает. — Не мамина.

Начинает капать дождь.

— Как думаешь, ей когда-нибудь будет лучше?

— Не уверена. Вероятно, она никогда не станет такой, какой была до падения.

Я тянусь к Ливви и сжимаю ее руку в своей. Приятно наконец поговорить, поговорить начистоту.

— Я тоже злюсь из-за этого. Если я и поправлюсь, я всё равно не буду идеальной. У меня повсюду растяжки. Я навсегда со шрамами.

— Кто идеален, Эс Джей? Я не идеальна, твои родители не идеальны, твои учителя не идеальны, и — сенсация — твой идеальный Сэм не идеален тоже. Никто не идеален! У нас у всех свои недостатки. Это то, что делает нас интересными.

Она целует меня в щеку.

— Мы любим тебя такой, какая ты есть, Эс Джей. Думаю, настало время тебе полюбить себя.

ГЛАВА

28

Когда я возвращаюсь домой от Ливви, уже вечер. Папа в кабинете, мама принимает душ. Бабушка попросила Дилана и Роуна переодеться в спортивную одежду и кроссовки. Она собирается идти с ними в парк.

Я нахожу ее в кухне с чашкой кофе.

— Как ты, милая? — спрашивает меня бабушка, когда видит. Она ставит чашку на стол, подходит ко мне и с силой обнимает. — Что такое?

Меня душит комок в горле.

Бабушка обнимает меня еще.

— Ну, ну, драгоценная моя. Давай.

Она ведет меня к столу, мы садимся. Бабушка делает смешное лицо, оттягивает мочки ушей пальцами и принимается ими шевелить.

— Я тебя внимательно слушаю.

Я не могу сдержать улыбку.

— Ты всегда найдешь способ меня рассмешить, бабушка.

Она берет мою руку в свою и сжимает.

— Рассказывай. Что случилось?

— Я была у Ливви.

— Вы поссорились?

— Нет, ничего такого.

— А что тогда? Давай, говори уже.

Я пожимаю плечами.

— Я себя ужасно чувствую. Я вела себя с ней нечестно. Ну то есть это я про свою болезнь. Ливви так хорошо отнеслась ко мне, бабушка. На самом деле она удивительная. А я ей всё это время врала.

— О, милая. Кажется, ты очень дорога Ливви. Я уверена, что она простила тебя. Ты бы ведь так поступила на ее месте, верно?

Об этом я даже не подумала.

— Конечно.

— Тогда почему тебе так сложно поверить, что она сделала это ради тебя?

Мой мозг кричит: *«Потому что я не могу верить в то, что хоть для кого-нибудь что-нибудь значу!»* Вместо этого я говорю:

— Я не знаю.

Бабушка оглядывает меня и делает глоток кофе.

— На твоих плечах серьезный груз, правда? Будто болезни недостаточно, ты добавляешь еще: ненависть к себе, переживания о том, что можешь ранить других. Ты взвалила на себя слишком много, Эс Джей. Тебе должно быть очень тяжело.

Я громко сглатываю.

— Я не могу иначе, бабушка. Я всё время переживаю. О многом, не только о своей коже.

— Хм. Полагаю, ты унаследовала ген переживаний от меня.

Я смотрю на нее с удивлением. Она всегда выглядит такой расслабленной.

— А о чём ты переживаешь?

Бабушка смеется.

— О чём я *не* переживаю! Твои родители, ты и твои братья, соседи, друзья, деньги, здоровье... список бесконечен. И о своей внешности я тоже переживаю.

— Правда?

— Ну конечно правда!

Бабушка гладит себя по крашеной голове.

— Если ты не заметила, я не фанат седых волос! Она оттягивает кожу под подбородком.

— А видишь эту индюшачью шею? Кроме как обратиться к хирургу, который ее ровно подошьет, я больше не знаю, что с ней делать. Но когда

на другую чашу весов я кладу все те веселые штуки, на которые я могу потратить свои деньги, то решаю, что лучше я останусь с обвисшей шеей. Лучше буду наслаждаться праздником.

Бабушка делает еще один глоток кофе.

— Есть люди, которым никогда не представится возможность постареть. Если подумать об этом, то появление морщин становится преимуществом.

Я тянусь к ней и касаюсь ее щеки. Чувствую знакомую мягкость, нежную податливость морщинистой кожи. Я провожу рукой по линиям на ее лице — лице, которое люблю.

— Я бы хотела быть благодарна за свою кожу, бабушка.

— Ты имеешь право так чувствовать, — говорит бабушка, держа мою руку у своей щеки. — Но помни, что ты не одна. Многие отчаянно несчастны из-за того, как они выглядят, и что только не делают, чтобы изменить свою внешность. Это их путь. Не мне и не тебе их судить. Я могу шутить о своих морщинах, но время от времени я переживаю из-за них. Я не уверена, что кто-то может похвастаться абсолютным счастьем.

Я начинаю плакать. Не могу сдержаться. Я задираю штанину джинсов, чтобы показать растяжки.

— Я это ненавижу, бабушка. Мои ноги никогда больше не будут выглядеть нормально. Этого бы не случилось, если бы меня правильно лечили. Почему они не могут найти способ меня вылечить?

Бабушка поджигает губы. Смотрит на дверь.

— Я хочу тебе кое-что сказать, но, боюсь, у меня могут быть проблемы из-за идей, которые я закладываю в твою голову.

Я перестаю плакать и вытираю нос.

— Давай. Скажи мне.

Она колеблется, но потом вздыхает.

— Послушай, я не хочу выглядеть как какой-то конспиролог. — Бабушка видит мое непонимание. — Конспиролог — это тот, кто ищет в происходящем тайные причины.

— А...

— Ты можешь представить, что способ излечения проблем с кожей *нашли*? Знаешь, что бы произошло?

— Люди бы выздоровели и вернулись к нормальной жизни? — говорю я.

— Целые индустрии прекратили бы свое существование. Миллионы людей, занятые на производстве лосьонов, кремов, мазей, масел, маскирующих средств макияжа, — люди, которые их производят, продают, распространяют, — они все потеряли бы работу. На их продукцию больше не было бы спроса.

Излечение — это навсегда, понимаешь. С другой стороны, лечение — это постоянный процесс. Способы лечения приносят деньги.

Бабушка проводит рукой по волосам.

— Подумай о компаниях, продающих краску для волос. Если бы всем нравилась седина, как бы они ее продавали? Поэтому они дают нам понять, что быть седым, или толстым, или иметь проблемы с кожей — всё это плохо. Они наживаются на наших болезнях и несовершенствах. И мы этому поддаемся. Понимаешь, о чём я?

Мое сердце ёкает. Неужели это значит, что излечения никогда не будет? И если то, что говорит бабушка, правда — то почему люди поступают так друг с другом? Почему они наживаются на слабости других?

— Я не хочу, чтобы эти слова расстроили тебя, моя дорогая девочка. Я говорю это, потому что считаю, что тебе важно понимать: некоторые вещи ты не можешь контролировать. Но есть то, что ты контролировать *можешь*. Возможно, то, что ты пертерпела, вызовет в тебе желание идти учиться врачебному делу и постараться изменить ситуацию? Возможно, ты захочешь написать о своей истории и достучаться до других. Кто знает? Что бы ты ни выбрала, то, как *ты* решишь справляться с этим, — вот

самое важное. Это твое тело. Ты должна делать то, что лучше для тебя.

В прихожей раздается грохот, и на кухню вваливаются мои братья. Дилан сообщает, что Роун долго не мог собраться, потому что потерял один носок. Оказалось, носок валялся в его ботинке.

Бабушка встает.

— Нам пора идти. Ты пойдешь с нами, Эс Джей?

— Нет, думаю, я останусь. Но спасибо тебе.

Она треплет меня по голове.

— Эс Джей?

— Да, бабушка?

— Я горжусь тобой. Ты любящая, заботливая девочка. Ты думаешь о других, о том, чтобы их порадовать, больше, чем о себе. — От ее слов у меня теплеет на душе. — Помни — хорошие люди притягивают хороших. Ливви — хороший человек. Думаю, она лучший друг для моей внучки.

Бабушка мне подмигивает и выходит с мальчиками за дверь.

Я смотрю ей вслед и чувствую себя счастливой. Бабушка *всегда* помогает мне стать сильнее. Она лучше всех.

Я отправляюсь к ванной и слушаю, включен ли душ. Вода не течет. Я стучу в дверь. Мама кричит:

— Входите!

Я открываю дверь и вижу, что она красит ногти на ногах, задрав ногу на шкафчик под раковиной.

— Черт.

Мама опускает ватный шарик в жидкость для снятия лака и вытирает край большого пальца.

— Я ужасно это делаю. У меня всё время трясутся руки.

— Хочешь, я помогу?

— Эм... хорошо. Почему нет?

Она присаживается на ванну. Я опускаюсь на пол и начинаю красить ее ногти, думая о том, как Ливви делает это для своей мамы. Мама выбрала странный лавандовый цвет. Я бы такой не выбрала — но, опять же, не мне его носить.

— Бабушка ушла с мальчиками в парк, — говорю я.

— Это очень мило с ее стороны, — отвечает мама. Ее голос звучит радостно. Мама с бабушкой стали ладить намного лучше. Я давно не видела, чтобы мама кривилась или высказывалась как-то против бабушки. Они будто поняли наконец, что в одной команде.

Я продолжаю красить ногти. И потом замечаю кое-что, чего раньше не видела. Мамин мизинец частично сросся с соседним пальцем. Между ними нет расстояния! Я касаюсь его.

— Что это?

— А, это, — мама начинает нервничать. — Это генетическое. Думаю, со стороны твоего дедушки. Возможно, ты никогда это не видела, потому что я хожу *всегда* в закрытых туфлях. Не люблю вьетнамки.

Никак в голове не укладывается: неужели я этого раньше не замечала?

— Не поверишь, сколько меня дразнили в школе. А *еще* надо мной издевались из-за брекетов.

Я не говорю, что слышала, как она об этом рассказывала папе.

— У тебя были брекеты?

Она закатывает глаза.

— Угу.

Мама стучит ногтем по зубам.

— Но посмотри на них сейчас! Ровные и красивые. Немного страданий привело в итоге к нужному результату.

Мне приходит в голову мысль, что со слегка неровными зубами мама всё равно была бы красивая. Почему она считает, что красота обязательно требует жертв? Это то, о чём говорит бабушка, — то, чему мы поддаемся?

Я тщательно покрываю ее ногти лаком.

— Как твоя кожа, Эс Джей? Был зуд с тех пор, как мы вернулись домой? Если это из-за места

и окружающей среды, мы обсудили с папой, он может попросить о переводе. Мы думаем, что климат в Квинсленде мог бы подойти.

— Мам...

— Я просто говорю.

— Я больше не хочу, чтобы ты обо мне волновалась.

— Я всегда буду о тебе волноваться, — гордо заявила она.

Я тщательно подбираю слова.

— Но ты слишком сильно волнуешься. Ты придаешь этому чересчур большое значение.

— Но это действительно важно!

— Ну да. Но я просто такая.

Я думаю о бабушкиных словах о том, что я несу груз переживаний. Я хочу от него избавиться.

— Переживания ничего не изменят.

Она хмурится.

— Ты хочешь забросить лечение?

— Я бы не назвала это «забросить».

— А как бы ты это назвала? — Ее голос дрожит. — Если мы потеряем надежду, Саманта, у нас ничего не останется. Ты никогда не должна отказываться от надежды.

Она начинает плакать, закрыв лицо руками.

— Мама, не твоя вина, что я такая.

Я ставлю флакончик с лаком на раковину и делаю то, чего обычно не делаю. Я обнимаю ее. Она держит меня какое-то время в своих объятьях, а потом мы стоим вдвоем перед зеркалом: мама с подтеками туши и я с красным шелушащимся лицом.

— Разумом я знаю, что не я это сделала, — говорит она своему отражению. — Но мое сердце не может вынести того, что тебе придется всю жизнь терпеть страдания. Мама не может желать своему ребенку такого.

— Но ты стыдишься меня.

— Стыжусь?

— Потому что я отличаюсь от остальных девочек.

Мама поворачивается ко мне и берет мое лицо в свои ладони.

— Я не стыжусь тебя! Нет, моя дорогая девочка! Как ты могла такое подумать?

И в этот момент я вдруг вспоминаю, как она делала для меня масляные ванны. Вспоминаю ее шутки про день спа. Ее энтузиазм по поводу диет. Все эти лосьоны и лекарства, активные обсуждения с каждым, кто только готов слушать. Врачи, врачи, врачи. Не понимаю, почему я не видела этого раньше. Мама всё это делала из любви.

Я обхватываю ее руками, прижимаясь к ней.

— Спасибо.

Ее взгляд смягчается, она улыбается.

— Я не говорила этого раньше?

Мама качает головой, смахивая слезы.

— Правда. Спасибо за то, что ты делаешь.

— На здоровье.

Она целует меня в щеку.

— Думаю, мне тоже нужно сказать тебе спасибо.

— Сказать мне спасибо?

— Да. За то, что терпишь меня. Я признаю, что бываю слишком категорична в том, что касается твоего лечения. Возможно, какие-то вещи я делала неверно. Думаю, я совершала ошибки, но хочу, чтобы ты знала — это было не намеренно. Я стараюсь делать всё, что возможно.

— Я это знаю. Но нам нужно перестать бороться. Я больна. Справедливо это или нет, но это так.

Мама прикусывает нижнюю губу.

— Я бы так хотела тебя вылечить, малышка. Я желаю этого всем сердцем.

— Я тоже этого хочу, мам. Я тоже.

ГЛАВА

29

Мы с Ливви сидим на крыльце нашего дома, смотрим на океан и лущим в деревянную миску горох для мамы. Она готовит настоящий пир. Папа купил лангуста у местного рыбака. Он в приподнятом настроении, поскольку я позвала Ливви к нам на ужин, но я не отважилась сообщить ему, что не уверена, будет ли Ливви в восторге, узнав, что у нас на ужин лангуст.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — произносит Ливви, отбрасывая стручок в корзинку для мусора. — Вчера мама вышла на улицу и сидела во дворе, на солнышке.

Я не могу скрыть своего удивления.

— Правда?

— Ага. — На ее лице сияет огромная улыбка. — Спасибо тебе, Эс Джей.

Я беру в руку очередной стручок и раскрываю его, доставая сочные горошины.

— Почему ты благодаришь меня?

— Думаю, ты так тепло поговорила с моей мамой, что она стала чувствовать себя лучше. — Она поворачивается ко мне. — Папа сказал, что ты, должно быть, подстегнула ее задуматься о том, чтобы попробовать что-то новое. Она не думала в таком ключе уже очень долгое время.

Я кладу руку ей на плечо.

— Это прекрасно, Ливви. Она рассказала тебе, что я собираюсь написать про нее историю? Не для кого-то конкретного. Не для журнала. Просто для нас.

— Мама что-то такое упоминала.

Я достаю фиолетовую ручку Билли из заднего кармана. Возможно, это прозвучит глупо, но я ношу ее с собой как секретное оружие. Что-то в ней заставляет меня чувствовать себя сильнее и могущественнее.

— У меня есть специальная ручка для волшебных слов, — говорю я.

Она прыскает со смеху.

— Как скажешь.

— Это правда.

— Ты иногда така-а-а-а-ая ненормальная, — хохочет Ливви.

Я убираю ручку обратно в карман.

— Что такое нормальный? Почему мы вообще используем это слово? Я всё время хотела быть нормальной. Но кто сказал, что остальные — нормальные? А хотеть быть как остальные — глупо, так ведь? Потому что я не могу изменить то, кем я являюсь. Я не могу выбраться из своего тела и забраться в другое. Мы такие, какие есть.

Она кладет мне голову на плечо.

— Ты мне нравишься такой, какая ты есть, Эс Джей.

— Ты мне тоже. — Я ерошу волосы у нее на голове. — Ты моя лучшая подруга.

Мы продолжаем чистить горох и смотреть на океан.

— В мире полно людей с ужасными заболеваниями, — говорю я. — Как ты думаешь, этому есть причина? Чтобы люди страдали?

— Я не уверена. Думаю, это так, как есть. — Ливви съедает горошинку. — Ух ты! Они свежие. Съешь одну. Очень вкусные!

Я пробую одну. Она *правда* вкусная. Я веду себя смелее с новой едой. Постепенно пробую больше и больше продуктов. Иногда я начинаю опасаться, не спровоцирует ли то, что я кладу себе в рот, мою болезнь, но врачи говорят, после всего, что я перенесла, это нормально. Думаю, такое быстро не меняется.

Может быть, это не изменится никогда и у меня всегда будут проблемы, — но это нормально, потому что с этим я тоже могу обратиться за помощью. Доктор говорит, когда я стану немного старше, я смогу попробовать иммуноподавляющую терапию — иммуносупрессоры, которые принимают при пересадке органов, чтобы организм не отторгал донорский орган, только у меня мое тело, возможно, перестанет отторгать само себя. Как и у любых лекарств, у них есть побочные эффекты, они могут сработать, а могут и нет, но попробовать будет можно. И Арни, студентка-медик, связала меня с группой поддержки. Мы общаемся онлайн, и это помогает мне чувствовать себя менее одинокой.

— Знаешь что, Ливви?

— Что?

— Я всегда думала, что красивые люди крутые сами по себе. Но мысль о том, что именно я какая-то особенная или необычная, — очень самодовольная, как думаешь?

Она кидает в меня пустой стручок.

— Высокомерная корова.

Я кидаю другой в ответ.

— Долговязая спорт-маньячка.

Ливви смеется и отряхивает руки.

— Эй! Ты уже скатывалась с той горки? Я об этом думала миллион раз. Каждый раз, когда проезжаю мимо на велике, хочу это сделать.

— У меня аллергия на траву, но ты делай что хочешь.

Ливви направляется к самой высокой точке холма. Ложится параллельно дороге и оттуда кричит:

— Готова?

— Готова!

Сначала она крутится медленно, но вскоре скатывается, закручиваясь сильнее и сильнее. Когда Ливви добирается до дорожки вниз, она вскакивает на ноги и вскидывает руки:

— Та-да!

Она забирается наверх опять, тяжело дыша.

— Это было клево! Я хочу еще!

И Ливви ложится, отталкивается и мчится вниз, визжа от хохота. Я тоже не могу сдержать смех.

— Эс Джей! — зовет мама из дома. Она распахивает дверь, держа телефон в руке, и протягивает его мне. — Звонил мальчик по имени Сэм Гренфелл.

Она протягивает мне бумажку с записанным номером.

Я смотрю на номер и улыбаюсь.

Если я позвоню Сэму, то сделаю это, потому что он мне нравится. И ничего больше. Мне не нужен

парень, чтобы доказать, что я чего-то стою. Мне нужно начать любить себя. Это самое важное. Сначала — любить себя.

Я касаюсь ручки в заднем кармане. Быть может, я напишу Сэму письмо о своей коже и о том, как я себя чувствую. Быть может, я напишу классу и расскажу, как лечилась в больнице. Быть может, я пошлю Рори Максфилду валентинку, потому что они анонимные и можно писать что хочешь. Я напишу что-нибудь приятное. Уверена, никто и никогда не говорил Рори чего-то по-настоящему хорошего и поэтому он такой злой.

А быть может, я запишу свою историю, или расскажу истории других людей, или вообще буду сочинять истории. Билли права. Писать — здорово.

Такое ощущение, что всё это время я молча кричала. А теперь у меня появился голос. И люди, которые будут слушать.

И всё, что мне нужно, — это рассказать правду.

ОТ АВТОРА

Здравствуй, Читатель!

Я хочу поделиться с тобой тем, что меня вдохновило написать эту повесть. «Толковый словарь Эс Джей» — это мой детский (и взрослый) опыт, связанный с хроническим атопическим дерматитом (экземой) и серьезными, угрожающими жизни аллергическими реакциями.

Сюжет, герои и события в этом произведении вымышлены, но то, что я описываю, действительно случалось. Я дважды почти умерла из-за своей болезни: один раз от сепсиса и второй — от множественных нарушений в организме после десятилетнего приема иммуносупрессивных препаратов. В обоих случаях я много времени провела в реанимации, плюс прием препаратов привел к побочным эффектам вроде значительного набора веса и потери волос.

Я знаю, что история, в которой такой герой, как Саманта, принимает свое состояние и контролирует негативные мысли и эмоции, была бы очень вдохновляющей. Но это была бы ложь. Лучше я расскажу правду. Свою правду.

Когда я была ребенком, я ненавидела свою болезнь. Я ненавидела то, что из-за нее я чувствовала себя другой.

Я ненавидела то, что временами ее невозможно было скрывать. Я испытывала стыд. Я до сих пор чувствую стыд, даже во взрослом возрасте, особенно когда болезнь проявляется на моем лице и я никак не могу ее скрыть. Наш мир одержим красотой. Нас постоянно забрасывают картинками того, как мы должны выглядеть. Сложно не пасть жертвой представлений других людей о привлекательности. Думаю, мы так уязвимы, потому что внутри, если быть с собой *до конца* откровенными, мы все хотим быть желанными. Причина, по которой я стала писателем, — это моя болезнь. Когда я была подростком, я прочитала книгу «Дени» американского автора Джуди Блум. Это история о девочке со сколиозом. Там есть второстепенный персонаж, Барбара, которая страдает от экземы. По мере развития сюжета эти две девочки, обе сильно переживающие из-за своих недостатков, начинают заботиться друг о друге. Я росла в маленьком поселке, где все всех знают, и мне казалось, что я была единственным ребенком с хроническим заболеванием. Когда я прочитала «Дени», для меня открылся целый новый мир, и я больше не чувствовала себя одинокой. Я никогда не читала книги, где была бы изображена моя болезнь. На самом деле я прочла очень мало книг, где речь шла о болезнях, точка. В этот момент я осознала, что изображение чего-либо имеет значение. Книги — это друзья. Хорошие друзья для тех, кто чувствует себя потерянным и одиноким. (Спасибо, Джуди Блум!)

Кто-то может возразить, что то, что я изобразила в этой повести, не может произойти. Уверяю вас, может. Это произошло со мной. Серьезность кожных состояний у разных людей может сильно отличаться.

У кого-то присутствуют лишь небольшие проявления болезни, у кого-то более серьезные. У кого-то могут быть благополучные периоды, а потом серия жестких приступов.

К сожалению, мое состояние находится в жесткой части спектра. Это непрекращающаяся борьба.

Способы лечения экземы и аллергии отличаются. Это еще одна причина, почему опыт разных людей разный. Я встречала врачей, которые усугубляли мое состояние. Один доктор почти убил меня, предположив, что мне просто нужно поговорить с психологом и что это всё в моей голове. (В это время мое тело разваливалось на части, и, если бы не администратор больницы, который решил вмешаться, я была бы уже мертва.) Когда я была ребенком, другой доктор посадил меня на исключаящую диету без научного обоснования. Но они были врачами. Мы доверяли им. У нас почти не было выбора. Врачи не всегда всё делают правильно. Иногда они делают всё не так. Я отразила это в своем произведении. Сейчас я могу сказать, что мне очень повезло, у меня прекрасный врач, который *всегда* делает всё правильно.

Думаю, один из самых ужасных моментов в том, что касается экземы, — ты никогда до конца ее не принимаешь. Сейчас ты чувствуешь себя хорошо, и твое сердце и мозг привыкают к этому, а потом вдруг — декорации сменяются, и внезапно реальность становится совсем другой. Тяжело принять такое непостоянство. Если бы ты мог понять, что вызывает это состояние, это могло бы помочь, но в целом этому не существует медицинского объяснения. *Пока*. Мы не теряем надежды.

Кроме экземы у меня есть несколько опасных для жизни аллергических состояний. Я ношу с собой эпинефрин (адреналин в инъекциях). Пойти на ужин — настоящее испытание. Я постоянно вручаю свою жизнь в руки официантов и поваров или семьи и друзей, надеясь, что они отнесутся к моему состоянию серьезно. Когда я прихожу на фуд-корт, часто единственным безопасным вариантом становится горячий картофель. Всё остальное потенциально опасно или

может содержать частицы другого блюда, даже здоровые альтернативы вроде салатов, потому что они часто маринуются в заправках, состава которых я не знаю. А после этого меня осуждают за то, что я ем фастфуд! Я в любом случае оказываюсь в проигрыше. Ужин вне дома наполняет меня страхом и беспокойством. Но если я позволю им победить, я вообще перестану выходить из дома.

Это приводит меня вот к какой мысли: если все это происходит со мной, взрослой женщиной, что испытывает ребенок?

Вот поэтому я написала эту книгу. Если ты, или твой друг, или твой любимый человек страдаете от экземы или аллергии, надеюсь, эта книга станет вам другом. Надеюсь, ты сможешь показать на нее и сказать: *«Видите? Это как у меня!»*, или: *«Такая проблема есть у моего младшего брата, и это сложно для всей семьи»*, или: *«Одна девочка из моей школы страдает от такой болезни, но никогда до этого я по-настоящему ее не понимал»*. Обмен историями помогает нам быть добрее друг к другу.

Если ты страдаешь от моей болезни или от любого другого хронического заболевания, мое сердце распахнуто для тебя. Редко кто проходит по жизни без шрамов, и многие истории про болезни не имеют счастливого конца. Но жизнь не столько про пункт назначения, сколько про путешествие и про поддержку и любовь, которые мы дарим друг другу во время пути. Я счастлива, вокруг меня много людей, которые меня любят и понимают. Их любовь — лучшее лекарство.

С любовью,

Эллейн

БЛАГОДАРНОСТИ

Каждый раз, когда я издаю книгу, становится всё сложнее благодарить растущий круг людей, которые меня вдохновляют, поднимают и двигают вперед.

Дэрил и Диллон, как всегда, вы идете первыми. Я не могла бы делать то, что делаю, без вас.

Я нашла пристанище для этой работы благодаря моему невероятному агенту Джейн Новак и моему издателю Кристине Шульц (секретный агент Шульц). Вы в меня по-настоящему верите. Понимание — наше всё. Вы обе понимали, чего я стараюсь добиться, и поддерживали меня на всём пути. Я благодарна вам сверх меры.

Викки Уэйкфилд, в нашем распоряжении все возможные слова, но ни одно и близко не сможет передать величину моей благодарности. Ты владеешь моим литературным сердцем и даже больше.

Андреа Альтамура, твой дух учителя никогда не перестает мотивировать (*«Детям нужна эта книга! Когда они ее напечатают?»*). Перед тобой мечта, которую ты помогла сделать реальностью. Да, с небольшим опозданием, но я всё сделала!

Ребекка Бёртон, ты всегда рядом, нестибаема, мой краеугольный камень, мой резонатор, мой комфорт.

Мои невероятные редакторы, Кэти Вэлланс и Мелисса Кейл, — обычно редакторам и близко не воздают должное. Вы помогли мне выглядеть красивой. Вы помогли мне выглядеть так, будто я знаю, что делаю. (Тс-с-с, не говорите никому, что я понятия об этом не имею!)

Эдриенн Горридж, Кристин Уэйденах, Катрина Гермейн и Лиан Уэстон — Кэмп Уэбстер полон только с вами.

Адам Сиси, мои мышцы болят от смеха, прекрати!

Мой агент по выступлениям, Бэки Лукас, продолжай слать сообщения с «вдохновением» (подмигиваю). Ты Шоу для моей Смит.

SCBWI, eKIDs, Writers SA и LoveOzYA, вы крутые, ребята. Наше писательское сообщество — лучшее.

Читателям, библиотекарям, учителям, студентам, блогерам — я делаю то, что делаю, из-за вас.

Моему огромному кругу родственников и друзей. Мне очень повезло. Люблю вас всех.

Специальная благодарность доктору Пирсу, я никогда не забуду, как вы появились в коридоре Королевской больницы Аделаиды, будто прекрасный юный мираж. Вы сели напротив и потратили время, чтобы поговорить со мной как с человеком, а не с номером. Доверие необходимо, и я вам доверяю. Отдельное спасибо доктору Лиму, который спас мою жизнь в 2015 году. Я в прямом смысле не смогла бы издать эту книгу, если бы не вы.

Наконец, самое важное, Джуди Блум, моей душе подростка вы написали письмо под названием «Дени». Из вашего дома, через весь земной шар, письмо нашло меня в крошечном прибрежном поселке в Южной Австралии. Вы изменили

мой мир, открыли его, дали мне выбор. Годы спустя я отправила вам свою первую книгу. И вы, мой самый главный герой, ответили мне и прислали несколько подарков. «Толковый словарь Эс Джей» — моя ода вам, написанная спустя тридцать лет. Истории проникают сквозь время и пространство, континенты и сердца. Вы украли кусочек моего сердца. Теперь я дарю вам кусочек своего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	82
Глава 8	102
Глава 9	106
Глава 10	116
Глава 11	124
Глава 12	138
Глава 13	144
Глава 14	152
Глава 15	158
Глава 16	165
Глава 17	170
Глава 18	185
Глава 19	192
Глава 20	205

Глава 21	210
Глава 22	216
Глава 23	225
Глава 24	231
Глава 25	244
Глава 26	255
Глава 27	267
Глава 28	277
Глава 29	289
<i>От автора</i>	295
<i>Благодарности</i>	299

Литературно-художественное издание
Для среднего и старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12+

Эллейн Л. УЭБСТЕР

Толковый словарь Эс Джей

Перевод с английского Марина Пуксант

Автор обложки Тимофей Яржомбек

Издатель Виталий Зюсько

Шеф-редактор Марина Кадетова

Художественный редактор Дмитрий Дервенёв

Ведущий редактор Яна Сартан

Литературный редактор Елена Толмачёва

Подготовка обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Художественное оформление и верстка Дмитрий Дервенёв

Корректоры Зоя Скобелкина, Евгения Якимова

Регистрационное свидетельство № 1187746607146 от 27.06.2018

ООО «Издательский дом «Тинбук»

115172, Москва, Новоспасский пер., д. 7А, стр. 4.

E-mail: teenbook.publishing@gmail.com

Товарный знак «КомпасГид» используется на основании договора
с ООО «Издательский дом «КомпасГид» № 201901-ТЗ от 18.01.2019 г.

Купить книги «КомпасГида» вы можете на сайте www.kompasgid.ru

или в отделе продаж издательства:

тел. (499) 707-74-75, book.kompasgid@gmail.com

Заказать книги в библиотеку: пишите на kompasgid@gmail.com

Читать в электронном формате: ищите нас на www.litres.ru

**Следить за новостями и книжными новинками: подписывайтесь на нас
в социальных сетях Facebook, VK, Instagram**

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 60×90/16 (140×210 мм).

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0.

Отпечатано в

Заказ №